

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЗАПАД-ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2009

**Основан в 2008 г.
Выходит один раз в год**

ББК Ф2я53
УДК 32(1-15)=32(1-11)
3 300

Редакционная коллегия:

Г.В. Рокина
(главный редактор),
А.А. Ярыгин,
Г.Ф. Горбашова,
Т.Н. Иванова,

||| *Е.В. Колесова,*
Ю.С. Обидина,
М. Даниш
(Словацкая Республика),
Т.Г. Нефёдова

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МарГУ

ISBN 978-5-94808- - © ГОУВПО «Марийский государственный
университет», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск научно-практического ежегодника посвящен памяти профессора кафедры всеобщей истории Марийского госуниверситета, доктору исторических наук Ирине Романовне Фишер (1929-2009 гг.), 80-летний юбилей которой ее близкие, коллеги и ученики будут отмечать в декабре 2009 года. И.Р. Фишер почти полвека проработала в Марийском государственном педагогическом институте имени Н.К. Крупской (с 2008 года институт присоединен к Марийскому госуниверситету), она была первым профессором в Республике Марий Эл, защитившим докторскую диссертацию по специальности 070003 – Всеобщая история (история средних веков).

Тематика ежегодника в определенной мере отражает сферу научных интересов профессора И.Р. Фишер – средневековая история и культура Западной Европы, история славян. Авторы статей и научных сообщений данного выпуска – ученики И.Р. Фишер, коллеги по кафедре, а также специалисты по средневековой истории Запада и ученые-слависты.

Раздел «Статьи и сообщения» открывает статья выпускника Марийского госпединститута, ученика И.Р. Фишер, Р.В. Воробьева о взаимоотношениях позднереспубликанского Рима с зависимыми территориям, раскрывающая некоторые аспекты его научных изысканий.

Статьи О.В. Терехиной, В.В. Кутявина и А.В. Рандина посвящены славянской проблематике, которая занимала первостепенное место в научном творчестве И.Р. Фишер. О.В. Терехина, доцент Самарского госуниверситета, своей статьей о Т.Г. Масарике включилась в начатую нашим ежегодником дискуссию о восприятии России в славянском обществе XIX века (см.: Д. Кодайова. Образ России у С.Г. Ваянского и Т.Г. Масарика: между русофильством и европеизмом // Запад-Восток. 2008. № 1. С. 64–73). Вопросы польской истории в статье В.В. Кутявина рассматриваются в контексте русско-польских отношений. Ее автор – признанный в России и за рубежом полонист, ответственный редактор межвузовского сборника Самарского госуниверситета «История и историография зарубежного мира в лицах», членом редколлегии которого долгие годы была И.Р. Фишер.

Выпускник Марийского госуниверситета, ученик И.Р. Фишер, защитивший под ее руководством дипломную работу по средневековой истории Чехии, кандидат исторических наук, известный европейский ученый и общественный деятель А.В. Рандин публикует материалы своих многолетних исследований о гуситской эпохе в истории Чехии.

Уникальные материалы по средневековой истории Франции представил на суд научной общественности профессор кафедры истории южных и западных славян Московского госуниверситета М.В. Дмитриев, коллега И.Р. Фишер по участию в славянских научных форумах и преподаванию общего курса истории средних веков в Маргосуниверситете.

В «австро-венгерский» блок выпуска вошли публикации И.В. Крючкова и А.Н. Птицына, ученых Ставропольского госуниверситета. Тематика их статей вплотную перекликается со славистическими исследованиями и затрагивает наиболее дискуссионные вопросы австро-венгерской истории XIX – начала XX вв.

Т.Н. Иванова, заведующая кафедрой всеобщей истории Чувашского госуниверситета, член редколлегии нашего ежегодника, продолжает знакомить научную общественность с историческими исследованиями В.И. Герье.

Англо-русские взаимосвязи XIX века на материалах викторианской Англии и русской общественной мысли рассматриваются в работах Г.Ф. Горбашовой и А.Г. Туманова. К этому «английскому» блоку выпуска примыкают исследования преподавателей кафедры всеобщей истории Маргосуниверситета – доцента А.А. Ярыгина о проблемах южных колоний Англии в Северной Америке и старшего преподавателя Е.В. Лежниной по ирландскому вопросу XVII века.

Свидетельством актуальности рассматриваемых на страницах ежегодника проблем являются его международные контакты. В этом выпуске они представлены статьями украинского ученого С.А. Гануса и докторантки Европейского университета г. Флоренции О.Б. Земцовой.

Наш ежегодник находится в поиске своей оптимальной структуры: в этом выпуске появилась новая рубрика «Портрет историка», в которую вошли очерк жизни и творчества И.Р. Фишер, подготовленный на основе воспоминаний ее учеников и коллег, и статья профессора Саратовского университета А.Н. Галямичева.

Еще одну новую рубрику издания, «Критика и библиография», открывает рецензия профессора Брянского госуниверситета С.И. Михальченко на монографию видной ученой, сотрудницы Института славяноведения и балканистики РАН М.Ю. Досталь, посвященную истории отечественного славяноведения.

Редакция ежегодника надеется, что данный выпуск не только отразил основные направления научной деятельности ученых и преподавателей кафедры всеобщей истории, ее межвузовские и международные связи, но и станет нашей данью памяти профессора Ирины Романовны Фишер.

Г.В. РОКИНА, главный редактор

Р.В. ВОРОБЬЁВ

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РИМА
С МАВРЕТАНО-НУМИДИЙСКИМИ ЦАРСТВАМИ
В КОНЦЕ III – ВТОРОЙ ТРЕТИ I ВВ. ДО Н.Э.**

Поражение Карфагена во II Пунической войне (218–201 гг. до н.э.) изменило политическую карту Северной Африки. При поддержке Рима здесь возникло обширное Нумидийское царство под управлением Масиниссы. В период между второй и третьей пуническими войнами молодое царство разрослось за счет территорий карфагенского государства и сопредельных образований. Западные границы пролегли по р. Мулуха, на востоке его территории простирались до Киренаики. После разрушения Карфагена Сципионом Младшим в 146 г. до н.э. на бывших пунических землях была образована римская провинция Африка, что привело к появлению общей римско-нумидийской границы.

В конце II в. до н.э. в ходе Югуртинской войны (111–105 гг. до н.э.) римляне установили отношения с правителем другого местного образования – мавретанским царем Бокхом I (Старшим). В течение двух третей I в. до н.э., в результате ряда поражений нумидийских царей в проримских выступлениях, земли Нумидии оказались разделенными между римскими и мавретанскими территориями.

В историографии признается зависимость местных царств от средиземноморской державы, однако степень и формальное обоснование этой зависимости понимаются по-разному. Одни исследователи считают, что мавретано-нумидийские царства самим своим существованием были обязаны, по большей части, стандартной римской политике вмешательства в дела зависимых государств и, помимо прочего, мерам по копированию племенных вождей для улучшения контроля над ситуацией.¹ Соответственно, верховенство Рима было изначальным и безоговорочным, местные правители выступали лишь послушными исполнителями чужой воли. Другие отмечают, что зависимость местных царств усиливалась постепенно, превращение же их в фактические владения Рима, возглавляемые марионеточными правителями, происходило в результате и по итогам каких-либо рубежных событий: Югуртинской войны, по мнению Т. Котули², изменения ситуации к эпохе Октавиана – Ф. Лева³.

Обобщенность выводов в немалой степени объясняется тем, что вопрос, зачастую, рассматривается исследователями применительно к мавретано-нумидийским царствам в целом. Для подкрепления выводов используется материал по истории Нумидии, более обширный и лучше сохранившийся. Также привлекаются источники по истории Мавретанского царства нумидийской династии (25 г. до н.э. – 40 г. н.э.), положение которого в корне отличается от ситуации с мавретанскими образованиями указанного периода; либо проблема освещается ретроспективно, с противопоставлением царства Юбы II⁴ предшествующей эпохе. Все это затрудняет понимание специфики положения собственно мавретанских царств в рассматриваемое время.

Внешне и нумидийские, и мавретанские цари изначально выступали самостоятельными правителями. Они заключали договор с римской державой на равноправных началах, получая в обмен на конкретные заслуги звание «царя, друга и союзника римского народа». Из античных авторов Флор, едва ли не единственный, примени-

тельно к концу II в. до н.э. говорит о клиентских отношениях Республики и Нумидийского царства (Flor., I, XXXVI, III, 1, 3). Другие авторы не пользуются подобной терминологией, поэтому судить однозначно о сути взаимоотношений Рима с ливийскими царствами в этот период затруднительно. Однако вплоть до эпохи нумидийской династии в Мавретании нет оснований считать мавретано-нумидийские царства и их правителей клиентами Рима.

Вопрос о степени зависимости местных правителей от римской державы напрямую связан с вопросом об их возможностях распоряжаться своей властью и территорией. Французский исследователь Ф. Лева поддерживает мнение, что формальная правовая зависимость от средиземноморской державы характеризовала лишь положение Мавретанского царства нумидийской династии, и применительно к образованиям предшествующей эпохи в трудах античных авторов является анахронизмом⁵.

Тем не менее, уже во II в. до н.э., когда римляне, по праву победителя в пунических войнах, являлись арбитрами в спорах Масиниссы и Карфагена, когда Сципион делил наследство нумидийского царя между его сыновьями, а позже сенат проводил границы между Югуртой и Адгербалом, Рим выступал высшей инстанцией, по меньшей мере, фактическим распорядителем властных полномочий местных правителей, а также земель Нумидийского царства.

Полибий (в письме Сципиона к Пруссии – Pol., XXI, 11, 6–9) отмечал, что Масиниссу, как и некоторых других правителей в цари, из слабых и малозначащих фигур возвели римляне, и, в другом месте (речь Эвмена в сенате – Pol., XXI, 21, 2), что царем над большей частью Ливии его поставили римляне. Здесь очевидны заявления по поводу изначальной принадлежности власти и территорий царей Нумидии Риму.

В I в. до н.э. вопрос о верховном праве собственности римского народа на нумидийские территории актуализировался в связи с социально-экономическими проблемами в римском государстве и соответствующим направлением развития провинциальной политики. Он неоднократно поднимался на обсуждениях и в сенате, и в народных собраниях. В январе 63 г. до н.э. в своей второй речи по поводу проекта земельного закона П. Сервилия Рулла Цицерон прямо говорил, что нумидийский царь Гиемпсал II владеет землями римского народа, добытыми Сципионом Африканским⁶. Позднее в 49 г. до н.э. народным трибуном Г. Скрибонием Курионом был внесен законопроект о включении царства Юбы I в состав римского государства (Caes., V.C., II, 25)⁷.

По всей видимости, на ситуацию также оказали влияние особенности развития ливийского сообщества, находящегося на стадии классовообразования и политогенеза. По мнению К.Р. Виттакера, местные предводители осуществляли свою власть не посредством владения землей, а в результате контроля определенных областей⁸. В силу неразвитости в местной среде понятия частной собственности на землю ливийские цари придавали большее значение реально существующему положению, чем далеким от местной жизни нормам римского права. Поэтому на первоначальных этапах, пока Рим претендовал на верховное право владения, но мало вмешивался в дела ливийских царств непосредственно, конфликтных ситуаций не возникало. Только позднее, с углублением римско-нумидийских отношений и вхождением царства в средиземноморскую систему международных отношений, по мере активизации связанных с этим процессов внешнего и внутреннего развития Нумидии, перед царями со всей очевидностью встал вопрос о праве распоряжаться собственными территориями, о сохранении власти и получении гарантий от римского вмешательства, которое даже в мирное время могло обернуться потерей царства.

Римляне же изначально обращали особое внимание именно на вопросы правового оформления⁹. Аннексируя в результате военных конфликтов территорию Нумидийского царства, с юридической точки зрения они рассматривали это как возврат принадлежавших Риму по праву войны с Сифаком¹⁰ и Карфагеном земель¹¹, которые были предоставлены во временное пользование дружественным царям и отбираются у тех правителей, которые заняли враждебные римлянам позиции¹².

Таким образом, сложно согласиться с Ф. Леве и однозначно рассматривать указания на верховное право Рима в отношении нумидийских земель в качестве допущенных античными авторами анахронизмов. Даже если понятие о верховном праве Рима на нумидийские земли сформировалось в окончательном виде лишь ко второй половине I в. до н.э., предпосылки этого процесса, представление о зависимости власти нумидийских царей от римлян существовали намного раньше, с создания единого Нумидийского царства и раздела Сципионом наследства и властных полномочий Массиниссы. Именно в широком озвучивании этого права в различных кругах римского общества, кроется, вероятно, объяснение того, что данный вопрос нашел отражение в трудах последующих авторов.

С другой стороны, применительно к мавретанским правителям до прихода нумидийской династии (25 г. до н.э. – 40 г. н.э.) в источниках не встречается утверждений о верховном праве римлян на территорию их царств¹³. Это свидетельствует об отличии, в рассматриваемый период, положения мавретанских и нумидийских царств с точки зрения римской правовой системы. Исконные мавретанские земли к западу от реки Мулуха не были римской собственностью, полученной в результате войны. Местные правители, даже находясь в зависимости от воли Рима, не были обязаны ему своей властью.

Между тем, в результате ряда политических событий конца II – середины I вв. до н.э. (Югуртинская, гражданские войны и др.), западные земли Нумидийского царства при попустительстве Рима постепенно переходили под власть мавретанских царей. Это можно объяснить, вероятно, не только слабым еще интересом римлян к территориям будущей Цезарейской Мавретании, трудностями их освоения, но также хищническими планами мавретанских царей и более реальными, с их стороны, возможностями контроля этих земель.

Политическое расширение мавретанского региона в восточном направлении, появление, в конечной перспективе, мавретанско-римской границы, укрепление авторитета и рост значимости мавретанских царей не могли не тревожить римлян. Однако в рассматриваемое время Рим не располагал эффективными средствами воздействия на ситуацию в западных частях Северной Африки. Римлянам приходилось ограничиваться общими напоминаниями о своем праве на западнонумидийские территории, а также декларативными подтверждениями за мавретанскими правителями фактически реализуемого ими права пользования захваченными землями (Sall., Jug., 111, 1; App., B.C., IV, 54; Cass. Dio, XLIII, 45, 3).

В то же время, заявление верховных прав на бывшие территории Сифака в перспективе могло послужить поводом для установления контроля за деятельностью восточномавретанских царей. Последние, таким образом, становились формальными пользователями принадлежащих Риму земель масесилов. Подобная позиция давала возможность с точки зрения римского права и политики сблизить положение нумидийских династов и правителей восточной Мавретании.

Чувствуя, вероятно, шаткость такой постановки вопроса, римляне не озвучивали ее публично. К тому же, ею оставались неохваченными западные, собственно маврские земли. В этой связи следует обратить внимание на активность Рима в локаль-

ных, казалось бы, событиях, произошедших в Мавретании в 38 г. до н.э. (Cass. Dio, XLVIII, 45).

Невозможность для экономически развитого средиземноморского города жить в зависимости от, в сущности, местного вождя была, вероятно, основной причиной недовольства Тингиса, открыто проявляемого во времена внутренних смут¹⁴. Волнения в этом городе дали повод к вмешательству восточномавретанского царя Бокха Младшего и римлян – сторонников Октавиана. В 38 году был свергнут правитель западной Мавретании Богуд II и образовано единое царство. Тингис получил права римского самоуправления¹⁵, что исключало возможность повторения подобной ситуации уже в царстве Бокха II¹⁶.

Очевидно, что дарование городу Тингису римского (или латинского, ученые расходятся здесь во мнении) права, как один из итогов произошедших событий, имело целью создание плацдарма в западной Мавретании. Эта необходимость была тем очевиднее, что в других мавретанских городах, в отличие от нумидийских, не было, по всей вероятности, значительного контингента римских поселенцев, при чьей поддержке Рим мог бы оказывать влияние на внутреннюю политику местных царей¹⁷.

По-видимому, опора на Бокха Младшего в этой войне также не случайна. Нумизматические данные показывают большую проримскую ориентацию Богуда II¹⁸. Однако, Октавиан не старался переманить его на свою сторону, но предпочел ориентироваться на Бокха Младшего. Причиной могло быть положение Бокха II. Это царь восточной Мавретании, земли которой формально были переданы мавретанским правителям Римом, а не являлись их историческими территориями, как районы западнее реки Мулухи. Также это царь, возможно, оказывавший помощь помпеянам и сражавшийся с наместником Октавиана в Испании¹⁹. Соответственно, дискредитировавший себя Бокх II скорее мог отвечать интересам Рима, чем более последовательный в своей политической репутации Богуд II²⁰.

События вокруг восстания Тингиса и появления единого мавретанского царства потворствовали желанию Рима укрепиться на западных территориях не только с позиций силы, но и в плане юридического оформления правоты собственных действий. Военное вмешательство предоставляло зыбкое обоснование права войны на формально независимые западномавретанские территории. Образование единого Мавретанского царства под управлением восточномавретанского царя могло послужить поводом для более поздних заявлений о получении местными правителями власти и территорий из рук Рима.

Таким образом, очевидны различия правовых положений нумидийских, восточных и западных мавретанских царств в их юридически обоснованной зависимости от римской державы. Статус нумидийских царств с точки зрения Рима не вызывал сомнений. Это были территории, владение которыми осуществлялось на основе права войны. Дарование права пользования местным царям – «друзьям римского народа» – подразумевало сохранение высшей власти Рима, верховного права собственности и распоряжения территорией.

Относительно мавретанских царств, даже восточных, расположенных на бывших нумидийских землях, ситуация представляла в ином свете. Здесь обоснование права верховной собственности Рима было более зыбким. В результате, римскими правящими кругами предпринимается ряд усилий для сближения позиций мавретанских и нумидийских царей в этой области²¹. Не будучи уверенными в направлении дальнейшего развития ситуации, не имея значимого представительства своих поселенцев в мавретанских городах, не обладая твердыми юридическими основаниями для предъявления прав на западные территории и не располагая в рассматриваемое время

достаточными возможностями, римляне могли стремиться к созданию любых, хотя бы чисто формальных, обоснований своих претензий на мавретанские земли.

Примечания

- ¹ См., напр., *Brett M., Fentress E. The Berbers. Oxford, Cambridge (USA), 1996. P. 47–48, 50.*
- ² *Kotula T. Afryka Polnocna w starozytnosci. Wroclaw, 1972. P. 124–126.*
- ³ *Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 316–317.* В ходе постепенного перехода римской политики во II–I вв. до н.э. от системы косвенного к системе прямого подчинения (по этому вопросу см., Егоров А.Б. Римское государство и право. СПб., 2006. С. 57).
- ⁴ Юба II (годы правления – 25 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.) – первый представитель нумидийской династии, поставленной римлянами в воссозданном в последней трети I в. до н.э. Мавретанском царстве.
- ⁵ *Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 316–317.*
- ⁶ *Cic., De agr., II, XXII, 58.* В консульство Г. Аврелия Котты (75 г. до н.э.), добавляет Цицерон, была сделана попытка укрепить права нумидийского царя посредством заключения соответствующего договора. Однако этот договор не был утвержден решением народа.
- ⁷ С наибольшей определенностью в этот период вопрос верховенства Рима был сформулирован, вероятно, Саллюстием в речи Адгербала к римскому сенату. – *Sall., Jug., 14, 1–2; 8.*
- ⁸ *Whittaker C.R. Land and labour in North Africa // Whittaker C.R. Land, city and trade in the Roman Empire. Aldershot, 1993. P. 334, 340–341.*
- ⁹ Об этом, как о характерной черте в действиях римлян, пишет Ф. Лева – *Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 320.*
- ¹⁰ Сифак – соперник Масиниссы, правитель масесилов. Во время II Пунической войны в конечном итоге поддержал Карфаген, был пленен римлянами, территории его царства составили западные районы объединенной Нумидии.
- ¹¹ По римскому праву, вся земля и имущество побежденных становились римской общественной собственностью. Даже в случае добровольной сдачи и подписания мирного договора часть имущества и земель побежденного государства оказывалась подвластной Риму. См.: Альвар Х. Поверженные испанцы. Отношение римлян к побежденным // ВДИ. 2005. № 2. С. 97, 100; Егоров А.Б. Римское государство и право. СПб., 2006. С. 56–59; Колосовская Ю.К. Паннония в I–II веках. М., 1973. С. 58; *Kotula T. Afryka Polnocna w starozytnosci. Wroclaw, 1972. S. 112; Leveau Ph. La fin du royaume Maure // BACTHS. Nouvelle serie. № 17. Fasc. V. Paris, 1984. P. 318.*
- ¹² В более поздний период, на рубеже эр, подобным образом описывает ситуацию Страбон. – *Strab., XVII, 3, 12.*
- ¹³ См.: *Strab., VI, 4, 2; Tac., Ann., IV, 5.*
- ¹⁴ Тингис активно участвовал в междоусобицах II в. до н.э. – *Plut., Sert., IX, 3.*
- ¹⁵ *Cass. Dio, XLVIII, 45, 3.* По-видимому, такая мера указывает также на существенное количество римских граждан, проживавших в этом важном портовом городе. После получения римского права надписи на монетах Тингиса становятся латинско-финикийскими (билингвами) либо чисто латинскими. – *Mazard J. CNM, №№ 612–625.*
- ¹⁶ Волнения в Тингисе начались в 40 г. до н.э., когда Богуд II с войском находился на Иберийском полуострове с целью поддержки сторонников Антония. После потери царства он окончательно примкнул к противникам Октавиана, участвовал в битве при Акции, бежал и был убит в Мессении Агриппой (*Strab., VIII, 4, 3; Cass. Dio, L, 11, 3.* Плутарх путает его с Бокхом II (*Plut., Ant., LXI, 1.*)).
- ¹⁷ В Цирте, столице Нумидии, уже во время Югуртинской войны число римских граждан было настолько велико, что они смогли отбить атаку Югурты на город (*Sall., Jug., 26, 2*), а община так влиятельна, что позднее принудила Адгербала открыть противнику городские ворота (*Sall., Jug., 26, 1–2*).
- ¹⁸ Монеты этого правителя (согласно классификации Ж. Мазара – №№ 103–106) чеканились в итальянских мастерских и содержат надписи на латыни, тогда как монеты, приписываемые Бокху Младшему (№№ 107–117), были по всей вероятности выбиты в его честь местными городами. – *Mazard J. Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque. Paris, 1955. P. 61–65.*
- ¹⁹ По-видимому, Бокх II действительно отличался двойственной позицией. Не случайно многие помпеянцы после поражения при Тапсе бежали в земли восточной Мавретании, и там оказывались в руках Публия Ситтия (*Cass. Dio, XLIII, 9, 5; 12, 2*). Позднее же царь для поддержки помпеянцев послал на Иберийский полуостров войска во главе с сыном (*Cass. Dio, XLIII, 36, 1*). В то же время, указание Аппиана на военную помощь Бокха Младшего в борьбе с Карриной, испанским наместником Октавиана, может быть ошибочным (*App., B.C., V, 26*). Не исключено, что автор путает его с западномавретанским царем.
- ²⁰ В 43 г. до н.э. Богуд II предоставляет убежище квестору Бальбу, присвоившему часть золота и серебра из испанских доходов казны (*Cic., Fam., X, 32, 1*). То есть, западномавретанский царь позволял себе вольности, которые были бы недопустимы для Бокха II, которому следовало заботиться о восстановлении своей репутации в мнении правящих кругов Рима.

²¹ Отражением этого процесса и следует, видимо, считать подчеркивание в литературных источниках, начиная с «Югуртинской войны» Саллюстия (Sall., Jug., 14, 1; 111, 1), права собственности римлян на завоеванные земли (соответственно, права распоряжаться ими по своему усмотрению) и ограниченности права пользования зависимых царей дарованными им территориями.

Список сокращений

App., В.С. – Аппиан. Гражданские войны.
 Caes., В.С. – Цезарь. Записки о гражданской войне.
 Cass. Dio – Дион Кассий. Римская история.
 Cic. – Цицерон.
 Ager. leg. II – Вторая речь о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла.
 Fam. – Письма к близким.
 Flor. – Флор. Две книги эпитом римской истории.
 Plut. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания.
 Sert. – Жизнеописание Сертория.
 Ant. – Жизнеописание Антония.
 Pol. – Полибий. Всеобщая история.
 Sall., Jug. – Саллюстий. Югуртинская война.
 Strab. – Страбон. География.
 Tac., Ann. – Тацит. Анналы.
 BASTHS – Bulletin archeologique du comite des travaux historiques et scientifiques.
 Mazard J. CNM – Mazard J. Corpus nummorum Numidiae Mauretaniaeque.

А.В. РАНДИН

ГУСИТСКАЯ ЭПОХА В ЗЕРКАЛЕ ОДНОЙ СУДЬБЫ («РУССКИЙ ГУСИТ» КНЯЗЬ ФРИДРИХ ОСТРОЖСКИЙ)

Князь Фридрих Острожский, «известный гуситский партизан», как его метко охарактеризовал польский историк XIX века¹ – персонаж, по-своему заметный в истории гуситской эпохи, его имя вскользь упоминается на страницах специальных и популярных исторических трудов. Специального исследования о нем нет, но имеется ряд пристрастных и идеологически окрашенных оценок. Для одних он – наиболее примечательная, исключительная фигура среди русских участников гуситской революции, воплощение якобы существовавшей уже в XV в. славянской солидарности, искренне верующий православный человек, глубоко переживавший несправедливое осуждение Яна Гуса и Иеронима Пражского². С его именем связано возникновение курьезной легенды о некоем моравском «Сталинграде», в которой освобождение осажденного Бржецлава таборитским войском в 1426 г. изображается как решающая битва, обеспечившая гуситам контроль над всем моравским маркграфством. При этом большой ключ на бархатной подушке вручил Прокопу Голому сам командир защитников – князь Фридрих³. А для других он – продажный наемник, «восточный князь с пустыми карманами», из корыстных соображений сотрудничавший с гуситами⁴.

Действительно, князь Фридрих из Острога прошел через историю гуситской Чехии и соседних стран таким замысловатым зигзагом, что прежде чем проследить этот головокружительный слалом, когда его имя то появляется в источниках, то исчезает на многие годы, а затем вновь всплывает, но уже в иной роли, на другой стороне баррикады или в третьем государстве, необходимо, хотя бы в грубом наброске, представить себе основные вехи развития гуситского движения и чешской реформации в контексте центрально-европейских реалий 20–30-х гг. XV столетия.

Гуситская революция и чешская реформация выросли из затяжного кризиса позднесредневековой Европы XIV–XV вв., вызванного комплексом экономических, социальных, политических, культурно-исторических факторов и нашедшего наиболее яркое проявление в упадке церковной организации западного христианства и в стремлении ее реформировать на базе евангельских принципов. В официальных церковных структурах к началу XV в. возобладало представление о том, что реформу церкви «во главе и членах» призван осуществить собор, т.е. форум представителей церковных институтов, интеллектуальной и политической элиты европейского духовенства, перед авторитетом которого должна была склониться папская власть. Соборное движение представляло собой модель реформы церкви «изнутри», поскольку исходило из того, что право принимать решения о путях реформы может только духовенство, в определенной степени учитывающее интересы светской власти, представленной римским императором и другими христианскими монархами.

Чешская реформация также зародилась в рамках «ученой критики церкви». Однако за сравнительно короткий период гуситское понимание реформы, сформулированное магистрами Пражского университета Яном Гусом и Якоубеком из Стржибра, получило мощный отклик во всех слоях чешского общества. Краеугольным камнем гуситской теории стал принцип «божьего закона», изложенного в Библии, который на практике означал следование примеру Христа и возвращение к «апостольским» нормам, которыми руководствовалась раннехристианская церковь. Главная причина упадка римской церкви и социального кризиса усматривалась в светской власти духовенства и церковной собственности. При этом гуситские идеологи не испытывали иллюзий относительно способности духовенства добровольно отказаться от власти и имущества. Право и обязанность осуществить реформу возлагались на государя и дворянство, а при определенных условиях, и на население города и деревни. Не случайно нарастающее гуситское движение спонтанно избрало своим символом чашу причастия. Причастие мирян под обоими видами (хлебом и вином из чаши), теоретически обоснованное Якоубеком из Стржибра, было главным признаком, который объединял гуситов всех направлений и одновременно отличал их от католиков, причащавшихся только хлебом. По своей сути «чаша» выражала нарастающий процесс секуляризации: при богослужении мирянин уравнивался в правах со священником.

Понятно, что отмеченные принципы гуситской теории и практики создавали предпосылки для реформы церкви «извне» и широкого социально-активного действия, катализатором которого стала гибель Яна Гуса и Иеронима Пражского, сожженных на костре по приговору Констанцского собора. Летом 1419 г. гуситское движение переросло в революцию.

При этом чешское общество раскололось по всей шкале социальной структуры на два параллельных блока: гуситов и католиков. Важно подчеркнуть, что поляризация произошла не между отдельными сословиями, социальными слоями и группами, а внутри них. Поэтому было бы существенным упрощением объяснять непосредственные мотивы участия в гуситском движении только экономическими и политическими интересами. Конечно, их нельзя сбрасывать со счетов, но определяющим было внутреннее убеждение индивидуума, его понимание христианской веры и осознание необходимости реформы.

Несомненно, что в исторической ретроспективе, с многовековой дистанции ситуация выглядит несколько иначе. Гуситская революция имела широкую социальную базу, но объективно ее программа наиболее отвечала интересам бюргерства. Ее ведущей силой были королевские города, которые стремились получить доступ к политической власти. Высшее и низшее дворянство привлекал секуляризационный аспект

гуситской программы. Часть панства стремилась избавиться от амбициозного конкурента в лице духовенства и добиться решающей роли в управлении государством. Многочисленная низшая шляхта также добивалась участия в общественной жизни королевства, и именно в напряженной революционной атмосфере пришло ее время. Земане, паноши и владыки получили возможность продемонстрировать свои политические и военные способности, реализовать личные амбиции как в рядах гуситов, так и на стороне католиков. Естественно, что наиболее преданных сторонников и пламенных проповедников идея реформации нашла среди чешского духовенства: университетских интеллектуалов, части приходского клира, беглых монахов и «священнического пролетариата», которому нечего было терять в процессе секуляризации. Наконец и зависимые крестьяне со значительными симпатиями отнеслись к идеалам реформы и прямо участвовали в гуситском движении. Впервые в чешской истории крестьянство выступило как активная социальная сила.

Итак, гуситская революция в 1419–1420 гг. вступала в свою кульминационную фазу как движение социально разнородное и внутренне сложно структурированное. Тем не менее, на Чаславском сейме 1421 г. произошло объединение всех гуситских сил на базе общей программы «Четырех пражских статей», которая постулировала «божий закон» в качестве не только высшей религиозной, но и светской нормы в сфере государства, права, политики, культуры и морали, обязательной для всех без различия пола, происхождения, сословия и имущественного положения. Конкретные требования программы предусматривали свободную проповедь слова божьего, приращение мирян под обоими видами, как необходимого условия спасения души, секуляризацию церковного имущества и ликвидацию светской власти духовенства, а также бескомпромиссное искоренение всех «смертных грехов», т.е. отступлений от евангельских принципов в гуситском понимании «божьего закона».

Эту программу гуситы намеревались реализовать не только на территории Чешского королевства, но и во всем христианском мире. Идеи чешской реформации изначально имели наднациональный, универсалистский характер, что не исключало, однако и выраженного чешского мессианизма, представления о том, что именно чехи являются тем избранным народом, которому Бог открыл истинные правила христианской жизни.

Хотя Четыре пражские статьи в суммарном виде отражали основные принципы чешской реформации, но их интерпретации внутри гуситского лагеря существенно варьировались, поскольку гуситы в ходе революции разделились на несколько главных конфессионально-политических направлений, которые при необходимости сотрудничали, но одновременно и соперничали в борьбе за гегемонию. В конце 20 – начале 30-х гг. XV в. политическая сцена несколько стабилизировалась, и расстановка сил выглядела следующим образом.

На левом фланге находились радикальные гуситские объединения: табориты и сироты, которым принадлежала решающая роль в жизни страны. Таборитский союз был весьма последовательным в религиозной сфере, стремился приблизить повседневную жизнь к библейскому образцу, подверг существенной ревизии догматику и литургическую практику в соответствии с критериями «божьего закона» и создал собственную церковную организацию, практически независимую от римской церкви. Влиятельные позиции в жизни союза принадлежали гуситскому духовенству, выдвинувшему группу идеологов во главе с Микулашем Бискупцом из Пельгржимова, взгляды которых представляли собой симбиоз учения Яна Гуса и Якоубека из Стржибра с народным еретичеством. Политические лидеры Табора, среди которых доминировала личность Прокопа Голого (Великого), в своей тактике отдавали предпочтение комбинации военного и политического давления.

Территориально сфера влияния таборитов охватывала в основном южную и юго-западную Чехию, при этом они контролировали и ряд стратегически важных пунктов в других чешских краях, в Моравии, Силезии и на словацких территориях Венгерского королевства. Структурно таборитский союз представлял собой своеобразную конфедерацию, отдельные элементы которой сохраняли значительную самостоятельность и соперничали между собой. В частности, значительное место в рамках союза принадлежало собственно городу Табор, но под его прямым контролем находилась только ближайшая округа. Автономное положение занимало объединение королевских городов с центром в Писеке. Союзниками Табора выступали, по убеждению или против своей воли, многие представители южно-чешского панства и низшей шляхты. В любом случае, союзнические отношения с таборитами, давали им возможность сохранить свои владения и с выгодой для себя участвовать в военных походах.

Наиболее влиятельной военной и политической силой таборитского союза являлась «полевая община», сформировавшаяся в 1424–1426 гг. Во главе полевого братства стоял в качестве «духовного администратора» выдающийся политик и дипломат священник Проккоп Гольий. Ядро братства образовывало постоянное войско (4000–6000 воинов), подчиненное верховному гетману. Под прямым контролем полевой общины находился ряд городов Чехии и гарнизонов в соседних странах.

Почти таким же мощным был и восточно-чешский гуситский союз, созданный Яном Жижкой, за которым после его смерти закрепилось название сиротского братства. Если табориты отличались радикализмом в религиозной сфере, то конфессионально более консервативные сироты были бескомпромиссны в политическом отношении. Их вожди отдавали безусловное предпочтение насильственным действиям и, по примеру Жижики, оставляли за собой право карать каждого, кто, по их мнению, отступал от «истин» Четырех пражских статей.

Сфера влияния сиротского союза находилась в восточной и северо-восточной Чехии (Градец Кралове, Часлав, Колин и другие города; с 1429 г. – Новое Место Пражское). Главная заслуга в ее создании и расширении принадлежала постоянному полевому войску, насчитывавшему от 2000 до 4000 воинов. Во главе полевого братства стояли так же, как у таборитов «духовный администратор» и верховный гетман. Сироты также имели гарнизоны в Чехии, Моравии и Словакии.

Подобно таборитскому объединению, восточно-чешский союз являлся конфедерацией городов и дворянства при решающей роли полевого братства, но в отличие от Табора здесь позиции шляхты были существенно сильнее, а влияние гуситского духовенства значительно меньшим.

На начальном этапе революции наиболее влиятельным гуситским объединением был пражский союз, с которым сотрудничала значительная часть гуситского дворянства. В отличие от таборитской и восточно-чешской «федераций», Прага строила свой городской союз на централистском принципе, узурпировав права короны, но внутренняя борьба постепенно снижала его значение. Падение диктатуры пражских радикалов во главе с Яном Желивским в 1422 г. привело к власти консервативных гуситов, идеологически представленных частью университетских магистров, которые признавали Четыре пражские статьи, но при этом стремились к достижению быстрого консенсуса с римской церковью и были готовы идти на принципиальные отступления от гуситской программы. Политическая стабилизация режима правого крыла была связана с именем князя Зигмунда Корибута (Корибутовича), племянника великого князя литовского Витовта, впервые появившегося в Чехии в апреле 1422 г. в рамках дипломатических шагов, связанных с попытками реализовать идею польско-литовской кандидатуры на чешском троне. В июле 1424 г. Корибут по собственной

инициативе вновь прибыл в Чехию с польско-литовско-русской дружиной и встал во главе пражского гуситского союза. Дрейф консервативного пражского крыла к блоку с католическим лагерем привел к перевороту в апреле 1427 г., который вернул столицу королевства в руки умеренных гуситов. В политическом отношении это привело к фактическому распаду союза и долговременному отказу от самостоятельной политической линии. Новое Место примкнуло к сиротам, а староместские лидеры стремились опереться на поддержку таборитского полевого братства. Однако в религиозной сфере Прага сохранила самостоятельность, что являлось безусловной заслугой магистра Яна Рокицаны, главного идеолога «центристского» направления в гусизме. Рокицана прочно стоял на позициях Четырех пражских статей в умеренной трактовке. Он стремился к компромиссу с католической церковью, но при условии взаимных уступок и сохранения основного ядра гуситской программы. С другой стороны, выступая непримиримым критиком радикальной идеологии, он был готов к политическому взаимодействию с таборитами и сиротами. Такая политика долгое время обеспечивала тесное и успешное сотрудничество левого крыла и гуситского «центра».

Католический лагерь в Чешском королевстве к началу 30-х гг. XV в. находился в затяжной и глубокой «обороне», хотя католикам и удавалось удерживать компактные территории на западе страны (Пльзеньский край) и в южной Чехии (владения Ольдржиха из Рожмберка и Ческе Будейовице). Ситуация в других землях Чешской короны выглядела иначе. Верхняя и Нижняя Лужицы, большинство силезских княжеств и королевский город Вроцлав заняли однозначно антигуситскую позицию, признавая Сигизмунда Люксембургского законным чешским королем и главой земель Чешской короны. Большой сложностью отличалась обстановка в Моравии. Крупнейшие города маркграфства (Брно, Оломоуц, Зноймо, Иглава), в которых преобладало немецкое население, активно выступили на стороне католического лагеря. Крестьянско-плебейское течение осталось в истории моравского гусизма лишь кратким эпизодом, а его специфику определило доминирующее положение дворянства. При этом одна часть гуситской шляхты действовала совместно с чешскими радикальными союзами и их гарнизонами в Моравии, а другая сотрудничала с католиками в местных органах власти, установленных Сигизмундом Люксембургом и Альбрехтом Габсбургом. Ситуацию осложняла своеобразная, действовавшая на свой страх и риск группа «иноземных» гуситов литовского, польского, русского, а в последствии и словацкого происхождения, большинство из которых появилось в чешских землях вместе с Сигизмундом Корибутом.

Так или иначе, предложенная упрощенная схема показывает, что при всех успехах гуситам не удалось полностью подчинить своему контролю даже территорию чешского королевства, не говоря уже о других землях короны святого Вацлава. Гуситы были убеждены в самоочевидности «спасительных истин» Четырех пражских статей и уделяли большое внимание пропаганде своих идей, неустанно добивались организации авторитетной публичной дискуссии, в которой они намеревались доказать свою правоту всему христианскому миру. Но в условиях враждебного окружения и непримиримого отношения католической церкви к «чешским еретикам» стало очевидным, что судьба революции неизбежно будет решаться на поле боя.

В 1420–1422 гг. объединенные гуситские силы успешно отразили внешнюю интервенцию. Стратегия насильственной реализации общеобязательного вероучительного кодекса продемонстрировала свою эффективность, и приверженцы «закона божьего» превратились в «божьих воинов», без колебаний проливавших свою и чужую кровь за открывшиеся им истину и идеалы.

Последовали ожесточенные столкновения с чешскими противниками чаши, которые обеспечили распространение гуситской программы на большей части королевства. Затем нараставшие противоречия привели к вооруженному конфликту внутри гуситского лагеря, победителями которого к концу 1424 г. стали радикальные течения, опиравшиеся на постоянные войска полевых братств. В июне 1426 г. объединенные войска гуситских союзов одержали убедительную победу над войсками католических интервентов из Саксонии и Мейсена в битве при Усти-над-Лабем. Летом 1427 г. был организован третий крестовый поход против «чешских еретиков», но паническое бегство крестоносцев от Тахова заставило католическую Европу надолго отказаться от попыток вооруженным путем подавить гуситское движение.

Гуситы переходят в наступление и переносят боевые действия за пределы чешского королевства. Первые заграничные походы были предприняты уже в 1425–1426 гг., но регулярный характер приобрели с 1428 г. Цели продуманной и систематической стратегии зарубежных рейдов, творцом которой вероятно был вождь таборитского полевого братства Прокоп Великий, не были однозначными. С одной стороны, это были превентивные военные операции с целью предотвратить вторжения иностранных армий в Чехию и создать опорные пункты на территории противника. Нельзя сбрасывать со счетов идеологические и пропагандистские мотивы: распространение гуситского учения, стремление силой принудить католическую церковь к переговорам и к публичному обсуждению «евангельских правд». Однако основная причина перехода к наступательной стратегии крылась в общем военно-политическом и экономическом положении, главной проблемой которого стало содержание профессиональных полевых войск. По самым приблизительным подсчетам на это требовалось в пересчете от 8 до 15 тонн чистого серебра ежегодно! А кроме полевых войск существовали еще дружины гуситских и католических феодалов, а также воинские формирования отдельных городов. Гуситские союзы просто не располагали такими средствами, позднесредневековая экономика не давала возможности содержать тысячи людей, для которых война стала постоянной или временной профессией.

Существовали два возможных выхода из такой ситуации. Можно было по-прежнему рассчитывать на внутренние ресурсы и еще более обескровить чешскую экономику, но это противоречило здравому смыслу и вело страну к катастрофе. Особенно опасной была практика так называемых «гольдов», т.е. насильственных реквизиций у крестьян (невзирая на их конфессиональную принадлежность) денег, продовольствия и фуража, которая грозила поставить сельское население против революции. Поэтому гуситские политики избрали иной вариант и решили организовать заграничные военные походы, которые должны были обеспечить как содержание полевых войск за счет противника, так и прорыв экономической блокады.

В январе-мае 1428 г. табориты и сироты при поддержке пражских и моравских отрядов предприняли большой поход в Силезию. Пройдя через Моравию, они вторглись на словацкие территории венгерского королевства, сожгли предместья Прессбурга (Братиславы), а затем повернули на север, неожиданно появившись в Силезии. Используя фактор внезапности, гуситы захватили ряд городов, осадили Вроцлав и с богатой добычей вернулись в Чехию.

Под рождество 1429 г. началась крупнейшая заграничная экспедиция соединенных гуситских армий. Пятью колоннами Прокоп Голый повел войска через Мейсен, Франконию в Верхний Пфальц к Нюрнбергу. Имперские города и князья, не решаясь вступить в бой, уплачивали огромные суммы выкупов. Курфюрст Фридрих Гогенцоллерн заключил перемирие с гуситами в замке Бехаймштайн и обязался организовать свободную дискуссию о гуситской программе в Нюрнберге. В феврале 1430 г. победоносные гуситские войска возвратились в Прагу.

Не все походы были настолько удачными. Например, сироты, предпринявшие в апреле 1430 г. поход в Словакию, натолкнулись на хорошо организованную оборону, которой руководил лично король Сигизмунд, и в битве у Трнавы с трудом избежали поражения.

Разгром пятого крестового похода в битве у Домажлиц (14 августа 1431 г.) окончательно похоронил надежды на насильственное искоренение «чешской ереси». Базельский собор переориентировался на мирное решение чешского вопроса. Впервые в истории католическая церковь была вынуждена пойти на равноправные переговоры с закоренелыми еретиками.

Тем временем (октябрь–ноябрь 1431 г.) табориты и сироты вторгаются в Словакию. При разделе добычи возникли противоречия, и табориты во главе с Прокопом Голым возвратились в Чехию. Сиротский гетман Ян Чапек из Сан продолжал операции в Поважье и в конечном итоге попал в безвыходную ситуацию. Полевые войска сирот в тяжелых арьергардных боях были практически разгромлены венгерской армией, потеряв две трети воинов.

В 1432–1433 гг. проходят сложные, и пока безрезультатные переговоры между представителями гуситских союзов и Базельским собором. В истощенной многолетней войной Чехии явное преобладание получают мирные настроения, но заграничные экспедиции радикальных братств продолжают с роковой неизбежностью, которая обуславливалась самим фактом существования профессиональных полевых войск.

Весной и летом 1433 г. табориты предпринимают вторжение в северную Словакию, захватывая богатые спишские города, а сироты успешно воюют на службе у польского короля против Тевтонского Ордена. Тем не менее, полевые войска оказываются во все более усиливающейся политической изоляции, являясь главным препятствием мирного урегулирования отношений с католической Европой. Создается коалиция умеренных гуситов и чешских католиков, которая наносит радикальным братствам решающее поражение в битве у Липан 30 мая 1434 года⁵.

Липанами не завершилась гуситская эпоха и не закончилась история чешской реформации. Решающие позиции в стране заняло умеренное гуситское крыло, которое через два года добилось компромиссного соглашения с императором Сигизмундом и Базельским собором и сумело отстоять основные завоевания гуситской революции. Впереди была «Подебрадская эпоха» и Кутногорский религиозный мир 1485 г., а также последующая эволюция гусизма в его утраквистской и чешско-братской версиях вплоть до исторической встречи с европейской Реформацией XVI столетия.

Нет необходимости останавливаться подробно на этих процессах и событиях, поскольку они не имеют прямого отношения к нашему герою, авантюрные похождения которого будут теперь, надеюсь, более понятными, хотя сложности возникают уже просто при употреблении его имени. Существует устойчивая тенденция называть князя Фридриха Федором. Например, П. Чорней, пишет о князе Федоре из Острога, которого «в Чехии и Моравии, кто знает почему, называли Фридрихом, а в землях польско-литовской унии Федько»⁶. Действительно, немецкое имя для русского по происхождению кажется необычным, но это не должно нас смущать. Имя «Фридрих», хотя и не часто, но встречается в русско-литовской генеалогии⁷. Как увидим, в источниках любого происхождения он всегда выступает как Fridrich (Fredericus, Fridericus, Fryderyk), и сам всегда так подписывается. Здесь приведем только один пример. Хроника Яна Длугоша четко различает князя Русского Фридриха и Федька (Теодора) из Острога⁸. Это два разных человека. Их отождествление, хотя и выглядит заманчиво, поскольку они были современниками и использовали сходные предикаты («Острожский», «из Острога»), но ведет по ложному пути. Упомянутый Федько из Острога –

весьма загадочный персонаж, в представлениях о котором царит полный хаос. Польские и часть украинских историков считают, что речь идет о князе Федько Несвижском, а в кругах специалистов по генеалогии десятилетия не утихает затяжной спор о правомерности отождествления Федька Несвижского с литовским князем Федором Корибутовичем – родным братом известного Зигмунда Корибута!⁹ Наконец, сопоставление хронологии упоминаний в источниках позволяет хотя бы в одном случае констатировать, что потенциальные «сиамские близнецы» одновременно находились в разных местах. В апреле–мае 1434 г., когда Фридрих Острожский предпринял поход на Дунаец и Липтов, Федько с татарскими отрядами готовился в очередной раз вторгнуться на русско-литовское Подолье¹⁰.

Неправомерным представляется и бытующее до сих пор мнение, отождествляющее Фридриха Острожского с крупным волынским магнатом князем Федором Даниловичем Острожским, права которого на Острог были закреплены Владиславом Ягелло в 1386 г. В тридцатые годы XV в. ему было уже под семьдесят лет – возраст, едва ли соответствовавший авантурным похождениям в Чехии, Словакии и Польше, которые связаны с именем князя Фридриха. Федор Данилович умер глубоким старцем в киевском монастыре и был причислен к лику святых православной церкви. Это заманчивый сюжет для исторического романа, но в реальности наш кондотьер вряд ли мог надеяться на канонизацию¹¹.

Думаю, что есть все основания в дальнейшем называть этого русского князя именно **Фридрихом** и отказаться от стремления «русифицировать» его имя.

С родословной Фридриха связана еще одна проблема. Со времен Ф. Палацкого однозначно принято считать, что он происходил из известного волынского рода князей Острожских¹². Однако ситуация не так проста, как кажется. В последние годы на Украине опубликованы фундаментальные труды по генеалогии княжеских династий восточной Европы IX–XVI вв., в том числе и Острожских¹³. При их внимательном изучении становится ясным, что для князя Фридриха практически нет места в генеалогическом древе Острожских. Стремление представить его как сына уже упоминавшегося Федора Даниловича выглядит неубедительно и ведет к появлению в генеалогических таблицах фантастической «гибридной» фигуры Федора-Вацлава Острожского или все к тому же, хотя и слегка затушеванному, отождествлению Фридриха с Федько Несвижским¹⁴. Дело в том, что генеалогическое изучение истории Великого княжества Литовского связано с большими трудностями. Состояние источниковой базы таково, что украинские ученые правомерно жалуются на «имперсональность» литовско-польского периода своей истории¹⁵. Применительно к Острожским внимание специалистов естественно концентрируется на фигурах крупнейших представителей династии конца XV – XVI вв. – «некоронованных королей Руси», выдающихся полководцев, меценатов и защитников православия. В то же время ранняя история рода находится на уровне довольно туманных гипотез. Даже по поводу происхождения Острожских существует несколько конкурирующих концепций. Одна из них выводит их истоки от Галицкой ветви Рюриковичей через волынских Мономаховичей – Романовичей, наследников Романа и Даниила Галицких (это соответствует родовой традиции Острожских, так считал и Ф. Палацкий). Другая концепция говорит, что их предками были турово-пинские Рюриковичи–Изяславичи, а третья настаивает на том, что основатель рода Даниил из Острога (умер около 1366 г.) происходил из династии литовских князей и был правнуком Гедимина¹⁶. Поэтому вполне возможно, что в ходе дальнейших исследований Фридрих Острожский обретет свое место в генеалогии этой славной семьи. Тем более, что тому имеется ряд косвенных и прямых подтверждений. Не вызывает сомнений его княжеский титул. При этом очевидно, что речь

идет о владетельном удельном князе: Фридрих часто подписывается как «*божьей милостью (dei gratia) князь Русский*»¹⁷ (выделено – А.Р.). Именно Волынь представляла собой своего рода конфедерацию удельных княжеств, а многочисленный слой титулованной аристократии, с присущей ему ментальностью «государей милостью божьей», являлся носителем идеи суверенной государственности¹⁸. Сохранилось и практически бесспорное свидетельство принадлежности князя Фридриха к династии волыньских Острожских. В 1438 г. он выдал польскому королю Владиславу расписку с печатью, на которой ясно виден герб князей Острожских¹⁹. Тем не менее, некоторые сомнения остаются. В источниках Фридрих почти всегда именуется «князем Русским», «из Руси», и лишь в некоторых случаях к этому добавляется «Острожский» или «из Острога». Сам титул «князь Русский» выглядит странно, поскольку Острожские его не использовали. Геополитическое понятие «Русь» в это время относилось скорее к Галиции (княжество или королевство Русское), вошедшей в состав польских коронных земель, а не к Волыни, принадлежавшей Великому Княжеству Литовскому. На титул «князя Русского» могли претендовать венгерские и польские короли, боровшиеся за контроль над Галицией, но не удельный Острожский князь²⁰. Обращает на себя внимание и тот факт, что в документах к основному титулу Фридриха иногда добавляется название владений, которые он в данный момент контролировал или которые находились у него в держании, например, «Фридрих, божьей милостью князь из Руси, пан на Весели», «*dux de Silina*» и др.²¹. Поэтому не может быть окончательно отброшено предположение Ладислава Госака, что титул «Острожский» следует выводить от моравского Острога, который определенное время находился у Фридриха в держании²².

Много неясностей связано также с обстоятельствами и мотивами появления Фридриха Острожского в Чехии. Длугош пишет, что он долгое время жил там, переняв «образ жизни, язык и обычаи чешские». При этом вряд ли следует особенно доверять утверждению о том, что Фридрих бежал с родины из-за «разных преступлений»²³. Хорошо известно, что труд Я. Длугоша, при всех своих достоинствах, во многих случаях отличается предвзятостью и необъективностью, переходящей в ненависть ко всему «гуситскому». В тогдашней католической Европе сложился негативный стереотип «чешского еретика-гусита», в котором заметное место принадлежало и представлению о том, что гуситская Чехия стала убежищем всевозможных криминальных элементов²⁴. Думаю, что у Фридриха могла быть более серьезная и реальная мотивация, связанная, например, со спецификой наследственного права в русских землях Литвы и Польши. Утратив в силу тех или иных причин право наследования, князь становился «изгоем». Князь-изгой полностью выпадал из системы структурированного общества, что означало для него личную катастрофу²⁵. Не исключено, что именно поэтому Фридрих не фигурирует в генеалогии Острожских. Свою роль могла сыграть также целенаправленная политика литовских и польских государей по ликвидации удельных княжеств, а также усиливающееся неравноправие православных аристократических родов²⁶.

Общепринято, что Фридрих Острожский прибыл в Чехию вместе с князем Зигмундом Корибутом (имеется в виду второй период его активной деятельности в стране 1424–1427 гг.)²⁷. Иногда его считают одним из «близких соратников» литовского принца²⁸. Действительно, логика событий с трудом допускает, чтобы русский князь мог появиться в чешских землях иным путем. Безусловно, Зигмунд и Фридрих вращались в одном кругу и лично знали друг друга²⁹. Настораживает, однако то, что источники практически не дают сведений о них и их сотрудничестве. Деятельность Корибута в гуситской Чехии по преимуществу связана с Прагой, а Фридриха –

с радикальными братствами. Очевидно, что Фридрих Острожский не имел отношения к ключевым для Сигизмунда Корибута событиям. Мы ничего не знаем о его участии в известных событиях 1427 г., связанных с неудавшейся попыткой переворота в Праге, предпринятой Корибутом. Он никак не проявил себя в польско-чешских контактах в тридцатые годы XV в., активным посредником в которых выступал князь Зигмунд. Они не участвуют совместно в военных походах. Наконец, Фридрих не был с Зигмундом в роковой для последнего битве у Вилькомира 1435 г. Единственная специальная монография, посвященная Зигмунду Корибутовичу, не приносит никаких новых данных в этом отношении³⁰. Принятое ранее мнение об участии князя Русского в составе войск Корибута в битве при Усти 1426 г. в свете новейших исследований может быть поставлено под сомнение³¹. Сохранилось, правда, не совсем ясное упоминание в письме Альбрехта Австрийского к польскому королю от 1428 г. о том, что «Зигмунд и Фридрих, князья литовские», объединились с чешскими еретиками и вновь укрепились в некоторых местечках по соседству с маркграфством моравским³². Но это сообщение не является доказательством о совместной военной экспедиции. Эти обстоятельства, а также, как увидим, весьма специфические отношения Фридриха из Острога с королем Сигизмундом Люксембургом и его окружением, дают некоторые основания говорить о возможности его появления в Чехии через Галицию и Червонную Русь, где у венгерских королей были вполне конкретные интересы³³.

Так или иначе, но первое достоверное упоминание о нем в чешских источниках относится к 1424 г. и содержится в городской книге Чешского Брода. Фридрих Острожский мог быть некоторое время гетманом в этом городе или в принадлежавшем к сиротскому братству Чаславе³⁴.

Здесь мы впервые сталкиваемся с характерной для русского князя особенностью быть одновременно в нескольких местах. Известно, что в южно-моравском городе Бржецлаве в 1426 г. стоял гуситский гарнизон, который в августе был осажден австрийским эрцгерцогом Альбрехтом Габсбургом. Табориты Прокопа Голого в ноябре этого года пришли на помощь осажденным, а затем перенесли военные действия на территорию Австрии³⁵. При этом в источниках Фридрих Острожский упоминается в качестве одного из гетманов бржецлавского гарнизона наряду с известным таборитским священником Бедржихом из Стражнице³⁶. Но в знаменитой «Песне о битве при Усти» (*Píseň o bitvě před Ústím*) также говорится, что «князь Фридрих Русский» был активным участником этого сражения в июне 1426 года³⁷. Ряд исследователей, исходя из этого, совершенно логично полагали, что Фридрих не мог находиться в Бржецлаве до битвы у Усти над Лабем, а, скорее всего, пришел позже вместе с таборитами и был назначен на гетманскую должность непосредственно Прокопом Голым³⁸. Однако весьма убедительная гипотеза П. Чорнея о позднем происхождении «Песни» (в последней трети XVI в.) ставит под сомнение ее достоверность как исторического источника, в том числе и конкретные имена участников битвы, которыми изобилует этот памятник и которые больше соответствуют политическим реалиям периода борьбы за «Чешскую конфессию», чем эпохе гуситской революции³⁹. Если, таким образом, единственное свидетельство об участии Фридриха Острожского в битве при Усти утрачивает репрезентативность, следовательно он вполне мог находиться в Бржецлаве уже с момента его захвата гуситами (начало 1426 г.). Фридрих вместе с Бедржихом из Стражнице принимал участие в тайных контактах с земским маршалом Нижней Австрии графом фон Майссау, которые начались еще до взятия Бржецлава гуситскими войсками и способствовали неудаче операций Альбрехта Габсбургского в Моравии. В 1427 г. Альбрехт предал маршала суду по обвинению в тайном сговоре и пособничестве Бедржиху из Стражнице и Фридриху из Острога. Сохрани-

лось свидетельство о том, что оба гуситских гетмана были крайне обеспокоены арестом маршала⁴⁰. Примечательно также, что в период гетманства Фридриха Острожского все окрестности Бржецлава и даже некоторые нижнеавстрийские земли были охвачены системой так называемых «holdů», которая давала достаточные финансовые средства на содержание бржецлавского гарнизона⁴¹.

Весной 1428 г. Фридрих еще был гетманом в Бржецлаве и принимал активное участие в походе гуситских войск в Словакию и Силезию, являясь одним из «старших войск таборских и сиротских». В этом качестве он подписывает как «Fredericus dei gracia dux Russie alias Ostroch» охранную грамоту, выданную представителям города Мюнстерберга 22 марта 1428 года⁴². Однако вскоре князь резко меняет ориентацию и оказывается на службе у короля Сигизмунда!

Согласно сохранившимся записям в одном из королевских регистров в 1428 г. Фридрих Острожский получает в залог от короля панство Весели над Моравой: «... замок и местечко Весели... в Моравии записано и заложено за 4000 венгерских золотых князю Фридриху из Руси»⁴³. В братиславском архиве имеется свидетельство от 5 октября 1429 г. (по датировке В. Халоупецкого), выданное лично князем, в котором он именуется «Фридрих, божьей милостью князь из Руси, пан на Весели»⁴⁴. Видимо, приблизительно в это время он получил в держание также и моравский Острог от Стибора из Стибориц (младшего), крупного венгерского магната и приближенного Сигизмунда Люксембургского, которому была поручена оборона северо-западных границ Венгрии⁴⁵. Во всяком случае, из завещания Стибора от 4 сентября 1431 г. следует, что к этой дате Острог уже находился в распоряжении князя Фридриха: «А также наш замок Остров на Мораве, который держит от нас князь Фридрих из Руси... Равным образом этот князь Фридрих имеет от нас в залоге местечко Бзенец с обязательствами на тысячу золотых...»⁴⁶.

При этом Фридрих из Острога отнюдь не намеревался вести жизнь сельского помещика и в ноябре 1429 г. напал на гуситский гарнизон в Угерском Броде, который спасся лишь благодаря своевременной помощи моравских гуситов во главе с Яном Товачевским⁴⁷. Затем он появляется в Братиславе в непосредственном окружении короля Венгрии. Известно, что 6 января 1430 г. он присутствовал при конфирмации одной из грамот Сигизмунда⁴⁸.

Весной 1430 г. полевые войска сирот, предпринявшие поход в западную Словакию, попали в очень сложную ситуацию. Во время затяжной битвы у Трнавы, когда напряжение достигло предела, венгерский отряд сумел пробиться внутрь возового укрепления, что поставило гуситов на грань поражения. Сохранилось два сообщения об этой битве. Эберхард Виндеке считает, что этим отрядом командовал Стибор из Стибориц, а в сообщении князя Конрада Олешницкого говорится, что его возглавлял князь Фридрих Острожский (Fridericus dux Russiae)⁴⁹. В результате мнения специалистов разделились. Б. Варсик больше доверяет Конраду Олешницкому и воздает должное Фридриху из Острога, Ф.М. Бартош выходит из положения так, что пишет о совместной атаке Стибора и Фридриха, Д. Дворжакова ни словом не упоминает о Фридрихе и приписывает все заслуги Стибору из Стибориц, хотя ссылается именно на книгу Б. Варсика, а для Ф. Шмагела ситуация остается под большим вопросом, поскольку за несколько дней до этого Фридрих Острожский якобы разграбил монастырь в Ченстохове и участвовать в битве у Трнавы физически не мог⁵⁰.

Действительно, от Ченстоховы до Трнавы около 400 километров, битва проходила 23–28 апреля, а нападение на Ченстохову произошло 16 апреля 1430 г. При всем желании, Фридрих не мог героически сражаться с гуситами и практически одновременно грабить монастырское добро! Единственное свидетельство о его участии в напа-

дении на монастырь дает Длугош, которому, на мой взгляд, не следует в данном случае особенно доверять⁵¹. Он пространно и с возмущением повествует об осквернении известного паломнического центра, особенно чудотворной иконы Божьей Матери рыцарями-разбойниками из «числа шляхты польской», которые стремились свалить вину на таборитов, оперировавших в это время в соседней Силезии. Хронист с удовлетворением отмечает, что большинство участников злодеяния схвачено, а многих уже постигла божья кара. Называются имена главарей – малоизвестных польских дворян, которых король Владислав заточил в башне Краковского замка. А в заключение – неожиданная краткая приписка: «а также князь Русский Фридрих», которая как-то не ложится в контекст всего пассажа. Фридрих не относился к числу «польской шляхты», не был схвачен, и божья кара его не постигла. Ни раньше, ни позже мы не встречаем Фридриха в обществе преступников, имена которых приводит Длугош. Люди его уровня – князь Зигмунд Корибут, Добеслав Пухала и др. с большой пользой для себя участвуют в это же время в таборитском походе в Силезию⁵². Князь Острожский вполне мог быть вместе с ними, тем более, что такой опыт у него уже был в 1428 г. Вряд ли бы он предпочел разбойное нападение на монастырь в весьма сомнительной компании. Весь контекст событий первой половины 1430 г. подтверждает, что Фридрих не мог находиться в это время в Польше и, скорее всего, участвовал в битве у Трнавы.

Затем следы князя Острожского пропадают на несколько лет. Предположение о том, что он находился в Литве, поддерживая Свидригайло в борьбе за великокняжеский престол⁵³, вряд ли обоснованно. Очевидно, там действовали Федько Несвижский или князь Федор Данилович Острожский.

Тем временем в судьбе Фридриха происходит очередной крутой вираж. В 1433 г. он снова появляется в Словакии, причем в качестве гетмана таборитского гарнизона в Жилине, где он именуется «Fridericus dux de Sylina». Когда он вновь установил союзнические отношения с гуситами неизвестно, но логика событий заставляет предположить его участие в крупнейшем походе таборитов на Спиш весной 1433 г., хотя документальных подтверждений этому нет⁵⁴.

Неугомонный князь проявил активность и в своей новой роли. Он предпринял тщательно спланированную акцию совместно с гуситскими гарнизонами в Топольчанах, Ликаве и, вероятно, Жилине⁵⁵, причинив немало хлопот польскому королю Владиславу Ягелло, который готовился встретить пасху 1434 г. в Кракове. Здесь его настигла тревожная весть: князь Русский Фридрих из Острога во главе чешского отряда идет тайным походом из Моравии, чтобы захватить возвышенность вблизи замка Чорштын на Дунайце, укрепиться там и совершать нападения на словацкие области Венгерского королевства и Польшу. Престарелый государь реагировал на удивление оперативно и решительно. В Страстную пятницу 26 марта 1434 г., несмотря на ненастье, тающий снег и разлившиеся реки, он срочно выслал против него своих придворных рыцарей, которые вытеснили князя с польской территории⁵⁶. Но Фридрих не отказался от своего замысла и двинулся вверх по Вагу, стремясь таким образом пробиться к богатым спишским городам через Липтов. В первой половине апреля 1434 г. он захватил здесь стратегически важный город Ружомберок и начал его укреплять, ожидая подкрепления от гуситского гарнизона в Топольчанах. По сохранившимся свидетельствам его действия вызвали в Словакии большой переполох. Братиславский капитан Юрай из Розганевиц в письме к магистрату Прешпорка (Братиславы) от 12 апреля 1434 г. бьет тревогу и сообщает о том, что гуситы уже проникли в Спиш! Жупан Мармарошской и Спишской столиц требует от города Кремницы срочной посылки войска против князя Фридриха, который укрепляется в Ружомбероке

(письмо от 19 апреля 1434 г.). Не осталась безучастной и находившаяся в Братиславе королева Барбора, супруга венгерского короля и императора Священной римской империи Сигизмунда Люксембургского. 30 апреля 1434 г. она направляет послание магистрату своего венного города Кремницы, в котором настоятельно требует собрать войско и двигаться к Ружомбероку, поскольку «еретики» из Топольчан собираются идти на помощь укрепившимся там гуситам⁵⁷. В конечном итоге королевские войска блокировали гуситский гарнизон в Топольчанах, а Фридрих Острожский так и не смог проникнуть на Спиш и был вытеснен из Липтова⁵⁸.

Больше всего удивляет, что после неудачи этого рейда князь Фридрих спокойно возвращается на свое острожское панство в Моравии. Имеются сведения о его конфликте с горожанами Острога, которых князь рассматривал как своих подданных и облагал тяжелыми повинностями. Жители города жаловались на него императору Сигизмунду, находящемуся в Брно, который и подтвердил горожанам 10 августа 1435 г. некоторые привилегии. В свою очередь и Фридрих, наконец, согласился отменить несправедливые повинности, о чем им была дана соответствующая грамота 15 августа 1435 года⁵⁹. Странная ситуация: Фридрих Острожский вступает в союз с гуситами, совершает военные походы по областям Венгерского королевства и, затем возвращается в свои владения, полученные от Сигизмунда и его сторонников, и спокойно пользуется ими, причем императору об этом известно! Например, по отношению к прежнему владельцу Острога пану Гашеку из Вальдштейна, сотрудничавшему с пражскими гуситами, Сигизмунд не был столь толерантен. Наоборот, он предоставил Альбрехту Габсбургу все полномочия, чтобы отнять у Гашека замок и город Острог любым способом⁶⁰. Возможно, объяснение следует искать в сложных перипетиях политики Сигизмунда в конце 20-х – середине 30-х гг. XV в., связанных с поисками компромисса с гуситами, попытками привлечь на свою сторону великого князя Литовского Витовта и противопоставить его Польше, через которую действовала папская курия⁶¹?

Видимо, после смерти императора Фридрих Острожский постепенно утратил или продал свои владения в Моравии⁶². Во всяком случае, его следы вновь теряются. В этой связи Ф. Палацкий высказал весьма интригующее предположение, подхваченное некоторыми русскими историками: Фридрих Острожский в 1435 г., вероятно, прибыл вместе с Сигизмундом Корибутом в Литву и присоединился к Свидригайло. В решающей битве 1 сентября 1435 г. Свидригайло был разбит, Корибут погиб, а Фридрих с остатками своего таборитского отряда якобы бежал на юг Руси, где и встал у истоков формирования украинского казачества⁶³! Это мнение не выдерживает критики по многим основаниям, но, прежде всего, потому, что в 1438 г. князь Фридрих Острожский вновь появляется в Польше, где участвует во внутренней борьбе поддерживая польского магната Спытека из Мельштына, известного своими контактами с гуситами (Длугош сообщает о их совместном нападении на панство Ушев)⁶⁴. В июне этого же года со значительным отрядом в 200 всадников он принимает участие в походе польской армии в Чехию для поддержки кандидатуры польского принца Казимира на чешский трон. 4 июля 1438 г. в Кракове «Fredericus dux de Ostrorog» выдал польскому королю Владиславу расписку в получении платы за участие в этой неудавшейся экспедиции⁶⁵. В конце 1438 г. Фридрих Острожский во главе польского отряда оперировал в Гемерской столице (Словакия), где захватил замок Геде и успешно защищал его до весны следующего года⁶⁶. Наконец, весной 1439 г. русский князь имел отношение к группировке бывших гуситских гетманов, действовавших на моравско-словацком пограничье против Гаспара Шлика, канцлера императора Сигизмунда и владельца голичского панства в Словакии. В частности, в письме голичского

кастеляна Гануша из Клуksа сообщается о том, что князь Фридрих «von Rausen» вместе с Вилемом Пуклицей располагает 400 всадниками с боевыми возами и пушками⁶⁷.

Это последнее известие о Фридрихе Острожском, если не считать отдаленного эха: в 1460 г. среди гетманов известного чешского кондотьера Младванека, действовавшего в Австрии, упоминается некий «Вацлав, герцог Острожский из Руси» – возможно, сын или родственник нашего героя⁶⁸.

Попытавшись проанализировать скудные данные источников о Фридрихе Острожском и систематизировать эпизодические упоминания в литературе, мы получили на финише больше вопросов, нежели готовых ответов. Тем не менее, затраченные усилия имеют смысл, поскольку позволяют снять некоторые необоснованные утверждения, исправить неточности и ошибки связанные с именем этого по-своему примечательного и яркого персонажа гуситской эпохи. Бросается в глаза, насколько легко переходит Фридрих с одной стороны баррикады на другую. Очевидно, это связано с тем, что он – профессиональный воин, кондотьер, располагающий, как правило, значительным вооруженным отрядом. При этом речь идет о «чистом», можно сказать, экзemplярном типе кондотьера: князь Острожский иностранец, не связанный никакими идейными, групповыми или фамильными обстоятельствами. Его судьба дает весьма интересный материал для понимания некоторых важных деталей, например договорного регулирования военного наемничества и его финансирования. С другой стороны, она весьма показательна и при исследовании более общих процессов, связанных с развитием наемной системы в военном деле в Центральной Европе XV века. Многочисленные сложности и неясности, с которыми мы встретились, прямо ставят вопрос о необходимости компаративных исследований истории международных отношений в центрально- и восточно-европейском регионе этого периода, которые преодолели бы узкие рамки национальных историографий.

Видимо, не имеет особого смысла перечислять все негативные характеристики, которых заслуживает князь Фридрих, важнее другое: насколько уникален этот персонаж, насколько его качества определялись тем, что это был чужеземный авантюрист, неведомо как оказавшийся в чешских землях, не имевший там корней и стремившийся любыми средствами выжить в сложной обстановке гуситского времени? Если присмотреться к нему с этой точки зрения, то становится ясным, что «русский гусит» представляет собой весьма типичное явление, порожденное конкретными реалиями эпохи.

Как мы видели, потребности гуситской революции бескомпромиссно продиктовали необходимость создания постоянных, профессиональных войск, без которых революция не достигла бы своих целей, не овладела бы большей частью территории чешского королевства и не принудила бы римскую церковь, императора и соседние страны к переговорам. Однако за каждый успех приходится платить. Главная цель реформирования христианского общества в духе Евангелия не была полностью достигнута, а революционные события принесли с собой такие изменения, которые существенно отличались от представлений вдохновенных проповедников чешской реформации.

В частности, гуситские полевые войска в результате постепенной профессионализации и утраты идейных стимулов стали школой знаменитых чешских наемников, которые до конца XV в. находили себе применение в войсках различных государств Центральной Европы. Понятно, что профессионализация вооруженных сил была обще-европейским, а не чисто чешским процессом. Однако в гуситской Чехии ситуация была гораздо сложнее. Можно говорить о том, что внутри полевых братств сосуществовали два разнородных направления, которые парадоксальная логика революции свела во-

едино и привела к липанской катастрофе: с одной стороны, приверженцы гуситского радикализма, священники и некоторые гетманы, а с другой стороны – профессиональные воины, для которых война стала образом жизни. Гуситские радикалы сражались за свое представление об устройстве общества, а полевые войска хотели воевать, во что бы то ни стало. «Божьи воины» превратились в профессионалов, которых интересовали по преимуществу добыча и собственная выгода. Имел место определенный моральный кризис. Происходила постепенная утрата идеалов, переход от бурного революционного времени к практической реальности повседневной жизни, когда большинство гуситских гетманов и рядовых воинов пришли к выводу, что наиболее желанным результатом гуситских войн является накопление имущества и вольная жизнь независимого воина, наемника, предлагающего свои услуги тому, кто в состоянии заплатить. Все эти тенденции и процессы как в зеркале отразились в личной судьбе «русского гусита» князя Федора Острожского.

Примечания

- ¹ Antoni Prochaska. Napad husytów na Częstochowę w 1430 r., *Kwartalnik historyczny*, XXI, 1907. S. 310.
- ² Например: *Хойнацкий А.Ф.* Преподобный Феодор, князь Острожский, Древняя и Новая Россия. Т. III. № 9–12. СПб., 1876. С. 5–18.
- ³ Miroslav Svoboda. Břeclav za husitských válek, in: *Město Břeclav*. Brno, 2001. S. 144–145.
- ⁴ František Šmahel. Husitská revoluce III. Praha. 1993. S. 226–227; IV. Praha, 1993. S. 136; František Šmahel. Dějiny Tábora 2. České Budějovice. 1990. S. 382, 407.
- ⁵ Предшествующее изложение основано как на собственных изысканиях автора, так и на новейших обобщающих работах зарубежных и российских исследователей. Укажем лишь некоторые из них: *Лангева Л.П.* Гуситское движение в Чехии XV в. М., 1990; *Рандин А.В.* Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994; Чешская и немецкая Реформация (некоторые аспекты взаимодействия) // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000. С. 130–166; Церковь в теории и практике чешской Реформации // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2008; Knieža Fridrich Ostrožský. Ruský kondotier v husitských Čechách a na Slovensku // Husitský Tábor. Sborník Husitského Musea. 15. Tábor, 2005. S. 231–255; František Šmahel. Husitská revoluce. I–IV. Praha, 1993; Dějiny Tábora 2, České Budějovice 1990; Husitské Čechy. Struktury, procesy, ideje. Praha, 2001; Petr Čornej. Velké dějiny země Koruny české. V. 1402–1437. Praha; Litomyšl, 2000; Jiří Jurok. Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce, České Budějovice, 2006; Jiří Kejř. Jan Hus známý i neznámý. Praha, 2009; Ferdinand Seibt. Hussitenstidien. Personen, Ereignisse, Ideen einer frühen Revolution. München, 1987; Paweł Kras. Husyci w piętnastowiecznej Polsce. Lublin, 1998; Vladimír Segeš. Od rytierstva po žoldnierstvo. Stredoveké vojenstvo v Uhorsku so zreteľom na Slovensko. Bratislava, 2004; Miroslav Lysý. Husitské vpády do Uhorska v rokoch 1428–1431, *Historický časopis*, 55, 3, 2007. S. 411–432; Vpády husitov a ich posádky v Uhorsku v rokoch 1432–1435, *Historický časopis*, 55, 4, 2007. S. 633–657.
- ⁶ Petr Čornej. Velké dějiny země Koruny české V. 1402–1437. Praha; Litomyšl, 2000. S. 467.
- ⁷ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Т. I. Прага, 1935. С. 304.
- ⁸ Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. Tom IV. Ks. XI, XII. Krakow, 1869. S. 370, 486, 539 (Fridrich); 451–454, 481, 488 (Fedko); см. также: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 4. Київ; Львів, 1907. С. 216–217, 479–480.
- ⁹ См., например: Wolff J. Książowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku. Kraków, 1895. S. 179, 275–276; Puzyna J. O pochodzeniu kniazia Fed'ka Nieswizkiego, *Miesięcznik heraldyczny* 4, 1911. S. 41–82; Idem: W sprawie Fed'ka Nieswizkiego, *MH* 5, 1912. S. 56–99; Idem: Korybutowicze Nieswizcy. Moje ostatnie słowo w odpowiedzi prof. Semkowiczowi, *MH* 9, 1930. S. 55–89; Prochaska A. Czy możliwa jest identyczność książąt Nieswizkich z Korybutowiczami, *MH* 5, 1912. S. 12–19; Radziwiński Z. W sprawie pochodzenia Fed'ka Nieswizkiego, *MH* 4, 1911. S. 142–145; Idem: Itinerarium ks. Fedora Korybutowicza i ks. Fed'ka Nieswizkiego, *Rocznik Tow. Heraldycznego* 7, 1926. S. 1–156; Semkowicz W. Korybutowicze i Nieświzcy w świetle sfragistyki, *MH* 6, 1913. S. 200–204; Молчановский Н.В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям). Киев, 1885. С. 378; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 4. С. 210–211, 215, 217, 479–480; Tęgowski J. Pochodzenie książąt Iwana i Fiodora Nieswickich, *Genealogia* 7, 1996. S. 125–135.
- ¹⁰ Jan Długosz IV. S. 488.
- ¹¹ Максимович М.А. Письма о князях Острожских // Собр. соч. Т. 1. Киев, 1866. С. 164–195; *Хойнацкий А.Ф.* Преподобный Феодор, князь Острожский. С. 9–18; Історія України в особах. Литовсько-Польська доба. Київ, 1997. С. 69; Критически по этому поводу см.: Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 303.

- ¹² *František Palacký*. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě III. Praha, 1939. S. 259.
- ¹³ *Войтович Леонтій*. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ, 1992; *Войтович Леонтій*. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000 (elektronická verzia: <http://litopys.narod.ru/dynasty/dynbibl.htm>); Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.
- ¹⁴ *Войтович Леонтій*. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. С. 91; *Яковенко Н.М.* Українська шляхта. С. 275–276.
- ¹⁵ Історія України в особах. Литовсько-Польська доба. С. 3–4.
- ¹⁶ *Соболев Л.В.* Генеалогическая легенда князей Острожских // Славяноведение. 2001. № 2. С. 31–45.
- ¹⁷ *Středověké listy ze Slovenska*. Sbíрка listů a listin, psaných jazykem národním, ed. Václav Chaloupecký. Bratislava; Praha 1937. S. 4; Colmar Grünhagen (ed.). *Geschichtsquellen der Hussitenkriege*, Scriptorum rerum Silesiacarum VI, Breslau 1871. № 81. S. 59; *František Palacký*. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419–1436. I. Praha, 1873. S. 602.
- ¹⁸ *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. 4. С. 159; Т. V. С. 27–33; *Войтович Леонтій*. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.), 7. 8. Князі і традиції державності.
- ¹⁹ Текст документа повністю опублікован Первольфом Й.: *Pervolf Josef*. Příspěvky k českým dějinám XV–XVI století, Časopis Musea Království Českého LIV, 1880. S. 403. См. также: *Pervolf Josef*. Čechové a Poláci v XV a XVI století, Osvěta III–I, 1873. S. 768; *Первольф И.* Фридрих князь Острожский, Древняя и новая Россия I, № 1–3. С. 220.
- ²⁰ *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Т. 4. С. 100–125.
- ²¹ *Středověké listy ze Slovenska*. S. 4; List župána Jana z Perína: Archiv Mesta Kremnice. Fons 26. Fasc 1. № 9. Branislav Varsik. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava, 1965. S. 126–127.
- ²² *Ladislav Hosák*. Uherský Ostroh ve válkách husitských, Časopis společnosti přátel starožitnosti československých v Praze XLIII, 1935. S. 28–29. Его мнение в свое время критиковал Рудольф Урбанек: *Urbánek Rudolf*. K historii doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. Praha, 1940. S. 21–22.
- ²³ Jan Długosz IV. S. 486.
- ²⁴ *Kras Pawel*. Český kacif-husita // Nodl Martin, Šmahel František (edd.). Člověk českého středověku. Praha, 2002. S. 266.
- ²⁵ *Войтович Леонтій*. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.), 7.3, 7.8.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 303; *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie s Slovensko. S. 48; *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. Studium z dziejów stosunków polsko-czeskich w pierwszej połowie XV wieku. Kraków, 1988. S. 91.
- ²⁸ *Тереженко Ю.І.* Україна і Європейський світ. Київ, 1996. С. 301; *Jiří Jurok*. Husitské organizační struktury v Lužicích a Slezsku, Časopis slezského zemského muzea, serie B, 45 – 1996. S. 104, 106; Idem: Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce, Nový Jičín 1998. S. 117.
- ²⁹ Во всяком случае, через гуситского кондотьера польского происхождения Добеслава Пухалу, с которым оба тесно сотрудничали. См.: *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. S. 91, 105–106; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 202.
- ³⁰ *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. Studium z dziejów stosunków polsko-czeskich w pierwszej połowie XV wieku. Kraków, 1988. Мнение И. Юрока о том, что после 1427 г. Фридрих вместе с Корибутом находился в Верхней Силезии, не находит подтверждения в источниках. См.: *Jiří Jurok*. Husitské organizační struktury v Lužicích a Slezsku. S. 106; *Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce*. S. 123.
- ³¹ См. ниже. С. 14.
- ³² Monumenta medii aevi historica res gestas Polonia illustrantia II, Cod.epist.saec.XV, pars. I, Cracoviae 1876. S. 67, č. 69.
- ³³ О возможности более ранних контактов Фридриха с чешскими землями писал А.В.Флоровский: Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 305.
- ³⁴ *Schulz Václav*. Historické zprávy v nejstarší knize m. Brodu Českého z l. 1421–1496, VKČSN 1899–6, s. 2, 6; см. также: *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 47; *František Šmahel*. Husitská revoluce IV. S. 36, 174; *Jiří Jurok*. Moravští husité, Slezsko a Slovensko // Jihlava a basilejská kompaktáta. Jihlava, 1992. S. 43. Рудольф Урбанек также ссылается на публикацию источника В. Шульца, но по неясным причинам, пишет о Чаславе. См.: *Rudolf Urbánek*. Lipany a konec polních vojsk. Praha, 1934. S. 30, 179, 199; On že. K historii doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. S. 20–21.
- ³⁵ *Petr Čornej*. Velké dějiny zemí Koruny české V. S. 466–467; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 182–183.

- ³⁶ Kleine Klosterneuburger Chronik, Archiv für Österreichische Geschichte VII, 1851. S. 249–250; *František Šmahel*. Dějiny Tábora I/2, s. 626 говорит о нем как о таборитском гетмане, а Rudolf Urbánek. К истории doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. S. 23 и *Jiří Jurok*. Moravští husité, Slezsko a Slovensko. S. 43, 45–47 считают Фридриха представителем сирот.
- ³⁷ Výbor z literatury české. Díl druhý. Z počátku XV až ku konci XVI století. Ed. K.J. Erben. Praha, 1868. S. 307.
- ³⁸ *Miroslav Svoboda*. Břeclav za husitských válek. S. 143, 145; см. также прим. 36.
- ³⁹ *Petr Čornej*. Tajemství českých kronik Cesty ke kořenům husitské tradice. Druhé vydání. Praha, 2003. S. 207–251, особенно с. 228–229. Не совсем понятно, правда, появление имени Фридриха Острожского в документе конца XVI в.
- ⁴⁰ *Ladislav Hosák*. Svědetství kronik o událostech na Břeclavsku za válek husitských // Vlastivedný sborník Břeclavska, 1934, č. 1, s. 4; *Amedeo Molnár*. Táborský kněz a hejtman – Bedřich ze Strážnice // Na rozhraní věků. Cesty reformace. Praha, 1985. S. 29; *Miroslav Svoboda*. Břeclav za husitských válek. S. 142–143, 145; *Augustin Neumann*. K dějinám husitství na Moravě. Olomouc, 1939. S. 95–97.
- ⁴¹ Kleine Klosterneuburger Chronik, Archiv für Österreichische Geschichte VII, 1851. S. 249–250 («darnach sass zu lundenburg ein Herzog aus Reussen und alle die umb in sassen bey 6 meylen mussten im zins geben»). О системе «гольдов» см. также: *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 216–218; *Josef Válka*. Dějiny Moravy I. Brno, 1991. S. 138.
- ⁴² Colmar Grünhagen (ed.). Geschichtsquellen der Hussitenkriege, Scriptorum rerum Silesiacarum VI. Breslau, 1871. № 81. S. 59; *František Palacký*. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419–1436 I. Praha, 1873. S. 602.
- ⁴³ *August Sedláček*. Zbytky register králův římských a českých z let 1361–1480. Praha, 1914. Č. 1006. S. 143.
- ⁴⁴ Středověké listy ze Slovenska. S. 4.
- ⁴⁵ См. специальное исследование о нем: *Dvořáková D.* Rytier a jeho král. Stibor zo Stiboric a Žigmund Luxemburský. Sonda do života stredovekého uhorského šľachtica s osobitným zreteľom na územie Slovenska. Budmerice, 2003.
- ⁴⁶ Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov V. Prvý cisár na uhorskom tone. Bratislava, 2001. S. 236.
- ⁴⁷ *František M. Bartoš*. Zápisky v breviári kněze Antocha z Přelouče z let 1422–1432, Časopis archivní školy XII, 1934. S. 103, 107. При этом, как считал А. Нойманн, в его распоряжении якобы находилась целая армия, насчитывавшая 7000 человек, что является безусловным преувеличением. См.: *Augustin Neumann*. K dějinám husitství na Moravě. S. 110.
- ⁴⁸ *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 283.
- ⁴⁹ Wilhelm Altmann (ed.) Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigismundus. Berlin, 1893. S. 279–280; *František Palacký*. Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419–1436 II. S. 144 (Конрад Олешницкий).
- ⁵⁰ *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 46, 275, 310–311; *František M. Bartoš*. Husitská revoluce II. Vláda bratrstev a její pád 1426–1437. Praha, 1966. S. 72–73; Так же считает и *Miroslav Lysý*. Husitské vpády. S. 420; *Daniela Dvořáková*. Rytier a jeho král. Stibor zo Stiboric a Žigmund Luxemburský. S. 380–381, 463; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 228, 389–390.
- ⁵¹ *Jan Długosz IV*. S. 369–370. Подробно об этом событии см.: *Antoni Prochaska*. Napad husytów na Czesztochowę w 1430 г., Kwartalnik historyczny, XXI, 1907. S. 309–320. Однако конкретно о Фридрихе Острожском в этой статье ничего нового не сообщается.
- ⁵² *Petr Čornej*. Velké dějiny země Koruny české V. S. 527–530; *František Šmahel*. Husitská revoluce III. S. 226–227; *Jerzy Grygiel*. Życie a działalność Zygmunta Korybutowicza. S. 106–107; *Jiří Jurok*. Moravští husité, Slezsko a Slovensko. S. 41–42. При этом утверждение И. Юрока, что Добеслав Пухала и Зигмунд Корибут также участвовали в нападении на Ченстохову, не соответствует действительности.
- ⁵³ Так предполагал А.В. Флоровский. Чехи и восточные славяне. Т. I. С. 323.
- ⁵⁴ Středověké listy ze Slovenska. S. 5; *Marián Konečný*. Príspevky k chronológii a topografii husitskej výpravy na Spiš roku 1433, Husitský Tábor 5, 1982. S. 205; *Jiří Jurok*. Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce. S. 123. Существует мнение, что применительно к Жилине нужно говорить не о постоянном гарнизоне, а лишь о временном пребывании гуситских войск: *Miroslav Lysý*. Vpády husitov a ich posádky. S. 647–648.
- ⁵⁵ *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. S. 277; *Miroslav Lysý*. Vpády husitov a ich posádky. S. 646–648.
- ⁵⁶ *Jana Długosz IV*. S. 486.
- ⁵⁷ List župána Jana z Perína см.: Archiv Mesta Kremnice. Fons 26. Fasc 1. № 9. *Branislav Varsik*. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava, 1965. S. 126–127.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. 264–265.
- ⁵⁹ *Ladislav Hosák*. Uherský Ostroh ve válkách husitských. S. 29; Rudolf Urbánek. К истории doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Moravě. S. 21 (оригинал – в городском архиве Угерского Острога: Zprávy archivní inspekce v Zemském Archivu v Brně 31 III, 1859).

⁶⁰ *August Sedláček*. Zbytky register králův římských a českých z let 1361–1480. Č. 1245. S. 173.

⁶¹ См. об этом: *František Kavka*. Zikmundova politika let 1429–1434 a husitství, *Husitský Tábor* 8, 1985. S. 89–105; Idem. Poslední Lucemburk na českém trůně. Praha, 1998. Kap. VII, VIII; Wilhelm Baum. Císař Zikmund. Kostnice, Hus a války proti Turkům. Praha, 1996. Kap. XVI; *Julius Bartl*. Zikmund Luxemburský. Budmerice, 1996. S. 69–81.

⁶² В 1437 г. владельцем Весели над Моравой является уже Блажек из Боротина (*Středověké listy ze Slovenska*. S. 9–10). По мнению Р. Урбанека, Острог Фридрих продал Райнпрехту фон Эберсдорфу (*K historii doby Jiskrovy na Slovensku a ve východní Morav.* S. 30).

⁶³ *František Palacký*. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě III. Praha, 1939. S. 563.

⁶⁴ *Jan Długosz IV*. S. 538–539.

⁶⁵ *Josef Pervolf*. Příspěvky k českým dějinám XV–XVI století, *Časopis Musea Království Českého* LIV. 1880. S. 403.

⁶⁶ *Roman Heck*. Tabor a kandidatura jagiellońska w Czechach (1438–1444). Wrocław, 1964. S. 146; *Jiří Jurok*. Moravský severovýchod v epoše husitské revoluce. S. 135–136. **Gede** (Gedec, Gewde, Gedew, Gevdew) – замок Гоедейов в окрестностях Римавской Сobotы, разрушенный турками в 1571 г.

⁶⁷ *Johann Loserth*. Regesten zur Geschichte der mährisch-ungarischen Beziehungen in der Zeit der hussitischen Söldernbänder, 1918. S. 67. Č. 58. P. Хек предполагает, что эти акции были предприняты при тихом согласии польского двора с целью спровоцировать новую войну с Альбрехтом Габсбургом: *Roman Heck*. Tabor a kandidatura jagiellońska w Czechach (1438–1444). S. 147, 190.

⁶⁸ *Josef Chmel*. Regesta Friderici III. Rom. imperatoris (1440–1493). Wien, 1840. Č. 3792; «Waclaw knieze z Ostrowa» – *Středověké listy ze Slovenska*. S. 103.

М.В. ДМИТРИЕВ

КАТОЛИЦИЗМ И «ПРОТОНАЦИОНАЛИЗМ» ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XVI ВЕКА (ПАМФЛЕТ Ф. ПИЖЕНА «ОСЛЕПЛЕНИЕ И НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ ПОЛИТИКОВ»)

Задача этой статьи – рассмотреть как в католической мысли раннего Нового времени взаимодействовали христианские и «протонациональные» дискурсы. Мы это сделаем на примере одного из характерных сочинений консервативно-католического лагеря во Франции в конце XVI века (сторонники католической Лиги, а еще точнее – так называемой «испанской Лиги») – сочинения Франсуа Пижена «Ослепление и неразборчивость Политиков» («L'aveuglement et grande inconsideration des Politiques»)¹. Автор (?–1590) был священником, доктором теологии, кюре известного парижского прихода св. Николая-на-Полях (Saint-Nicolas-des-Champs) в 1588–1590 гг., одним из самых заметных проповедников радикальной католической партии, захватившей власть в Париже в 1588 году². Pamфлет был опубликован в Париже, видимо, в 1589 году³. Исследований, посвященных именно Ф. Пижену и данному его сочинению, кажется, не существует. Однако есть довольно многочисленные исследования о той группе французских публицистов и религиозных деятелей, которую он представлял⁴. Но ни в одной из известных мне работ⁵ тексты, подобные памфлету Пижена, не разбираются с той точки зрения того вопроса, который поставлен в данной статье. Вообще проблема потенциального (или актуального) конфликта между христианством и дискурсами национальной и прото-национальной идентичности не ставится во французской историографии, и этому есть объяснение: историки принимают как данное, что в европейских культурах Средних веков представления о «нациях» складываются как бы спонтанно, не вступая в противоречие с христианством. Однако *сравнение* западного опыта с данными об аналогичных процессах в Византии и на Руси заставляет задуматься, почему представления о христианских *nationes* органичны для католических культур и не кажутся органичными для культур византийско-православного круга⁶.

Ф. Пижену писал свой памфлет в остро кризисной ситуации, созданной религиозными войнами, гибелью Генриха III и переходом в протестантизм Генриха Наваррского, единственного вполне легитимного наследника французской короны. В спорах

о престолонаследии в католическом лагере сложились две группы: «рьяные католики», которые во имя сохранения чистоты веры отказывались признать права Генриха Наваррского, и католики-политики», которые были готовы к компромиссу во имя прекращения фактической гражданской войны. Одна из дилемм «рьяных католиков» – это выбор между королем-протестантом (но – французом!) и королем-католиком (но – испанцем!)⁷. Иначе говоря, они столкнулись с проблемой выбора между конфессиональной и «национальной» идентичностью страны⁸. Памфлет Ф. Пижена – пример того, как эту проблему решали самые завязтые сторонники неприкосновенности католической идентичности Франции.

Проблема, которая стоит за обращением к данной теме и данному сочинению, состоит в следующем. Во-первых, нельзя считать оконченным спор о том, сложились ли дискурсы модерного и современного национализма⁹ в XIX веке или они более или менее органично продолжают средневековые традиции. И тут стоит обратить внимание на «цену вопроса». Если все-таки окажется, что современные национализмы генетически и исторически восходят вовсе не к славной эпохе Французской революции, а к пользующимся дурной репутацией Средним векам, то нужно будет признать, что современный мир, для которого немислимо отказаться от идеи «национального» государства, остается в этом отношении по-прежнему миром средневековым. Во-вторых, если правы ученые, констатирующие, что национализм – это специфически «европейский продукт» (Д. Лангевише)¹⁰, то нужно будет сделать и следующий шаг, сравнивая «латинско-католическую» и «греческо-православную» Европу, а именно: попробовать объяснить, почему в православных культурах прото-национальные дискурсы развивались не так, как на Западе¹¹. В-третьих, обращение к сравнительным аспектам истории национализма и генезиса национальных дискурсов показывает, что для того, чтобы понять, почему Европа (или, скорее, лишь «латинская» часть Европы) породила «нации» и «национальные» государства, необходимо принять во внимание то, как протонациональные дискурсы взаимодействовали с христианством в западных и не-западных европейских культурах.

Таким образом, наша узко-частная задача – анализ взглядов Ф. Пижена на французскую монархию, на католицизм, на Францию как *natio* – тесно связана с решением большого научного вопроса о происхождении и природе современных национальных и националистических дискурсов, как и с вопросом об отличии, в этом отношении, российского исторического опыта от западноевропейского.

Чтобы выявить основные элементы и логику рассуждений французского публициста, представим своего рода синопсис сочинения Ф. Пижена. Важные для нашего анализа термины и понятия будут выделены курсивом.

В обращении к читателю Пижена говорит, что «грехи наши» привели к тому, что ересь распространяется, вера убывает, церковь потрясена, королевство разлагается, «народ» разорен¹².

Первая глава открывается декларацией о том, что право и власть управлять той или иной страной дается Богом, который – через «глас народный»! – поставляет правителя. И никакая власть не происходит не от Бога¹³. Примером этого правила является и судьба Франции и французов: покуда «французы» (*les François*) сохраняли набожность, они имели и хороших королей; развратившись же и погрузившись во зло, они обрели и скверных правителей¹⁴.

Однако Господь может и прервать линию наследования трона, новые правители могут быть поставлены вместо прежних, и они будут «носить титул и имя королей набожного народа, который есть их «избранный народ» (*peuple special*)¹⁵. Примером могут послужить библейские короли, выходцы «из низов» – Саул и Давид, и именно

Бог «переносит диадемы и скипетры от одной *нации* к другой», как это было с монархией вавилонян, персов, греков и римлян¹⁶. Равным образом Господь может передать скипетр от одного *рода* («*race*») к другому, как это было с Меровеем, чья корона перешла к Карлу Великому, а у рода Каролингов была отнята в результате тиранических действий в 988 году. Теперь (в условиях династического кризиса после убийства Генриха III) корона Франции должна быть передана Карлу, герцогу Лотарингскому, «подлинному и законному наследнику» французского престола¹⁷. И тут Пижена приводит очень характерный библейский аргумент, ссылаясь на Еккл 10, 8 («*Regnum a gente in gentem transfertur propter iniustitias*»), и употребляет выражение «*transport de Couronne de race en autre, et de nation en nation*»¹⁸. Те наследники, которые выглядят законными (с точки зрения Салической правды, как легко понять, – М.Д.), потеряли права на корону по причине «обмана, тирании и насилия», и эта тема развита Пиженом с неизбежными ссылками на Ветхий Завет¹⁹.

Из чего же видны права Лотарингского дома на французскую корону? Пижена приводит единственно возможный, как кажется, и очень характерный аргумент: воля Божия выражается «гласом *народным*», решением «*народа*»²⁰.

Далее прослеживается генеалогия Лотарингского дома и Капетингов, приводятся дополнительные ссылки на Ветхий Завет и делается заключение, что «*народное* избрание», как и в ветхозаветную эпоху, есть непереносимое выражение и подтверждение Божьей воли. Очень показательно при этом, что собрание «народа Израиля» в Сихеме напрямую сравнивается с французскими Генеральными штатами²¹. Приводит Пижена и другие ветхозаветные примеры «народного избрания» монархов²², как и примеры из истории Рима (с точки зрения Тита Ливия, Тарквиний – тиран, так как занял престол не получив «народного» одобрения)²³. И – более того! – в этих примерах он находит обоснование мысли, что воля «самой здоровой и лучшей части *народа*» вместе с Божьим помазанием – выше, чем решение сословий²⁴.

Кто же эти люди – «лучшая и самая здоровая часть» *народа*? Легко догадаться, что это – католики («дети Божии», «дети Бога-отца», «*enfants du Père*»), и их голос и есть «глас народный» как «глас Божий»²⁵.

Прежде чем перейти к следующим частям сочинения Ф. Пижена, отметим: а) ничто не мешает при чтении памфлета видеть в слове «народ» (*peuple, populus*) эквивалент «нации» (*nation, natio*); б) понятие «народ» (*nation, peuple, nation, populus*) – базовое для выраженной здесь позиции (дискурса); в) «народ» стоит выше сословий; г) все соответствующие рассуждения прочно укоренены в ветхозаветном контексте.

Вторая глава сочинения Ф. Пижена развивает тему, заявленную в названии: «Правитель-еретик никогда не был, и никогда не должен быть королем Франции», и аргументы черпаются прежде всего в Ветхом Завете. Народ Израиля – пример народа, окруженного «нациями неверных», и поэтому ему было запрещено брать королей/царей из другой нации/народа, чтобы избежать деградации²⁶. Допустить такое – значило бы совершить по отношению к французам то же самое, что случилось с иудеями под властью Антиоха, с первыми христианами – под властью Юлиана-отступника²⁷. Церковь должна сопротивляться такому правителю, говорит Пижена, и мы видим, что только при ясно выраженном одобрении Господа правители могли править «Израильским *народом*»²⁸. Аналогичным образом церковь, «с согласия *народа*, или его представителей», или подтверждает власть короля, или может его прогнать и освободить «чад Израилевых, народ верных» («*les enfans d'Israël, et le peuple fidèle*») от обязанности повиноваться, если правитель не хранит верности Богу²⁹. Это право неповиновения «народа верных» предполагает и право сопротивляться королю-еретику, и даже право взяться за оружие³⁰.

Подводя промежуточный итог по этой части сочинения, обратим внимание, что понятие народ-нация здесь еще более центрально, чем в предшествующих разделах, и «народ» как едва ли не суверенный носитель полученной от Бога власти имеет право и даже обязан не подчиниться королю-еретику.

Третья глава сочинения Пижена развивает тему «народ/нация имеет право отказать в мандате королю-еретику...», потому что интересы и полномочия королевства выше личного интереса и выше личной власти короля, чьи полномочия переданы ему «народом», «общиной». Соответственно, Римский папа имеет право низложить короля (и на эту тему приводится множество примеров) и передать право наследования короны Лотарингскому дому³¹. С точки зрения Пижена, иное решение вопроса противоречило бы и «естественному праву», согласно которому «Regnum non propter Regem, sed Rex propter Regnum», и «сила и власть» сосредоточены «прежде всего в королевстве и в сообществе [*la communauté*], а не в том, кто король, – ибо если народ [сообщество] передало ему свою свободу, почему бы оно [сообщество] не лишило бы его этой свободы в том случае если, по попушению Божию, [правитель] злоупотребляет ею»³². Обосновывая этот, на первый взгляд, очень «модерный» тезис, Пижена упоминает среди многочисленных примеров низвергнутых королей и императоров и Генриха Валуа как одного из тех, кто поддерживает «турок, женеццев, англичан и вальденсов»³³. С другой стороны, снова заявляет Пижена, Лотарингский дом имеет право наследовать французскую корону.

В четвертой главе рассматривается право папы как носителя высшей светской власти, низложить короля, так как папа есть монархический глава всего «христианского народа» («Prince étably sur tout le peuple Chrétien») и всех отдельных «народов и королевств», подобный Моисею. Закон любви велит ему заботиться о благе людей, а «успокоение республики» есть высшее проявление любви. В данном случае это значит, что он должен добиться единения правителя и соответствующего народа, низлагая правителя, злоупотребившего властью или примкнувшего к иной, чем религия народа, религии, как это оказалось в случае с «беарнцем»³⁴, ибо правитель и народ должны быть объединены «единством и единообразием религии»³⁵. Пижена предлагает ряд аргументов в обоснование права папы низлагать королей³⁶ и, развивая тезис о сосредоточении в руках папы и духовной, и светской власти, снова ставит его в параллель с Моисеем как главой «народа израильского»³⁷. Соответственно папа, имея власть даже большую, чем ветхозаветные первосвященники, имел право отобрать французскую корону у еретика, и мы, если не желаем также оказаться еретиками, должны принять решение папы как солдаты принимают решение командующего³⁸.

Вторая часть сочинения Ф. Пижена призвана показать, что поддерживающие «беарнца» суть не только схизматики, но и еретики³⁹. В этом контексте возникает вопрос об единстве «народа-нации». Как нация связана с королем, королевством, католической верой и «христианским народом»? в какое отношение к ней поставили себя «еретики»? Пижена объясняет, что для понимания сложившейся во Франции ситуации, нужно осознать, что же такое – это единство католиков⁴⁰? Есть ли это объединение всех верующих непременно под руководством папы (и церкви, соответственно), и выступает ли «единство и единообразие» католиков залогом их спасения⁴¹? Ответ Пижена – строго каноничен: все верующие должны повиноваться папе⁴². Кроме того, как евреи объединены обрезанием, так христиане – таинством крещения, и таинство крещения означает, что христиане обязаны соблюдать то, что предписано Евангелием и церковью. Как Христос есть единственный глава церкви, так и церковь едина, так Бог желает, чтобы христиане были во всем едины⁴³. Те, кто стоит вне этого «католического единства», – схизматики и еретики, и две первые главы второй части со-

чинения Пижена посвящены объяснению того, кто есть схизматик и кто – еретик. Схизматики – все те, кто, как и «политики», не подчинялись или не подчиняются папе, и Пижена приводит примеры церковных расколов внутри западной Церкви, а также примеры греков, чехов, лютеран, англичан, анабаптистов, кальвинистов. Соответственно, многие из схизматиков становились и становятся, из-за своего упорства, – еретиками. И далее обосновывается мнение, что те, кто хотят привести на престол еретика Генриха Бурбона – еретики. Следующая глава развивает тему, что таинства и другие религиозные действия «еретиков» не составляют подлинного таинства и не несут им спасения, и это касается и духовенства, поддерживающего Бурбона.

В двух последних главах развивается тема отлучения от церкви «беарнцев», и именно в этом контексте остро встает вопрос о месте еретиков в «нации французов», которые, с точки зрения Пижена, должны непременно быть католиками. Поскольку, пишет он, схизматики упорствуют, превращаясь тем самым в еретиков, и доказывая тем самым, что их болезнь неизлечима – с ними должно поступить так же, как Карл Великий поступал с сарацинами, саксами, гунами, склавинами, баварцами, данами (датчанами) и ломбардами⁴⁴. И тут оказывается, что «французскость» «беарнцев» уже или не признается, или ставится под сомнение – они сравниваются и ставятся в один ряд с гуннами, саксами, склавинами, сарацинами, происходящими от Сары, но ей изменившими. И теперь «беарнцы» завоевывают и опустошают Францию как это делали сарацины в прошлом, и «они должны быть изгнаны из этой страны подобно сарацинам»⁴⁵. Пижена прибегает к сравнению еретиков-беарнцев с головой статуи Навуходоносора, чью грудь и руки составляют лютеране Германии, а живот и ляжки – Елизавета Английская. Но даже маленькая искра Божией правды, восклицает Пижена, сокрушит этот храм беззакония⁴⁶. Снова возникает тема «французов, ставших предателями, еретиками и безбожниками» («*ces traîtres, schismatiques et athéistes François*»). Оказывается, что это – *дегенерировавшая* часть «французской расы», чью голову отрубят, а череп раскрошит меч Карла Великого⁴⁷, так же как это случилось с саксами, сарацинами, гуннами, склавинами, баварцами и датчанами. А вслед за этим представитель «святого, неспорченного и ни разу не зараженного ересью рода (*race*)», то есть представитель Лотарингского дома, разобьет голову еретика, и «благородная лотарингская раса» получит корону Франции, чтобы (буквально!) «послать к черту» «Беарнца, Немца и Анличанина»⁴⁸.

Таким образом, виден не только конфликт «национального» и «конфессионального», но и, фактически, исключение еретиков из «национальной общности» и приравнение их к иностранцам – немцам и англичанам. Оказывается, что «Беарнцы» – не французы (хотя Пижена так прямо не выражается), потому все французы, непременно, – католики.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что, во-первых, «народ-нация» – конституирующий, структурный элемент дискурса, представленного в трактате Ф. Пижена, и этот «народ-нация» включает всех «французов», к какому бы сословию они не принадлежали. Во-вторых, французский «народ-нация» выступает как одна из *nations/gentes*, то есть как категория, которую в научном языке Центральной и Восточной Европы принято называть «этносом». В-третьих, дискурс «народа-нации» неотделим от библейского дискурса и, более того, именно Библия (преимущественно Ветхий Завет) «форматирует» представления Пижена о «народе» и монархах. В-четвертых, присутствие двух религий в одном «народе» – мучительная для Пижена проблема, и поэтому возникает (имплицитно и эксплицитно) вопрос: не оказываются ли «еретики» вне «народа»? Конфликт «национального» и конфессионального проходит остро, но «национальное» никак не растворяется в конфессиональном; очень характер-

но в этом отношении, что «беарнцы-еретики» объявляются Пижена *дегенерировавшей* частью французской нации-народа. Оказывается, что к концу XVI века в представлениях даже одного из самых ярких противников протестантизма, для которого ценности католицизма безусловно выше «национальных», дискурс «французскости» уже вполне отчетливо отделен от дискурсов конфессиональной принадлежности, «про-то-национальное» отделено от религиозного.

Примечания

¹ [Pigenat F.] L'aveuglement et grande inconsideration des politiques, dicts Maheustres, lesquels veulent introduire Henry de Bourbon, iadis Roy de Navarre, à la Couronne de France, à cause de sa prétendue succession. Paris, 1592 (экземпляр Национальной библиотеки Франции, Париж).

² Boucher J. Pigenat, François // Jouanna A., Boucher J., Biloghi D., Le Thiec G. Histoire et dictionnaire des guerres de Religion. Paris: Laffont, 1998 (coll. Bouquins). P. 1205–1207.

³ Используемое в данной статье издание 1592 года, видимо, было вторым или третьим, так как Ф. Пижена умер в 1590 году; первое издание состоялось, скорее всего, в 1589 году, вскоре после встречи Генриха III с Генрихом Наваррским в Плесси-ле-Тур. См.: Boucher J. Op.cit. P. 1206.

⁴ Barnavi E. Le parti de Dieu. Étude sociale et politique des chefs de la Ligue parisienne, 1585–1594. Louvain: Nauwelaerts, 1980; Barnavi E., Descimon R. La Sainte Ligue, le juge et la potence. Paris: Hachette Littératures, 1985; Baumgartner F. Radical Reactionaries: the Political Thought of the French Catholic League. Geneve: Droz, 1975; Benedict Ph. Rouen during the Wars of Religion. Cambridge Univ. Press, 1981; Boucher J. Société et mentalités autour d'Henri III. Vol. 1–4. Lille: Centre d'édition des thèses, 1981; Bourquin L. Les nobles, la ville et le roi. L'autorité nobiliaire en Anjou pendant les guerres de Religion. Paris: Belin, 2001; Brunet S. «De l'Espagnol dedans le ventre!». Les catholiques du Sud-Ouest de la France face à la Réforme (vers 1540–1589). Paris: Honoré Champion, 2007; Cassan M. Le temps des guerres de Religion. Le cas du Limousin (vers 1530 – vers 1630). Paris: Publisud, 1996; Champion P. Paris au temps des guerres de Religion. Paris: Calmann-Levy, 1938; Champion P. Paris au temps d'Henri III. Paris: Calmann-Levy, 1942; Constant J.-M. Les Guise. Paris: Hachette Littératures, 1984; Constant J.-M. La Ligue. Paris: Fayard, 1996; Crouzet D. Les Guerriers de Dieu: la violence au temps des troubles de religion, vers 1525 – vers 1610. Vol. 1–2. Paris: Seyssel, Champ Vallon, 1990; Descimon R. Prises de parti, appartenance sociale et relations familiales dans la Ligue parisienne // Les réformes. Enracinement socioculturel. Ed. par B. Chevalier et R. Sauzet. Paris: La Maisnie, 1985. P. 123–136; Descimon R. Qui étaient les seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne, 1585–1594. Paris, 1983; Diedendorf B.S. Beneath the Cross: Catholics and Huguenots in the XVIth century Paris. New York-Oxford, 1991; Drouot Y. Mayenne et la Bourgogne, 1587–1596. Vol. 1–2. Paris: Picard, 1937; Gal St. Grenoble au temps de la Ligue. Étude politique, sociale et religieuse d'une cité en crise (vers 1562 – vers 1598). Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2000; Jouanna A., Boucher J., Biloghi D., Le Thiec G. Histoire et dictionnaire des guerres de Religion. Paris: Robert Laffont, 1998 (coll. Bouquins); Jouanna A. La France du XVIe siècle. 1483–1598. Paris: PUF, 2006. P. 601–618: «Zeles» contre Politiques (1589–1594); Kaiser W. Marseille au temps des troubles, 1559–1596. Morphologie sociale des factions, 1559–1596. Paris: EHESS, 1992; Larcade V. Les capitaines gascons à l'époque des guerres de Religion. Paris: Éditions Christian, 1999; Lebigre A. La Révolution des curés. Paris, 1588–1594. Paris: Albin Michel, 1980; Mariéjol J. La Réforme et la Ligue. L'Édit de Nantes (1559–1598). Paris: Hachette, 1904 (= Histoire de la France. Sous la dir. de E. Lavisse, t. VI); réédition: Paris: Tallandier, 1983; Pallier D. Recherches sur l'imprimerie à Paris pendant la Ligue (1585–1594). Paris, 1975; Pernot M. Les guerres de Religion en France, 1559–1598. Paris: SEDES, 1987; Richard P. La papauté et la Ligue française. Pierre d'Epinaç, archevêque de Lyon (1573–1599). Paris–Lyon, 1901; Salmon J.H.M. The Paris Sixteen, 1584–1594: The Social Analysis of a Revolutionary Movement // Salmon J.H.M. Renaissance and Revolt: Essays in the Intellectual and Social History of Early Modern France. Cambridge, 1987; Venard M. Le catholicisme à l'épreuve dans la France du XVIe siècle. Paris: CERF, 2000; Vivanti C. Guerre civile et paix religieuse dans la France d'Henri IV. Traduit de l'italien par L.-A. Sanchi. Paris: Editions Desjonquères, 2006.

⁵ Исключение составляет статья М. Ярдени: *Yardeni M.* Religion et sentiment national en France aux XVIe et XVIIe siècles // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 323–344).

⁶ К этой проблеме обращен международный исследовательский проект «Confessiones et nationes» (информация – на сайте Центра украинистики и белорусистики Исторического факультета МГУ: [www.hist.msu.ru / Labs/UkrBel/](http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/)), первые результаты которого представлены в частности в книге: Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время / под ред. М.В. Дмитриева (Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev). М.: Индрик, 2008.

⁷ См., например: *Венар М.* (университет Париж – X Нантерр): «Добропорядочные французы» и «ревностные католики» во французских религиозных конфликтах конца XVI века (1584–1594 гг.) // Религиозные и эт-

нические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время / под ред. М.В. Дмитриева (Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir. de Mikhaïl V. Dmitriev). М.: Индрик, 2008. С. 71–86.

⁸ О складывании национального (или прото-национального) сознания во Франции позднего средневековья и раннего нового времени см.: Asher R.E. National Myths in Renaissance France. Edinburgh University Press, 1993; Beaune C. Naissance de la nation France. Paris: Gallimard, 1985; Bell D. Recent Works on Early Modern French National Identity // Journal of Modern History. 68 (1996). P. 84–113; Chaunu P. La France. Histoire de la sensibilité des Français à la France. Paris: Robert Laffont, 1982; Contamine Ph. Mourir pour la patrie, Xe – XXe siècles // Les lieux de mémoire. Sous la dir / de P. Nora. II. La Nation. Paris: Gallimard, 1986. P. 11–43; Contamine Ph. Qu'est-ce qu'un «étranger» pour un Français de la fin du Moyen Âge? Contribution à l'histoire de l'identité française // Peuples du Moyen Âge. Problèmes d'identification. Dirigé par Claude Carozzi et Huguette Taviani-Carozzi. Aix-en-Provence, 1996 (séminaire) Sociétés, idéologies et croyances au Moyen Âge). P. 27–43; Crouzet D. Mystique royale et «sentiment national»? Les visions du frère Fiacre de Sainte-Marguerite // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 295–322; Dupont-Ferrier G. Le sens des mots *patria* et *patrie* en France au Moyen Âge et jusqu'au début du XVIIe siècle // Revue historique, 188 (1940). P. 89–104; Dubost J.-F. Enjeux identitaires et politiques d'une polémique. Français, Italiens et Espagnols dans les libelles publiés en France en 1615 // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 91–122; Heller H. Anti-Italianism in Sixteenth-Century France. Toronto: University of Toronto Press, 2003; Holt M. P. Burgundians into Frenchmen: Catholic Identity in 16th century Burgundy // Changing Identities in Early Modern France. Duke University Press, 1997. P. 345–370; Kemp W. L'introduction et la diffusion de *patrie* en français au seizième siècle // Interpreting the history of French. A *Festschrift* for Peter Rictard on the occasion of his eightieth birthday / ed. by R. Samson and W. Ayres-Bennett. Amsterdam; New York: Editions Rodopi b.v., 2002. P. 213–242; Nordman D. Frontières de France. De l'espace au territoire, XVI–XIXe siècle. Paris: Gallimard, 1998 (Bibliothèque des histoires); Schaub J.-F. Le sentiment national est-il une catégorie pertinente pour comprendre les adhésions et les conflits sous l'Ancien Régime? // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles. Études réunies et présentées par A. Tallon. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 155–168; Tallon A. Conscience nationale et sentiment religieux en France au XVIe siècle. Essai sur la vision gallicane du monde. Paris: PUF, 2002; Yardeni M. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559–1598). Paris; Louvain: Éditions Nauwelaerts, 1971; Yardeni M. Enquêtes sur l'identité de la «nation France». De la Renaissance aux Lumières. P.: Champ Vallon, 2004. Для чуть более позднего периода см.: Bell D.A. The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800. Harvard University Press, 2001.

⁹ Термин «национализм», как это принято в англоязычной историографии, употребляется нами в последовательно нейтральном смысле – как термин, обозначающий дискурсы и общественно-политические движения, которые исходят из того, что нации существуют и что каждая нация может претендовать на создание собственного государства.

¹⁰ «Die Vorstellung, jeder Mensch habe Glied einer Nation und Bürger eines Nationalstaates zu sein, ist ein europäische Geschöpf» (протитировано в: Hroch M. Das Europa der Nationen. Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2005. P. 7).

¹¹ См.: Дмитриев М.В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время / под ред. М.В. Дмитриева (Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. Sous la dir / de Mikhaïl V. Dmitriev). М.: Индрик, 2008. С. 15–42.

¹² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 3 («l'hérésie est avancée, la foy diminué, l'Eglise esbranlée, le Royaume gasté, et le peuple ruiné»).

¹³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 5 («La puissance de regner, nonobstant toute succession, vient de Dieu, qui par la voix du peuple déclare celui qu'il veult, qui commande comme Roy»).

¹⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 8.

¹⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 9 («portant le tiltre et le nom de Roy sur le peuple fidèle, qui est son peuple spécial»).

¹⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 9.

¹⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 9–10.

¹⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 10.

¹⁹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 10.

²⁰ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 13 (Dieu exprime sa volonté «en déclarant par les clameurs du peuple, qu'ils sont dignes de commander: et de fait comme ainsi soit que *vox populi sit vox Dei*, par laquelle Dieu nous nomme celui qu'il nous a conservé pour nous régir»).

- ²¹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 13–14 («...le peuple d'Israel s'assembla en Sichem, comme l'on fait aux Estats»).
- ²² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 14 («je suivray celui, dit-il, pour Roy, que Dieu, *ce peuple* et tous les hommes d'Israel auront esleu» [2 Regnum 16 et 18]; Osias «esleu par *le peuple*» [2 Paral, cap. 16]).
- ²³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 14–15 («...sans avoir esté demandé du peuple»).
- ²⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 15 («...ou par la plus saine et meilleure partie du peuple avec l'onction, comme ont este tous les Rois de France depuis Clovis»).
- ²⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 17.
- ²⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 18 («toutes les autres *nations* circonvoisines estoient infidèles, ayant des Princes infidèles: et pour ce il leur defend de ne prendre pour Roy un homme d'une autre *nation* que de la leur, de peur qu'ils ne les gastassent, non poteris inquit alterius *gentis* hominem Regem facere, qui non sit frater tuus professione et religione»).
- ²⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 19.
- ²⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 35 (sur «le peuple d'Israël, peuple fidèle»).
- ²⁹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 35–36.
- ³⁰ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 40.
- ³¹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 41 *passim*.
- ³² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 44–45.
- ³³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 46.
- ³⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 53 («Biarinois hérétique»).
- ³⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 55 («comme fait et peut faire le Pape reconciliant le prince avec *le peuple*, ou le déposant de son autorité quand il en abuse, ou quand il est d'autre religion que *le peuple*, comme est le Biarinois. Car le Prince et le *peuple* doivent être liéz ensemble, par unité et conformité de religion»).
- ³⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 58 *passim*. («Tous les Princes chrétiens en tant que fidèles, sont ouailles du grand pasteur de l'Eglise, qui est le pape, Prince étably sur tout *le peuple Chrétien*, comme dit nostre Seigneur à S. Pierre: Ego constitui te Principem super plebem meam: ils sont donc subiects à sa correction. La Principauté d'Eglise étant Monarchique, le S. Père est étably, *super gentes et regna, sur les nations* et Royaumes, pour arracher, détruire et démolir ... ce qui est nuisible»).
- ³⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 60.
- ³⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 61–62.
- ³⁹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 63.
- ⁴⁰ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 63.
- ⁴¹ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 66.
- ⁴² [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 65.
- ⁴³ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 65–66.
- ⁴⁴ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 110.
- ⁴⁵ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 111–112.
- ⁴⁶ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 115–116.
- ⁴⁷ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 117 («...l'épée de Charlemagne qui coupera la tête et brisera le cerveau à ceste schismatique et *dégénérée race Française*»).
- ⁴⁸ [Fr. Pigenat]. L'aveuglement... P. 118 («Aussi un fleuron de sa sainte et saine race qui n'a jamais été infectée d'hérésie rompra la tête à l'hérétique, ou puis sera rendue à la noble race de Lorraine le droict, comme à la plus ancienne et mieux méritée, de cette belle Couronne de France pour tenir toujours l'Eglise en bonne assurance, avec la justice en juste balance. Et alors nous pourrons dire, s'ils ne s'amendent en toute jouissance à Dieu, ou au diable le Biarinois, Alleman et Anglois»).

Т.Н. ИВАНОВА

ИДЕАЛ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНАШЕСКОГО АСКЕТИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.И. ГЕРЬЕ

Изучение истории средневекового католицизма в отечественной историографии долгие годы сдерживалось различными полулегальными запретами. В дореволюционной России это обуславливалось господством православной идеологии, в советской науке – атеистической. В ряду исследований, посвященных данной проблеме, выделяются труды русского историка Владимира Ивановича Герье (1837–1919 гг.), посвященные выдающимся деятелям средневекового католицизма. Это были одни из

первых работ в отечественной историографии, написанные светским ученым как научные труды, основанные на широкой источниковой базе.

Профессор Московского университета В.И. Герье является автором более ста научных исследований по разным проблемам всеобщей истории. Характерным для его исторической концепции было внимание к истории идей. Так, средневековую историю он рассматривает как антиномическое взаимодействие политической стороны средневековой жизни (феодализма) и религиозной (католицизма).

В одной из лекций профессор так описывает контраст между католицизмом и феодализмом: «Впечатление, производимое историею средних веков подобно впечатлению путешественника, который... видит перед собой здания церкви, построенные из твердого материала, как будто для вечности; внутри он видит художественную отделку, роскошь; все это возвышает и облагораживает душу, – пишет Герье. – А кругом прилеплены те же грязные мазанки, где живет население грубое, невежественное». Величественным зданием называет Герье христианство, а грубыми мазанками – «политический быт» феодализма¹.

Однако внутри «величественного здания» церкви Герье обнаруживает «существенное самопротиворечие». Это внутренняя дилемма католицизма представляла собой, с одной стороны, идеал аскетизма, воплощенный в монашестве и, с другой стороны, идею теократии, представленной папством. Аскетизм содействовал усилению церкви, и церковь покровительствовала монашеству и внесла аскетический принцип в организацию самого духовенства. Но под знаменем аскетизма церковь «шла последовательно и решительно к власти над миром и обладанию им», она становилась «мирским учреждением и, пользуясь ослаблением государства, стремилась к подчинению его себе и сама становилась мировым государством» – сетует Герье².

Признавая такое «самопротиворечие», Герье решительно не соглашался с мнением исследователей папства П. Лорана и Г. Эйкена о противоположности и взаимоисключаемости аскетизма и теократии³. В «исходной точке средневекового мировоззрения» в учении Августина этого противоречия не было. «Разлад средневековой жизни», по мнению Герье, «обуславливается не противоречием между принципами отречения от мира и завладения им, но более общим и существенным противоречием или антиномией между идеалом и действительностью, между идеей и учреждением, между духовным складом личности и ее проявлением в окружающей действительности»⁴.

Идеал аскетизма Августина базировался на учении о наследственности первородного греха. Поэтому монашество становилось высшим призванием человека, единственно соответствующим достоинству и высокому предназначению человека. Исследованию западного монашества Герье посвятил ряд работ, рассматривая «восходящее явление, то есть ряд попыток осуществить аскетический идеал в возможном совершенстве»⁵.

По мнению ученого, стремясь уйти от мира, забыть его, монашество, тем не менее, оказывало громадное влияние на судьбу мира и в духовном, и в хозяйственно-экономическом отношении. Введение в католицизме celibата произошло под влиянием монашества и изменило церковь. Монастыри способствовали росту власти папства, т.к. добываясь автономии и от светской власти, и от епископов, они, тем не менее, подчинялись папе, создав его державу⁶. В этих условиях учение Августина нашло свое выражение в представлении о церкви, как о «Божьем царстве уже на земле». Исторические реалии XI века создали «благоприятные условия для империалистической политики римского епископа»⁷. В это время, считает Герье, монахи, радуя о торжестве аскетизма и в церкви, и в мире, сделали «главными зодчими средневековой теократии». Эпоха расцвета теократии (вторая половина XI – начало XIII веков)

была эпохой «тесного взаимодействия монашества и папства, аскетических и империалистических стремлений», она стала «почвой для высокого подвижничества в области монашества и лучших побед папства над светскою властью и местной иерархией»⁸.

Герье в своих трудах создает целую галерею «зодчих и подвижников «Божьего царства». В ее основании – Августин, для которого Божье царство мыслилось не как государство видимой церкви, а как сонм святых и праведников. Герье считает, что Августину было чуждо представление о папской власти над церковью и его идеал «Божьего царства» не совпадал «с идеалами Григориев и Иннокентиев». Возникнув как этический идеал эпохи кризиса античного мира, учение Августина в дальнейшем развивалось при условиях, «которые ему совершенно чужды»⁹.

Далее в галерее исторических портретов Герье присутствуют две взаимодействующие линии – аскетическая (Бернар Клервоский, Франциск Ассизский и Катарина Сиенская) и теократическая (Григорий VII и Иннокентий III). Историк считает, что идеи Августина интерпретировались этими «зодчими Божьего царства» под явным воздействием «почвы» и «среды» – исторических и культурных условий их жизни. Так, аскетизм Бернара характерен для эпохи крестовых походов, когда к задаче спастись от мира присоединялась другая – спасти мир и саму церковь¹⁰, что привело святого на перепутье между аскетизмом и теократией. В своей суровой борьбе Бернар больше напоминает не евангельского Христа, а ветхозаветного Бога¹¹. Деятельность Франциска определялась теми же историческими условиями, которые привели к «торжеству теократии» Иннокентия III. Катарине Сиенской пришлось отстаивать идеал аскетизма в изменившихся в XIV веке условиях падения авторитета папства. Ее Герье сравнивает с Франциском Ассизским в том, что она «является ярким памятником аскетического идеализма в его воздействии на средневековую теократию»¹².

Герье восхищается нравственными качествами аскетов и более критичен к «зодчим» теократии. Он считает, что интерпретация идей Августина средневековым папством была далека от первоисточника, «и настоящий Августин был не всегда понятен тем, кто ссылался на его авторитет»¹³. Григорий VII искажил идею «Божьего царства»: «Для Августина церковь была «община праведников», – замечает Герье, – для Григория же VII и его преемников она была духовно-светским царством на земле, обладающим вратами на небо»¹⁴. Полемизируя с Е. Трубецким, Герье указывал на различия в трактовке «Божьего царства» Августином и Григорием VII. И хотя он признавал, что власть римских пап не была «чистой теократией» в юридическом смысле, тем не менее он считал возможным применение этого термина к средневековой церкви¹⁵.

Высший подъем теократии Герье связывал с понтификатом Иннокентия III. «Это совпадение благоприятных для власти епископа условий со вступлением на римский престол выдающейся личности и создало то, что можно назвать Расцветом папской теократии»¹⁶. По мнению ученого «этот торжествующий над христианским миром папа» довел материализацию интересов церкви до логического конца: «В средневековой Европе, еще вполне подчиненной феодальным формам, папство впервые осуществило политический тип централизованной монархии с самодержавным правлением и правильно организованной администрацией, управлявшей из столицы самыми отдаленными окраинами»¹⁷. «Божье царство» Августина превратилось в «вотчину святого Петра». По мнению Герье, «требование светского подчинения папе и в светских вопросах» в дальнейшем привело папство к поглощению светскими интересами, что предопределило падение его авторитета¹⁸.

Иннокентию III Герье противопоставлял Франциска Ассизского, которого считал ярчайшим воплощением аскетического принципа в истории католицизма. Для изуче-

ния его деятельности русский историк провел подробный критический анализ всех источников о Франциске. При этом наряду с его официальными житиями Герье считал необходимым использовать легенды о святом, изречения и притчи, «которые запали в душу его учеников». В виду легендарного характера первоисточников Герье считал, что «мы должны довольствоваться восстановлением личности Франциска в том виде, как она представлялась первой поколению его последователей под влиянием рассказов и воспоминаний первоначальных и самых близких к нему его учеников»¹⁹.

Герье пишет, что «аскетизм со времен Франциска вступает в новый фазис своей истории». Отречение от мира, истязание плоти, мистическое слияние души с небом – эти принципы аскетизма, ярко воплощенные в жизни и деятельности Бернара Клервосского в учении Франциска приобрели новое звучание. Вместо заточения в монастыре Франциск предлагает проповедь в народных массах: «монах-отшельник заменится апостолом-миссионером, который, отрекшись от внутреннего мира, остается в мире, чтобы среди него призывать людей к миру и покаянию»²⁰.

Самоистязание у Франциска утрачивает фанатизм и превращается в презрение к своему телу, которое святой называл «братом ослом, которого нужно подвергать тяжелой ноше, часто бить и кормить плохим кормом». Осуждение семейного принципа у Франциска основано не на презрении к браку, а, главным образом, на соображении, что семья слишком поглощает человека и приковывает его к земным заботам. Собственность Франциск осуждает потому, что она «мешает любви к Богу и к ближнему». Нищенство для святого и его последователей становится безусловным и приобретает значение религиозного служения и нравственного подвига. «И при этом – замечает Герье, – эта идеализация нищенства находится у Франциска в тесной связи с милосердием, милостыней и со смирением»²¹.

Из послушания и смирения Франциска родилось важное гуманистическое начало – сострадательность к ближнему²². Интересно отметить, что осознание значимости этой черты деятельности святого отразилось в том, что в своей поздней работе Герье называет Франциска не просто «апостолом нищеты», как в статье 1892 года, а «апостолом нищеты и любви».

Таким образом, в лице Франциска, по мнению Герье, происходит перелом средневекового аскетизма: «Мотивом старого монашества служило стремление к небесному царствию и убеждение, что противоположный этому небесному царству земной мир полон зла и нечестия и потому достоин лишь презрения. В лице Франциска аскетизм приходит к сознанию, что и земной мир есть мир Божий и потому прекрасен [...]. Для старого аскетизма вся жизнь была лишь приготовлением к смерти, у Франциска сама смерть не нарушает радостного настроения: она для него лишь ласковая сестрица, как и все явления мира»²³.

Соединение и антиномию принципов аскетизма и теократии в XIII веке Герье образно описывает через встречу Франциска и Иннокентия III, в которой проявилось «торжество смирения и любви над самоуверенной гордыней и то обаятельное величие, которое аскетическая идея всегда имела для римской теократии»²⁴.

Таким образом, в своем творчестве Герье проследил эволюцию идеала аскетизма от Августина Блаженного до Франциска Ассизского. Понимание этого идеала является, по мнению Герье, важным ключом к пониманию сущности средневековой истории.

Примечания

¹ Герье В.И. Новая история. 1876–1877. М.: Изд-во Харахоркин, 1877. С. 3. Это сравнение христианства с величественным собором Герье позже повторит в статье: Средневековое мировоззрение, его возникновение и идеал // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 172.

- ² Герье Н. [В.И.]. Блаженный Августин. М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. С. 11.
- ³ Герье В.И. Средневековое мировоззрение. Его возникновение и идеал // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 172–174.
- ⁴ Там же. С. 175–176.
- ⁵ Герье В.И. Зодчие и подвижники «Божьего царства». Часть II. Западное монашество и папство. М.: С. Яковлев, 1913. С. 16–18.
- ⁶ Там же. С. 20–21.
- ⁷ Герье В.И. Средневековое мировоззрение. Его возникновение и идеал. С. 22.
- ⁸ Герье В.И. Зодчие и подвижники «Божьего царства». Ч. II. Западное монашество и папство. М.: С. Яковлев, 1913. С. 23–24.
- ⁹ Герье В.И. Лекции по истории средних веков. 1885/86. М.: Лит. В.В. Чичерина, 1886. С. 628–629.
- ¹⁰ Герье В.И. Зодчие и подвижники «Божьего царства». Ч. II. Западное монашество и папство. С. 24.
- ¹¹ Герье В.И. Средневековое мировоззрение. Его возникновение и идеал // Вестник Европы. 1891. № 4. С. 511.
- ¹² Герье В.И. Катарина Сиенская (XIV век) // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 29, 470.
- ¹³ Герье В.И. Зодчие и подвижники «Божьего царства». Ч. II. Западное монашество и папство. С. 148.
- ¹⁴ Там же. С. 22.
- ¹⁵ Трубецкой Е. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1897. 517 с.; Герье В.И. Григорий VII и Августин // Вестник Европы. 1898. № 8. С. 301–311. В развернувшейся дискуссии о роли Августина приняли участие также Вязигин А.С. (Личность и значение Григория VII в исторической литературе. Историческое обозрение. 1892. С. 245–285; и Новгородцев П.И., написавший в соавторстве с В.И. Герье статью: «К вопросу о сущности теократии // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 48 (III). С. 304–311.
- ¹⁶ Герье В.И. Зодчие и подвижники «Божьего царства». Ч. II. Западное монашество и папство. С. 16.
- ¹⁷ Там же. С. 18.
- ¹⁸ Там же. С. 479.
- ¹⁹ Герье В.И. Франциск Ассизский, апостол нищеты. XIII век // Вестник Европы. 1892. № 5. С. 87–88.
- ²⁰ Герье В.И. Франциск – апостол нищеты и любви. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1908. С. 144.
- ²¹ Герье В.И. Франциск Ассизский, апостол нищеты. XIII век. С. 527.
- ²² Герье В.И. Франциск – апостол нищеты и любви. С. 128.
- ²³ Там же. С. 158.
- ²⁴ Герье В.И. Франциск Ассизский, апостол нищеты. XIII век. С. 107–108.

Е.В. ЛЕЖНИНА

Уильям Молиньюкс и проблема конституционных прав Ирландии в 1690-х годах

Ирландия с древних времен привлекала внимание иностранцев. С конца VIII века остров постоянно подвергался набегам скандинавов, затем наступило время английского проникновения и постоянного британского присутствия. В 1172 году Генрих II (1133–1189) захватил Дублин и потребовал от ирландских вождей принести присягу верности, а затем его малолетний сын Иоанн (1167–1216), будущий король Иоанн Безземельный, был провозглашен ирландским «лордом». В результате завоевательных походов конца XII века на многие столетия независимая Ирландия оказалась под скипетром английских королей.

Завоевание «Зеленого острова» сопровождалось ломкой местной хозяйственной и общественно-политической структуры и дискриминацией коренного населения (гэлов). Ирландская экономика постепенно была переориентирована на потребности британского ремесла и торговли, наиболее плодородные земли были захвачены и распределены среди английского дворянства. На присоединенных территориях была разрушена клановая система и ликвидировано традиционное брегонское право. Ирландцы превратились в неполноправное население и ущемлялись в гражданских правах. С началом Реформации и распространением на Британских островах англиканской веры ирландские католики стали подвергаться и религиозным преследованиям.

В период колонизации в Ирландии постепенно формировалась государственно-правовая система английского типа. В 1297 году в Дублине был создан двухпалатный парламент, депутатами которого стали представители знати Пэйла (*the pale* – ограда, изгородь) – английской части Ирландии, защищенной от нападения врагов системой оборонительных укреплений. С некоторыми оговорками на заселенных англичанами территориях действовала и «Великая хартия вольностей» (1215).

В конце XIV – первой половине XV века английская монархия провела новую серию реформ, ликвидировавших остатки независимости ирландских политических институтов. В 1494 году вышел «Закон Пойнинга», разрешавший обсуждать дублинскому парламенту только законопроекты, предварительно согласованные в Вестминстере, распространивший действие этих законов не только на Пэйл, но и на гэльскую часть острова. С 1541 года страна официально получила статус королевства, а английские монархи закрепили свои права на ирландский престол¹.

Окончательно оформился разветвленный административный аппарат. Королевские интересы на острове стали представлять англичане лорды-наместники, лорды-лейтенанты либо вице-короли². Высшим исполнительным органом власти на острове был признан Тайный совет, состоящий из двадцати знатных светских и духовных лиц. Местная администрация возглавлялась шерифами, назначаемыми членами Тайного совета. Также под контролем английских чиновников оказалась религиозная жизнь: в 1637 году по «Акту о супрематии» государственный статус получала ирландская церковь, возглавляемая королем.

В течение столетий колонизации «зеленого острова» складывалась новая ирландская знать. Ее составили переселенцы из Англии разных волн колонизации, захватывавшие земли у гэльского населения либо получившие их от короля. Жители метрополии называли их «англо-ирландцами» – англичанами, рожденными на ирландской земле.

Сохранение этнической чистоты английских колонистов было залогом стабильности королевской власти в Ирландии, поэтому британский монарх делал все возможное, чтобы предотвратить взаимную ассимиляцию местного и пришлого населения. Так, изданные Эдуардом III (1312–1377) Килкеннийские статуты (1366) обязали колонистов говорить только на английском языке, одеваться в английские одежды, соблюдать английские обычаи, и по возможности избегать контактов с местным населением. В то же время короли наделял ирландских англичан привилегиями и неоднократно подтверждали их равенство в правах с населением метрополии.

К концу XVII столетия покорение Ирландии было завершено. Этому способствовали неудачи двух массовых ирландских восстаний: 1641–1653 гг., поднятого «Католической конфедерацией Килкенни» с целью воссоздания независимого от Англии королевства, и 1689–1691 гг., организованного ирландскими католиками в поддержку свергнутого короля Якова II (1633–1701). Привилегированное положение англичан в Ирландии в 1690-е годы стало связываться с принадлежностью к англиканской вере. Это установил «Акт отмены супрематии» (1691), согласно которому католики должны были быть выведены из парламента и со всех государственных постов³. За десятилетие было также введено четыре «карательных закона» или «законов против папизма» (два – в 1695 г. и два – в 1697 г.), запрещавших ирландским католикам носить оружие и служить в армии; устраивать частные школы и отправлять детей для обучения за границу; заключать браки между католиками и протестантами; изгоняющих высшее католическое духовенство и монахов с территории Ирландии. В результате земельных конфискации ирландцы-католики были лишены поместий и наделов. Если в 1688 году в их руках было 22 % земельной собственности, то к 1703 году этот

показатель уменьшился до 14 %⁴. Эти изменения позволили современникам говорить о наступлении эры «протестантского господства»⁵ или эпохи «карательных законов»⁶.

«Нищета и одичание народа, деморализация властителей, приниженность туземных государственных учреждений – такова картина, рисующая ирландцев, опустившихся на дно мрачной пропасти, куда не проникнуть ни одному лучу света», – описывал положение в Ирландии известный российский историк и экономист Г.Я. Афанасьев⁷. Хотя современные западные исследования рассматривают такого рода описания как в этой беспросветной тьме появился «огонек», который «сначала едва мерцает», затем «разгорается сильнее» и в итоге становится «лучем света в темном царстве, подающим надежду на близкий рассвет»⁸. Так автор рисует первые признаки умственного возрождения, появившиеся в конце 90-х годов XVII века и во многом связанные с деятельностью известного ученого и политического деятеля Ирландии Уильяма Молиньюкса.

Подобного рода описания Ирландии конца XVII–XVIII веков, распространенные у отечественных и зарубежных историков, особенно первой половины XX века, оцениваются современными исследователями как чрезмерно мрачные, ортодоксальные и сравниваются с «клювом птеродактиля в окаменелом сланце очертания одного образа восемнадцативековой Ирландии»⁹. Тем не менее восторженные слова, произнесенные Г.Я. Афанасьевым, вполне характеризуют ту роль, которую Уильям Молиньюкс сыграл в ирландской истории – возможно, не единственного, но одного из немногих влиятельного «будителя» ирландского национального самосознания.

Уильям Молиньюкс (1656–1698) родился 17 апреля 1656 года в Дублине в семье английских аристократов, уже в течение четырех поколений проживающих в Ирландии. Он принадлежала к так называемым «новым англичанам», которые колонизировали остров в правление Елизаветы I и Якова I, в отличие от «древних англичан», прибывших в Ирландию в англо-норманнскую эпоху.

Семья Уильяма Молиньюкса входила в элиту протестантского общества Ирландии. Отец, Сэмюэль Молиньюкс, занимал высокие должности в английской администрации, брат Томас – был известным физиком и общественным деятелем.

Уильям Молиньюкс получил превосходное образование. Он окончил кафедральную школу Св. Патрика в Дублине, затем, со степенью магистра искусств, колледж Св. Троицы, а также посещал Миддл Темпл, одну из четырех известнейших адвокатских школ Лондона. Вернувшись из Англии в 1678 году Уильям женился на Люси Домвиль, дочери сэра Уильяма Домвиля, главного судьи Ирландии.

Семейная жизнь Молиньюкса была трагична. У молодой жены вскоре после свадьбы врачи обнаружили тяжелую болезнь, которая привела вначале к слепоте, а затем – к ранней смерти женщины. Осознание бренности человеческого бытия заставило молодых супругов ценить каждое мгновение. Потеряв надежду на исцеление, супруги обратились к занятиям, наиболее близким им по духу: она – к музыке, он – к науке.

Интересы Молиньюкса были необычайно разнообразны: математика, естествознание, астрономия, оптика и философия. Первой его научной публикацией был перевод с латинского трактата Декарта «Шесть метафизических медитаций» (1680), затем свет увидел трехсотстраничный труд «Dioptrica Nova» (1692), анализировавший линии света, проходящие через сферы различных форм¹⁰. Уильям Молиньюкс изучал природу окаменелостей, найденных в водах ирландских озер, пытался идентифицировать некоторые виды насекомых. Фактически он представлял собой новый тип исследователя, предпочитавшего эксперимент ученым книгам, «не застрахованного от ошибок, но также и от самоисправления»¹¹.

В 1683 году, в содружестве с единомышленниками и при поддержке Лондонского королевского общества, Молиньюкс основал Дублинское философское общество, просуществовавшее лишь до 1708 года, но воспитавшее целое поколение ирландских интеллектуалов. В 90-х годах XVII века Молиньюкс сблизился с английским философом Джоном Локком (1634–1704) и вступил с ним в переписку. В письмах он обсуждал перспективы развития науки и философии, делился впечатлениями от последних прочитанных книг, анализировал политические события в стране.

Молиньюкс, дискутируя с Локком, смог внести большую лепту в развитие философии сенсуализма. В письме от 2 марта 1693 года он обозначил «шутливую проблему»: может ли слепой от рождения человек, распознающий форму предметов только через прикосновения, неожиданно прозрев, найти нужный предмет только при помощи глаз, не прикасаясь к нему¹². Молиньюкс ответил на этот вопрос отрицательно, опираясь на теорию «простых идей», описанную Джоном Локком в «Опыте о человеческом разуме» (1690)¹³. «Проблема Молиньюкса» впоследствии стала предметом обсуждения целой плеяды европейских философов: Беркли, Лейбница, Вольтера, Дидро, Ла Меттри, Гельмольтца, Уильяма Джеймса и предметом исследования современных авторов¹⁴.

Уильям Молиньюкс был не только известным ученым и философом, но являлся и видным общественным деятелем. С 1684 по 1688 годы Молиньюкс занимал пост Главного инспектора королевских строений. В период ирландского восстания (1689–1691), не желая сотрудничать с якобитским правительством, он уехал из Ирландии в Англию и акцентировал свое внимание больше на научной, чем на политической деятельности. После окончания восстания, как депутат от Дублинского университета, он участвовал в работе ирландских парламентов 1692 и в 1695–1698 гг. Молиньюкс играл активную роль в палате общин, хотя и не входил в ряды явной оппозиции правительству. Его считали «человеком содружества», сторонником наиболее радикальной вигской группировки, требовавшей реформы парламента и установления контроля законодательной власти над исполнительной, старавшейся предупредить сползание Ирландии к деспотизму и тирании¹⁵.

Парламентская деятельность Уильяма Молиньюкса проходила в годы, внешне благоприятные для английских протестантов, но полные скрытых противоречий.

Политический статус послереволюционной Ирландии был неопределенным. Подавление ирландского восстания в Англии воспринималось как повторное завоевание Ирландии. Вестминстерское правительство даже обсуждало вариант введения прямого управления «Зеленым островом». Хотя в конституционном споре победили сторонники созыва парламента в Дублине, необходимого «для успокоения народа и устройства королевства»¹⁶, на Ирландию не были сразу распространены завоевания «Славной революции», такие как «*Nabeas corpus act*» и «Билль о правах». Английские власти стремились сделать ирландские политические институты послушными проводниками задуманных в Вестминстере законопроектов. Тайный совет в Дублине, состоящий либо из англичан, либо из лиц, имеющих в Англии политические и экономические интересы, управлял страной, вызывая у местного населения постоянные обвинения в коррупции, казнокрадстве, пренебрежении интересами Ирландии.

Дискриминационная политика Лондона ущемляла интересы англо-ирландской верхушки, которые наряду с коренными ирландцами теряли политические свободы. Желая защитить права и интересы острова, ирландские коммонеры начали движение за «единственное право» палаты общин решать вопросы денежных ассигнований. Фактически, члены парламента пытались преодолеть ограничения, налагаемые на ирландское законодательство «Законом Пойнинга». По их мнению, процедура подго-

товки закона должна была включить новую стадию. Любой законопроект необходимо первоначально обсудить в ирландском парламенте, и только затем в ирландском и английском Тайных советах. Лорд-лейтенант Ирландии Сидней назвал борцов за «единственное право» «компанией безумцев», а их действия попыткой «сбросить ярмо Англии»¹⁷. Этот конфликт, разразившийся во время заседания ирландского парламента в 1692 году, повлиял на тактику политической борьбы англо-ирландцев. В дальнейшем парламентская оппозиция все реже прибегала к петициям и ремонстрациям и все чаще – к прямой обструкции законов, предлагаемых английскими властями¹⁸.

В 1697–1698 годах метрополия предприняла попытку аннулировать ирландскую законодательную автономию, что проявилось в так называемом «Деле епископа Дерри». В конце 1697 года Ирландское общество Лондона (созданное англичанами, имевшими экономические интересы в Ирландии) обратилось в английскую палату лордов, чтобы отменить неблагоприятное для него решение ирландской палаты лордов в деле общества против епископа Уильяма Кинга из графства Дерри по вопросу о правах на землю и о праве рыбной ловли в реке Фойл¹⁹.

Серьезной политической проблемой для англо-ирландской протестантской общины стало отсутствие ее внутреннего единства. После ирландского восстания 1688–1689 годов в Ирландию прибыла новая волна английских эмигрантов, которые стали претендовать не только на конфискованные земли католиков, но и на владения англо-ирландцев. Во второй половине 90-х годов XVII века обсуждался «Конфискационный билль» (принят в 1699 г.), предусматривавший перепродажу конфискованных у участников восстания поместий. В состав конфискованных земель попали территории, купленные или арендованные у сторонников Якова II лояльными к новой власти ирландскими протестантами, среди них даже было много членов Дублинского парламента²⁰.

Помимо земельных проблем, англо-ирландцы ощущали угрозу, исходящую от диссентеров, шотландских пресвитериан, к концу семнадцатого столетия освоивших Ольстер и Мюнстер. По подсчетам современников в течение десятилетия в Ирландию прибыло примерно пятьдесят тысяч человек, которые стали успешно конкурировать с местными жителями в торговле и ремесле²¹. Несмотря на поддержку короля и английского правительства, подчеркивавших единство протестантского общества, шотландские диссентеры не смогли полностью влиться в ирландское общество, так как ирландская высокая церковь принципиально не желала признавать шотландских пресвитериан, а англо-ирландская верхушка опасалась потерять свое привилегированное положение²².

По мнению исследователей, наиболее острыми были англо-ирландские экономические противоречия. Если вплоть до Реставрации английская политика в Ирландии определялась преимущественно религиозными и политическими мотивами, после Реставрации англичанам было необходимо исключить Ирландию как экономическое соперника, также как извлечь выгоду из страны²³. Таким образом, решение экономических вопросов становится ключевым требованием ирландской верхушки.

В 1697 году английские купцы, встревоженные конкуренцией с процветающей ирландской шерстяной мануфактурой, начали кампанию за парламентское регулирование шерстяной торговли в соответствии с принципами меркантилизма. Вестминстер подготовил билль, налагающий запрет на ирландский экспорт шерсти и шерстяных товаров на иностранные рынки, кроме Англии, который оправдывался необходимостью защиты экономических интересов империи в целом. Англо-ирландцев встревожила не только перспектива разрушения ирландской шерстяной мануфактуры, но также

и попытка Лондона посягнуть на законодательные функции дублинского парламента. Шерстяной билль произвел столкновение между англичанами, поддерживающими требования Вестминстера, и защитниками конституционных прав в жарком памфлетном споре членов ирландского парламента²⁴.

Описывая возможные последствия принятия «Шерстяного акта» для ирландской экономики, члены парламента выпустили серию памфлетов, в которых обозначили проблему неравноправия ирландских и английских протестантов. Так, Фрэнсис Эннесли попытался донести до английского правительства, что «англичане, посланные на завоевание Ирландии, ваши соотечественники, ваши братья, ваши родственники»²⁵, Фрэнсис Брюстер, вторил, что ирландский народ был «плотью от плоти и костью от кости народа Англии»²⁶, а Джон Ховел прямо вопрошал, почему англичане, «отважившийся пересечь» «маленький канал, протекающий между Уэльсом и Вотерфордом», лишаются своих привилегий, «как если бы они нарушили какие-либо законы природы»²⁷.

В спор о «Шерстяном акте» оказался втянутым Уильям Молиньюкс. О подробностях ужесточения законодательства против ирландской шерстяной торговли он узнал от Джона Локка, который был членом Торговой палаты Англии. Молиньюкс в письме к нему от 4 октября 1697 г., когда акт еще только обсуждался в палате общин ирландского парламента, отметил, что этот «закон не совершенен, не доработан»²⁸. В дальнейшей переписке он прямо говорит об антиириланском характере «Шерстяного акта»: англичане «наверняка не позволят нам процветать через шерстяную торговлю», так как она – их «любовница», которая «ревнует к любому сопернику»²⁹.

На волне протестов против нарушений политических и экономических прав и свобод англо-ирландцев, Уильям Молиньюкс, вдохновленный рассуждениями Локка о природе государственной власти (о чем было отмечено в письме от 19 апреля 1698 г.)³⁰, в апреле 1698 г. опубликовал в Дублине трактат «Положение Ирландии, вынужденной подчиняться актам парламента, установленными в Англии».

Как неоднократно отмечалось исследователями общественно-политической мысли, трактат подводил итог рассуждениям англо-ирландцев о правах и свободах Ирландии. Автор использовал при написании «Положения» более ранние работы. Можно отметить три важнейших источника, на которых основывается труд Молиньюкса.

Первый из них, «Декларация, устанавливающая как и какими средствами законы и статуты Англии вступали в силу в Ирландии», датируется 1644 г. Написанная в период Ирландского восстания 1641–1653 гг. «Декларация» в краткой форме обосновывала независимость ирландского парламента. Текст трактата был актуален как для конфедератов Килкенни, католиков-патриотов, пытавшихся создать свое собственное государство, так и для членов Дублинского парламента, поддержавших короля Карла I в борьбе с Долгим парламентом, и надеявшихся на расширение собственных полномочий. Молиньюкс считал, что автором трактата был сэр Ричард Болтон (1570–1648), главный советник лорда-наместника Ирландии герцога Ормонда. В XVIII веке было доказано, что «Декларация» принадлежит перу Патрика Дарси (1598–1688), патриота-католика, видный деятель Конфедерации³¹.

Другим источником, оказавшим существенное влияние на «Положение Ирландии», стало «Исследование, касающееся важного вопроса, может ли акт парламента, принятый в Англии, принуждать Королевство и народ Ирландии без рассмотрения и принятия такого акта королевством Ирландии». «Исследование», составленное в 1660 году тестем Уильяма Молиньюкса, сэром Уильямом Домвилем, было приурочено к возвращению на престол династии Стюартов.

Известно, что Молиньюкс придавал большое значение «Исследованию» Домвиля. Он тщательно изучил трактат, несколько его модернизировал и первоначально рас-

считывал использовать обновленный вариант «Исследования» в парламентских дебатах. Позднее он осознал, что в работе Домвиля не затронуты многие важные вопросы. В результате, взяв за основу идеи своего предшественника, Молиньюкс пришел к собственному видению проблемы конституционного статуса Ирландии в английском государстве³².

Если «Декларация» и «Исследование» являются базовыми источниками, определившими структуру и содержание «Положения», то косвенным, но во многом определившим дух трактата источником стала вторая книга трактата «О государственном правлении» Джона Локка³³.

Всего Молиньюкс для обоснования своей точки зрения по отдельным недостаточным знакомым ему вопросам, а в ряде случаев следуя литературной моде семнадцатого века, упомянул в тексте книги сорок работ английских и ирландских авторов.

Предметом своего исследования Уильям Молиньюкс называет «права, на которые Англия может претендовать для ограничения нас актами парламента»³⁴. Чтобы определить границы юрисдикции английских властей в управлении Ирландией, Молиньюкс считал необходимым: раскрыть обстоятельства присоединения острова к английской короне, определить, действительно ли это было «завоевание» и если да, то что оно подразумевало для страны. Также автор намеревался проанализировать ирландскую политику Англии последующего периода, описывая права, свободы и политические институты, которые Лондон предоставил Дублину. В конце своего повествования Молиньюкс высказал аргументы «за и против законодательной независимости Ирландии, с некоторыми главными выводами по этому вопросу»³⁵.

Изучение истории экспедиции Генриха II на «Зеленый остров» убедило Молиньюкса в том, что завоевания Ирландии, не смотря на заявления английских авторов, не было. Так как вступление английского монарха на ирландскую землю не было сопряжено с насилием, «мы имеем полное и добровольное повиновение всех духовных и гражданских служб Ирландии королю Генриху II»³⁶. Более того, «можно сказать с большим основанием, что Англия была завоевана Вильгельмом I, чем Ирландия – Генрихом II»³⁷. Фактически Молиньюкс в своем трактате повторил вывод, к которому пришел ранее Уильям Домвиль в «Декларации»³⁸. Акцентируя внимание на соглашениях между английским королем и народом Ирландии, Молиньюкс также воспроизвел идею общественного договора, усвоенную из философских произведений Джона Локка.

Как подчеркивал Молиньюкс, даже после «завоевания» Ирландия, осталась «отдельной и независимой территорией» со своей законодательной, исполнительной и судебной системами власти. Генрих II предоставил «свободу держать парламенты в Ирландии, как королевству, отдельному и независимому от Англии» и, издав «*Modus Tenendi Parliamenta*», дал указания, как организовывать парламенты»³⁹. Затем, ее права были подтверждены «*Magna Carta*» Генриха III. В соответствии с этими статутами народ Ирландии пользовался «теми же свободами и иммунитетными правами, и подчинялся тем же мягким законам как гражданским, так и духовным, как и народ Англии»⁴⁰.

Достаточно подробно Уильям Молиньюкс исследовал, каким образом законы, изданные в Англии, стали распространяться на Ирландию. Он отметил, что «все статуты Англии со времен «*Magna Carta*» до десятого года правления Генриха VII, касающиеся общего блага, были приняты, подтверждены и разрешены к введению в Ирландии с согласия лордов, духовных и светских, и общин парламента Ирландии и никаким другим способом»⁴¹. Поворотным в плане влияния на политические свободы Ирландии стал «Закон Пойнингса», первый законодательный акт, введенный на острове

без согласия его народа. Этот документ расценивался автором как специальный «статут, изданный в Англии ради общего блага»⁴², но неверно интерпретированный английским правительством. После «Закона Пойнинга», отмечает Молиньюкс, «любой акт английского парламента, предназначенный для «всех доминионов или подданных короля» стал распространяться на Ирландию»⁴³. По его мнению некоторые законы, обязательные для всех частей британской монархии, были благом для Ирландии, некоторые – наносили ей вред. Среди неблагоприятных для Ирландии актов Молиньюкс особенно выделил акты, запрещающие экспорт шерсти из Англии (изданные Карлом II и Вильгельмом III (1650–1702)) и создавшие «полноценный прецедент» для ущемления интересов Ирландии⁴⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от предшественников, Молиньюкс говорил не об отдельных ирландских правах, а о полноценной ирландской «конституции», еще не написанной, но уже священной для жителей Ирландии. Также привлекают внимание многочисленные ссылки мыслителя на естественные права, отражавшие его сотрудничество с Локком, и участие в создании традиции «вигского содружества»⁴⁵. «Свобода – неотъемлемое право всего человечества и Нация может требовать ее для себя на любом основании»⁴⁶. «Право быть подданным возникает в соответствии с законом, на принятие которого люди дают свое согласие ... и основывается на непреложных законах природы и разума, которые не могут быть отменены»⁴⁷.

Проследив историю англо-ирландских отношений и процесс формирования ирландской «конституции» Уильям Молиньюкс приступил к анализу современной политической ситуации. Он, оставаясь преданным Короне подданным, подробно объяснил причины, толкнувшие англо-ирландцев на защиту своих прав и свобод. Автор трактата подчеркивал, что протестантская знать, джентри и духовенство, безавшие от «наглости и варварства» ирландских папистов в 1689 г., по их вине были лишены многих политических и экономических свобод. Он согласился, что многие разработанные после окончания восстания акты восстанавливали утраченные англо-ирландцами права, но все они были приняты без участия народа Ирландии⁴⁸. Таким образом, автор считал своей целью восстановление независимого статуса Ирландии в рамках британской империи.

В тексте трактата Ирландия неоднократно сравнивалась как с римскими провинциями античности, так с современными североамериканскими колониями Англии и Шотландией, при этом она либо не уступала, либо превосходила их по широте политических свобод. В конце «Положения» Молиньюкс привел десять доказательств независимости своей страны. Он полагал, что заявление «Ирландия – колония Англии» противоречит законам человечества, общему праву, основополагающим актам и отдельным «хартиям свободы», изданным как для империи, так и для ирландского королевства. Монарх не может руководить работой ирландского парламента и отменять старые законы, в стране продолжает сохраняться выработанный веками политический и судебный обычай, значит, Ирландия функционирует как отдельное королевство. Независимый статус острова защищает и важнейший конституционный принцип: ни один закон не вводится без согласия парламента. Ирландский народ является также важным элементом в этой системе аргументов. Он готов бороться за свои права и выказывать неповиновение всякому, кто попытается установить власть над его государством.

Основываясь на анализе юридических и исторических прецедентов, а также используя элементы политической философии, Уильям Молиньюкс составил подробную, хорошо аргументированную, но в то же время спорную по содержанию, декларацию политической самостоятельности Ирландии.

Общество отреагировало на появление трактата неоднозначно, расколовшись на два лагеря: сторонников «Положения» и его противников. Отсутствие единства в рядах англо-ирландских протестантов, обусловленное запутанными семейными, экономическими и политическими интересами, непонимание теории естественных прав и общественного договора, наличие многочисленных группировок внутри парламента, еще не оформившихся в двухпартийную систему⁴⁹, прямая критика трактата заинтересованными в покровительстве метрополии англо-ирландцами⁵⁰ и отсутствие поддержки книги коренным населением острова сделали выход «Положения» Молиньюкса знаменательным, но не общенациональным событием.

Тем не менее, власти осознали всю опасность этого произведения. Специальный комитет ирландского парламента, созданный для изучения «Положения», подготовил доклад королю, и 30 июня 1698 года он был утвержден палатой общин. В трактате Молиньюкса члены комитета усмотрели «опасные попытки... некоторых подданных Ирландии... избавиться от подчинения и зависимости это королевство»⁵¹. В то же время дублинская протестантская община не выразила своего возмущения трактату Молиньюкса, а деятельность противников «Шерстяного акта» была продолжена, о чем было сказано в послании королю⁵². Таким образом, работа англо-ирландского ученого не осталась незамеченной и оказала определенный эффект на умонастроения ирландского протестантского общества.

Вестминстер был возмущен событиями в Ирландии. Долгое время в литературе, в том числе и отечественной, доминировало утверждение, что трактат Молиньюкса был сожжен по постановлению Английского парламента⁵³. Тем не менее, до сих пор не найдено свидетельств издания такого указа. Современные авторы все больше склоняются к мысли, что этот факт мог стать выдумкой последующих поколений англо-ирландцев, боровшихся за освобождение «Зеленого острова» от английского господства⁵⁴. Так или иначе, Уильям Молиньюкс не узнал о судьбе своего трактата и не понес «заслуженного» наказания: 11 октября 1698 года на сорок третьем году жизни он скончался от болезни почек.

Ранний уход Молиньюкса опечалил научные круги Ирландии и Англии. Джон Локк, сохранявший дружественные отношения с Молиньюксом в течение многих лет, написал о смерти друга как о потере «неоценимого богатства, о котором он будет сожалеть до конца жизни»⁵⁵.

Наибольший интерес труд Молиньюкса вызвал у англо-ирландских патриотов второй половины XVIII века, когда Ирландия вновь вступила в активную борьбу за конституционные права. «Положение Ирландии...» стало настолько общественно значимым произведением, что его стали описывать как «Руководство (учебник) ирландской свободы»⁵⁶. На протяжении XVIII столетия «Положение» переиздавалось в Дублине, Лондоне и Белфасте девять раз. Современники Молиньюкса, равно как его политические преемники, окрестили автора трактата «отцом англо-ирландского протестантского конституционализма»⁵⁷. Не случайно лидер ирландской либеральной оппозиции сэр Генри Граттан после принятия ряда важных для Ирландии конституционных реформ в 1782 году воскликнул: «Дух Свифта! Дух Молиньюкса! Ваш гений восторжествовал. Ирландия – сейчас нация!»⁵⁸.

Современные исследователи относятся к трактату Молиньюкса по-разному, порою занимая диаметрально противоположные позиции. Так, некоторые авторы называют его «наиболее значимым ирландским политическим памфлетом XVII и XVIII столетий»⁵⁹, другие же считают его вклад в разработку идей политической независимости Ирландии незначительным, приводимые аргументы неубедительными, а то и вовсе ошибочными⁶⁰.

К оценке «Положения» следует подходить взвешенно, с учетом всей специфики эпохи и личности автора. Прежде всего, нельзя считать Молиньюкса сторонником отделения Ирландии от Англии. Он, как истинный англичанин, верил, что оба королевства спаяны общими интересами. Гэльская католическая Ирландия скоро будет поглощена протестантской, и остров превратится в зеркальное отражение Англии. Унию с британской монархией он расценивал как естественный политический шаг, поэтому его считали одним из идейных вдохновителей акта о союзе Ирландии и Англии, обсуждавшегося в 1707 году⁶¹.

В то же время мыслитель постоянно находился в поиске, который мог быть связан с переломным периодом в истории британской монархии (переходом к «веку предпринимательства», становлением двухпартийной системы) и, в случае с Молиньюксом, постепенной потерей связи с исторической родиной и крепнущей привязанностью к новому отечеству (не случайно его называют «ирландским патриотом»). Известный британский исследователь, Джон Поккок подметил характерную черту мыслителей Англии семнадцатого века: они «пытались понять себя путем осмысления своего прошлого и отношения к нему»⁶². Данное заявление, на наш взгляд, вполне можно применить и к англо-ирландским патриотам: не отождествляя себя с ирландцами, но при этом ощущая отчуждение со стороны жителей метрополии, они пытались, используя местную конституционную традицию, найти свое место в империи.

Несмотря на копия, ломающиеся вокруг фигуры Уильяма Молиньюкса и его работ, несомненно, что идеи, изложенные в «Положении» сформировали основы так называемого «колониального национализма»⁶³, в дальнейшем развитого не только в Ирландии, но и в других колониях Англии, в частности, на североамериканском континенте.

Примечания

¹ Crown of Ireland, 1542 // *Мирошников А.В.* Три века Ирландии. В 3 кн. М., 2008. Кн. 1. С. 223.

² Функции лордов-наместников, лордов-лейтенантов и вице-королей были одинаковы (руководить королевской администрацией в Ирландии, выступать в роли главнокомандующего и т.д.), но звание вице-короля было почетнее, так как давалось пожизненно.

³ An act for the abrogation of the oath of supremacy, 1691 // *Irish historical documents / edited by E.Curtis, R.B. McDowell, 1943. P. 180–183.*

⁴ *Simms J.C.* The establishment of protestant ascendancy, 1691–1714 // *A History of Ireland. Vol. IV. Eighteenth-century Ireland 1691–1800 / ed. by T.W.Moody, W.E.Vaughan. Oxford, 1986. P. 12.*

⁵ Термин «протестантское господство» («Protestant Ascendancy») был впервые введен в употребление членом палаты общин ирландского парламента сэром Бойлом Роучем в 1782 году во время обсуждения второго «Акта облегчения положения католиков».

⁶ Эра «карательных законов» (Penal Laws), то есть время действия законов против католиков, охватывает период с 1692 по 1776 гг.

⁷ *Афанасьев Г.Я.* История Ирландии. М., 2007. С. 115.

⁸ Там же. С. 115–116.

⁹ *Connolly S.J.* Eighteenth-century Ireland: colony or ancient regime ? // *The making of Modern Irish History: revisionism and the Revisionist Controversy / ed. By D.G.Boys, A.O'Day. N.Y., 1997. P. 15.*

¹⁰ *Abrahams P* When an Eye is armed with a Telescope: The Dioptrics of William and Samuel Molyneux // Режим доступа : URL: <http://www.europa.com/~telscope/molyneux.txt> (дата обращения: 7.09.2009).

¹¹ *Duddy T.* A history of Irish thought. N. Y., 2002. P. 70.

¹² Some familiar letters between Mr. Lock and several of his friends. L., 1708. P. 37. // Режим доступа: URL: <http://ia301538.us.archive.org/2/items/somefamiliarlett00lockuoft/somefamiliarlett00lockuoft.pdf> (дата обращения: 8.09.2009).

¹³ *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме // Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 141.

¹⁴ *Morgan M.J.* Molyneux's Questions. Cambridge, 1977.

¹⁵ *Мирошников А.В.* Указ соч. Кн. 1. С. 55.

- ¹⁶ Quoted from: *Connoly S.J.* Religion, law and parliament: the making of protestant Ireland: 1690-1760. N.Y., 2000. P. 75.
- ¹⁷ Quoted from: *Hayton D.* Ruling Ireland, 1685–1742: politics, politician and parties. Woodbridge, 2004. P. 44.
- ¹⁸ *Baltes S.* The Pamphlet Controversy ... P. 54.
- ¹⁹ *Hayton D.* Ruling Ireland ... P. 66.
- ²⁰ *Ibid.* P. 72.
- ²¹ *Cullen L.M.* Economic development, 1691-1750 // *A History of Ireland. Vol. IV. Eighteenth-century Ireland 1691–1800* / ed. by T.W. Moody, W.E. Vaugan. Oxford, 1986. P. 134.
- ²² *Beckett J.C.* Protestant dissent in Ireland, 1687–1780. London, 1986. Vol. 2. P. 31.
- ²³ *Baltes S.* The Pamphlet Controversy about Wood's Halfpence (1722–1725). Frankfurt am Main – Berlin – New York – Oxford – Wien, 2003. P. 51.
- ²⁴ В 1698 году в Ирландии по вопросу о Шерстяном билле появились такие трактаты как [Francis Annesley], Some thoughts on he Bill Depending before the Right Honourable the House of Lords rpr the Prohibiting the Exportation of the Woolen Manufactures of Ireland to Foreing Parts (Dublin, 1740 [1698]); [Francis Brewster], A discourse concerning Ireland and the Different Interest thereof (London, 1698); John Hovell, A Discourse on the Wollen Manufactory of Ireland and the Consequences of Prohibiting its Exportation (London, 1698).
- ²⁵ Quoted from: *Baltes S.* The Pamphlet Controversy... P. 59.
- ²⁶ Quoted from: *Ibid.*
- ²⁷ Quoted from: *Ibid.*
- ²⁸ Some familiar letters... P. 240.
- ²⁹ Quoted from: *Baltes S.* The Pamphlet Controversy... P. 60.
- ³⁰ Some familiar letters... P. 269.
- ³¹ *Kelly P.* Recasting a tradition: William Molyneux and the sources of *The Case of Ireland... Stated* (1692) // *Political Thought in Seventeenth-Century Ireland: Kingdom or Colony* / edited by J. Ohlmeyer. Cambridge, 2000. P. 92.
- ³² *Kelly P.* Recasting a tradition... P. 93.
- ³³ Трактат Локка оказал не только идейно-политическое, но и содержательное влияние на работу Молиньюкса. В частности, прослеживается связь между шестнадцатой главой труда Локка, посвященной норманнской колонизации Англии и отдельными частями «Положения», описывающими английскую колонизацию Ирландии.
- ³⁴ *Molyneux, W.* The Case of Ireland's being bound by act of parliament in England, stated. P. 3 // Режим доступа: URL: <http://www.archive.org/stream/manueldelingnie09debagooq> (дата обращения: 25.08.2009).
- ³⁵ *Ibid.* P. 4–5.
- ³⁶ *Ibid.* P. 10.
- ³⁷ *Ibid.* P. 11.
- ³⁸ *Connoly S.J.* Divided kingdom: Ireland, 1630–1800. P. 129–130.
- ³⁹ *Molyneux, W.* The Case of Ireland... P. 22.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 29.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 53.
- ⁴² *Ibid.*
- ⁴³ *Ibid.* P. 62.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 79.
- ⁴⁵ *York N.L.* Neither Kingdom nor Nation. The Irish quest for constitutional rights, 1698–1800. W., 1994. P. 23.
- ⁴⁶ *Molyneux, W.* The Case of Ireland... P. 2–3.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 85.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 84.
- ⁴⁹ Ирландская партийная система окончательно сформировалась лишь к 1704 году.
- ⁵⁰ Наиболее известный трактат, критиковавший «Положение» Уильяма Молиньюкса, [Simon Clement] An answer to Mr Molyneux his case of Ireland ... stated: and his dangerous notion of Ireland's being under no subordination to the parliamentary authority of England refuted (London, 1698).
- ⁵¹ Addresses of the House of Commons on Molyneux's book and the Irish woolen Trade, 1698 // *Irish historical documents* / edited by E. Curtis, R.B. McDowell, 1943. P. 183.
- ⁵² *Ibid.* C. 185.
- ⁵³ История Ирландии / отв. ред. Л.И. Гольман. М., 1980. С. 136.
- ⁵⁴ *Baltes S.* The Pamphlet Controversy... P. 67.
- ⁵⁵ Some familiar letters between Mr. Lock and several of his friends. London, 1708. P. 275 // Режим доступа: URL: <http://ia301538.us.archive.org/2/items/somefamiliarlett00lockuoft/somefamiliarlett00lockuoft.pdf> (дата обращения: 1.09.2009).

⁵⁶ Kelly P.P. Recasting a tradition... P. 106.

⁵⁷ York N.L. Neither Kingdom nor Nation. P. 29.

⁵⁸ Quoted from: Duddy T. A history of Irish thought. N.Y., 2002. P. 70.

⁵⁹ Kelly P. Recasting a tradition... P. 83.

⁶⁰ York N.L. Neither Kingdom nor Nation... P. 24.

⁶¹ Ibid. P. 34.

⁶² Pocock J.C.A. The ancient constitution and the feudal Law. Cambridge, 1957. P. XIII.

⁶³ Simms J.C. The establishment of protestant ascendancy... P. 1.

А.А. ЯРЫГИН

«ЧЕРНОЕ РАБСТВО» В ЮЖНЫХ КОЛОНИЯХ АНГЛИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Английское колониальное общество в Северной Америке XVII–XVIII веков представляло собой довольно сложную структуру. Значительную часть его составляло зависимое население, попавшее в Новый Свет различными путями. Первоначально, большей частью это были законтрактованные слуги или сервенты. Вчерашние европейские крестьяне или городские низы, они должны были отработать стоимость своей перевозки в Америку в течение значительного времени (как правило, от двух до семи лет) на плантациях или хозяйствах свободных собственников, покупавших контракты на использование их труда на портовых рынках у капитанов прибывающих в Новый Свет кораблей. Использование их труда было довольно эффективно и прибыльно, хотя и было ограничено временными рамками.

Наряду с использованием труда сервентов в первой половине XVII в. идет и нарастающий ввоз чернокожих рабов из Африки. Работоторговля, ставшая мощным источником первоначального накопления капитала как в Англии, так и в Америке, значительно укрепила крупное и среднее землевладение в южных колониях. В ряде случаев, как, например, в Южной Каролине, труд негритянских невольников почти вытеснил труд сервентов в производстве риса. Но, как правило, в большинстве южных колоний сочетался труд сервентов и рабов. А в Джорджии, основанной в 1732 г., собственники, стремясь возродить мелкое землевладение, вообще запретили рабство негров, и его не существовало здесь, по крайней мере, официально вплоть до 1752 г. Но обычно в хозяйствах южных плантаций сочеталась эксплуатация сервентов и негров. Причем по мере увеличения ввоза рабов из-за океана они начинают вытеснять сервентов на плантациях. Однако расцвет американского плантационного рабства впереди, и связан он в основном с производством хлопка и сахарного тростника в послереволюционную эпоху.

Как известно, первые негры попали в Вирджинию в 1619 г., когда голландцы обменяли партию рабов в Джеймстауне на продукты питания и воду. Но юридически пожизненное рабство негров как одной из основных производительных сил табачных, рисовых плантаций начало оформляться лишь на рубеже веков. На начальном этапе создания колоний их было очень немного, и по своему положению они были более сервентами, получая иногда даже земельные наделы. Существуют данные, согласно которым свободные негры могли иметь даже белых сервентов, что, впрочем, было редкостью¹. С.Н. Бурин, детально расследовавший вопрос о черном рабстве в колониальной Америке, отмечает, что на первом этапе заселения «положение негров южных колоний мало чем отличалось от положения белых переселенцев и, безусловно, было лучше положения индейцев, которым в те годы была уготована участь, позднее постигшая негров»².

Складывание в южных колониях крупного помещного землевладения, ориентированного на производство сырья и продуктов питания, нехватка рабочей силы в ко-

лониях в корне изменяют положение негров. С конца XVII – начала XVIII вв. идет процесс превращения их в потомственных рабов. В его основе лежит не природный расизм белого человека, а экономическая выгода. За одну и ту же цену на невольничьем рынке можно было купить сервента на определенный срок или негра на всю жизнь. Особенно усилился ввоз рабов в колонии после того как в 1713 г. англичане вырвали у испанцев право асьенто. Если накануне, в 1710 году, в южных колониях было всего 36 тыс. негров, из них львиная доля приходилась на Вирджинию и Мэриленд (23 тыс. и 8 тыс.), то в 1760 г. их уже насчитывалось 400 тыс., а к 1790 г. – 757 тыс. 208 человек. Из них почти 700 тыс. были рабами. Ежегодно с 1700 г. по 1770 г. в колонии вводилось не менее 5 тыс. рабов³.

Большей частью рабы использовались на крупных плантациях табака, риса, индиго, где их труд был более производителен. На небольших земельных наделах Новой Англии он не получил распространения в силу малопродуктивности и холодного для рабов климата. Однако это не помешало именно купцам Массачусетса организовать широкую работорговлю.

Практически каждая колония имела собственное законодательство о рабах⁴. Неграм запрещалось собираться толпами и даже группами в 5–7 человек, покидать самовольно плантации, отлынивать от работы и портить имущество хозяина. За участие в бунтах полагалась смертная казнь, за порчу имущества или побег-бичевание и членовредительство. Но убивать рабов запрещалось, «если только они не замыслили какого-либо вреда хозяину». В случае, если хозяин забивал раба насмерть, владелец подлежал штрафу, который, как правило, снижался «по объективным обстоятельствам», а то и не взыскивался вовсе. Вместе с тем в первой половине XVIII в. негры еще сохраняли некоторые права: они служили в местной милиции, могли выступать свидетелями в суде, негры пограничья могли владеть оружием, а в Вирджинии, вплоть до 1723 г., негры обладали правом голоса, но по мере роста числа рабов, усиления значения их труда на плантациях и также роста негритянских восстаний ужесточилось и законодательство о рабах. Вершиной подобного юридического оформления рабства стал Негритянский закон Южной Каролины от 10 мая 1740 года⁵. Раб окончательно превратился в говорящее орудие и собственность своего хозяина, лишился тех немногих свобод, которыми еще обладал прежде. Рабство как система было заложено и юридически, и фактически именно в первой половине XVIII в., но оно еще не превратилось в самодовлеющую силу, какой стало в первой половине XIX в. В этот период оно сосуществовало с феодальной эксплуатацией серпентов и порой сдерживалось им. Так, например, в Южной Каролине был принят ряд законов, направленных на сдерживание ввоза рабов путем введения высоких налогов на работорговлю и поощрялся ввоз сервентов. Конечно, определенную роль играл и страх плантаторов перед восстаниями рабов, ведь к этому времени общее количество негров здесь превышало число белых поселенцев. Но не следует забывать о том, что негры не платили ренту, дающую львиную часть доходов лендлордам. В маноре Гренвиля в Северной Каролине большинство земель обрабатывалось арендаторами и сервентами, в Джорджии рабство долго было запрещено собственниками, которые стремились ввозить сюда сервентов. Несмотря на то, что доля рабского труда увеличивалась, хотя и не всегда он считался выгодным, лишь только после революции с уничтожением кабального рабства белых сервентов, плантационное рабство превратилось в основу сельскохозяйственного производства Юга.

Черные рабы, трудясь вместе с сервентами и арендаторами, в некоторой степени укрепляли крупное товарное помещичье хозяйство – американский фольварк. Часто трудно было классифицировать их как классических рабов. Они трудились на фео-

дальних мануфактурах по производству бочек в Вирджинии или заготавливали корабельные припасы в Северной Каролине. Несмотря на драконовские законы, они порой владели и небольшой земельной собственностью. Так, лейтенант английской армии генерала Бургойна Томас Анберн в своих воспоминаниях Джорджии пишет, что негры получали от хозяина по акру земли в вечное пользование, где в свободное от работы время, субботам, выращивали для себя зерно и домашнюю птицу⁶. К сожалению, автор не указывает, платили ли подневольные негры что-либо хозяевам за эту землю, но они с лихвой платили ему на хозяйских плантациях. Конечно, мы далеки от того, чтобы отождествлять это с отработочной рентой, а негров представлять в виде своеобразного зависимого крестьянства. Но своим трудом негры укрепляли крупное помещичье землевладение, экономическую и политическую власть лендлордов.

Таким образом, «черное рабство» в английских колониях в XVII–XVIII веках прошло сложный путь эволюционного развития. Но даже в предреволюционную эпоху оно не получило своего организационного завершения. Окончательно оно сформировалось как система, обеспечивающая сырьевую базу развивающейся английской и американской промышленности, уже после победного шествия «короля-хлопка» по плантациям Юга конца XVIII – начала XIX веков.

Примечания

¹ Foundations of Colonial America. A Documentary History. Vol. 1–3 / ed. by W. Kavenagh. N.Y., 1973. Vol. 3. P. 2077.

² Бурин С.Н. Конфликт или согласие?: социальные проблемы колониального Юга (1642–1763 гг.). М., 1980. С. 231.

³ Scherer L. Slavery and Churches in Early America. 1619–1819. Grand Rapids, 1975. P. 47; Черные американцы в истории США. 1526–1917 / отв. ред. Р.Ф. Иванов: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 23–50.

⁴ Foundations... Vol. 3. P. 1185–1192. Vol. 3. P. 2080–2085, 2102–2121.

⁵ Idid. Vol. 3. P. 2102–2121.

⁶ The American Reader / ed. by P. Angle. N. Y., 1958. P. 58.

С. ГАНУС

Язык и «ДУХ НАРОДА» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ГЕНЕЗИСА РОМАНТИЗМА)

Духовная жизнь этноса определяется как отображение всего национального уклада жизни в его исторических и реально значимых сущностях. Это системообразующая форма проявления и выражения национальной саморефлексии. В духовной жизни нации фокусируется вся философия жизни этноса. В широком понимании духовная жизнь нации является ничем иным, как творческой деятельностью ее сознания и самосознания, составляющей ее основу. Исследовать духовную жизнь нации в рамках отдельно взятого феномена: фольклора, литературы, языка, искусства, этнической психологии, исторического сознания и т.д., чтобы познать мир национального во всем его многообразии, является недостаточным. Автор акцентирует внимание на ином: современная наука в русле междисциплинарного синтеза полагается на системный комплексный анализ, более чем целостный при изучении такой сложной структуры, как духовная культура этноса. К. Леви-Стросс в своей классической работе «Структурная антропология» отмечал: «И язык, и культура создаются путем оппозиций и корреляций, то есть через логические отношения». Индивид овладевает культурой своей группы с помощью языка. Но и язык, со своей стороны, оказывается условием культуры в зависимости от того, насколько последняя владеет построени-

ем, подобным к построению языка¹. От себя подчеркнем, **что они не являются статическими, а развиваются во времени, и потому должны рассматриваться исторически.**

Как классические, так и современные разработки теории этноса, этногосударствования не обходят вниманием проблемы лингвистики, ведь в процессе этно- и нациогенезиса благодаря языку носители одной культуры усваивают один и тот же, хотя и не тождественной, способ видения мира, мышления и сожительства. Рассматривая язык как определенный способ мировидения, как форму общественного познания², мы должны упомянуть о существовании у каждого народа особой языковой картины мира, включающей этническую мифологию³. Таким образом, язык является также хранителем исторической памяти народа, ведь то или другое сообщество людей, как писал Ф. Ницше, может возникнуть только в результате сознательного использования языка⁴. Судьба каждого этноса (народа) органически переплетена с судьбой его языка. История демонстрирует множественные примеры того, что с исчезновением языка исчезает и этнос. Поэтому язык определяется как органический атрибут народа, так как без языка народа нет⁵. Язык действует во всех сферах духовной жизни как творческая сила. По словам Л. Вайсгербера, «тот, кто не склонен достаточно оценить языковое влияние среди форм знания, должен постоянно размышлять, как далеко зашли бы эти формы знания, если бы языка не было вообще»⁶.

Необходимость междисциплинарного подхода в изучении прошлого была осознана еще в начале XX века «отцом» теории исторического синтеза А. Берром. Учитывая опосредованность языком процессов формирования смыслообраза национального бытия, междисциплинарный синтез в исследовании процессов формирования наций в новое время, состоящий в сотрудничестве историографии и лингвистики, является целесообразным и необходимым эпистемологическим подходом, который принимается во внимание в данном исследовании. Поэтому думается, что студии на срезе лингвистики и историографии, лингвистики и этнологии, лингвистики и методологии истории являются междисциплинарным подходом, соответствующим современным тенденциям развития наук. В. Дильтей в свое время высказался по этому поводу: «Основоположение наук о духе должно, соответственно, распространяться на все классы знания так же, как того требует общее философское обоснование»⁷. Вот как раз такими качествами междисциплинарности обладает социолингвистика, которая стремится исследовать язык в его общественном контексте и обусловленности⁸. Верования, обычаи, культура народа – все это может быть прочитано или познано через язык. Этнолингвистика, изучающая язык в его социально закреплённой структуре и в его конкретных коммуникативных употреблениях (актах речи), старается извлечь из него все то, что характеризует язык как составную часть культуры, ее аспект, ее стихию и «воздух». Этнолингвистика пытается, отойдя от языка, прийти к человеку, его способам понимания мира⁹. И социолингвистика, и этнолингвистика – общественные дисциплины, предмет которых имеет конвергентные свойства, могут стать серьезным подспорьем для историка, изучающего процессы, происходящие в интеллектуальной сфере общества.

В нашем случае речь идет о первых попытках конструировании в эпоху позднего Просветительства образа национального организма с учетом осознания языковой составляющей национальной идентичности. Целью нашей статьи является рассмотрение немецкой просветительской, амбивалентной по своему содержанию и предромантической общественно-исторической мысли и, в частности, методологии общественного познания и истории второй половины XVIII века через призму категории языка. Нас интересует, каким образом эта категория индивидуализирует философию истории,

духовный климат в Германии в эпоху позднего Просвещения, и, в конечном понимании, как были созданы предпосылки осознания особой функции языка в качестве этнического символа.

Существует мнение, что язык является главным признаком этничности и обеспечивает функционирование национального организма во всех его проявлениях. В общемировом процессе развития человеческих сообществ, который очерчивается формулой «от народа к нации», языку, как считается, принадлежит первостепенное место¹⁰. Однако современное обществоведение, в том числе и лингвистика, отталкивается от необходимости избегать этноцентрической предубежденности¹¹, придерживаясь в решении конкретных исследовательских проблем критериев объективности и основ научности.

Не сегодня и не вчера в обиход науки и публицистики вошла категория «**дух народа**», как концентрированное понятие, выражающее содержание национальной жизни. На практике культура народа и его «дух» взаимообусловлены. Без опосредованности «духом» культура народа невозможна. А без целостности культуры невозможным есть объективируемый «дух народа». В этом понимании современная культура включает в себя все предыдущие степени развития: в превращенных формах, в знаковых системах, в литературном творчестве и искусстве, в верованиях и в действиях народа. Отсюда, кстати, неизбежность использования историзма в изучении феноменов и явлений культуры этноса. По большому счету, культура народа во всей ее совокупности, во всем, что отличает один народ от другого и есть национальный дух. Он формируется и развивается по своим внутренним законам, оказываясь имплицитированным в национальной психологии, этических предписаниях, языке, религии, творчестве индивидов и групп¹². Что показательно, осмысление парадигмы «**духа народа**» включало в себя языковую составляющую с момента своего появления, в чем нам предстоит убедиться.

Отдельные авторы даже высказываются, что начало разработки национальных языков является релевантным рождению националистической идеологии. Так, П. Игнотус утверждает: появление венгерского национализма – это событие настолько недавнее, что «можно назвать точную дату: 1772, год публикации нескольких скучноватых произведений венгерского автора Дёрдя Бешенеи, который тогда проживал в Вене и служил в эскорте Марии Терезии... Эта *magna opera* Бешенеи должна была доказать, что венгерский язык пригоден для высочайших литературных жанров»¹³. В нациологии вообще выделяют особую «**немецкую модель образования наций, с превалированием культурно-исторических факторов и, прежде всего, языка**»¹⁴.

Но, прежде всего, остановимся на некоторых особенностях просветительской мысли Германии в русле нашей проблемы. Обобщенная конвенционалистская модель Просвещения, которая, фактически, является его французской модификацией, страдает схематизмом. Ни космополитизм французских просветителей, ни их бесспорное влияние на развитие научного и художественного творчества в разных странах не отменяет того факта, что Просвещение, как сложный комплекс принципов и идей, представлено в виде отдельных его национальных вариантов. В Германии Просвещение имело ряд особенностей, что отличало его от классической французской модели. Носителем просветительских идей была, в первую очередь, образованная прослойка населения, передовое бюргерство, гражданство, которое можно понимать как «средний класс» в том отношении, что это было социальное средостение между дворянством и основной массой народа. Представители традиционной немецкой учености также были в составе этой прослойки¹⁵.

Существует также ощутимая наследственная связь между немецкой Реформацией и Просвещением, ведь протестантство стало духовной реальностью, которая, с одной стороны, воспитала в людях независимость ума (благодаря возможности свободного толкования Святого Письма – С.Г.) и проявила себя как консолидирующая сила общества¹⁶. С другой стороны, именно в реформационные времена, благодаря лютеровому переводу Св. письма, немецкий язык легитимируется как полноценный, достойный не только текстов указов, объявлений и «летучих листков», но и сакрального текста Библии. Язык немецкой Библии воспринимался как «язык с большой буквы», отличный от разношерстных говоров, отличающихся от места к месту, от группы к группе их носителей. Перевод Библию, Лютер соединил вместе «верхне-саксонский устный» и «саксонский канцелярский» языки*. Он поддержал и взаимно усилил две наиболее выразительные стихийные тенденции, которые работали на преодоление языковой дисперсности Германии¹⁷.

«Прикладной» характер немецкого Просвещения был связан с задачами распространения позитивного знания, разработки немецкого литературного языка, изучения проблем морали, политики, юриспруденции, государственоведения¹⁸. В немецком, равно как и в европейском языковедении к XVIII веку был накоплен значительный эмпирический материал в виде лексикографически-каталогизационных работ, которые ярко отличали эпоху энциклопедизма, господства статистико-эмпирического метода в научных штудиях. Среди известнейших образцов такого рода работ – «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы» академика Российской академии наук, немца по происхождению П.С. Палласа¹⁹ (1-я часть вышла из печати в 1786–1787 гг., а в 1791 г. дополненное издание насчитывало уже 4 тома и охватывало 272 языка Европы и Азии, Африки и Америки)**; публикация И.Х. Аделунга «Митридат или общее языковедение с Отче наш как примером на 500 языках и диалектах» (1806–1817), завершенное его коллегой И.С. Фатером²⁰. Примечательными вехами на пути к систематизации лексики немецкого языка в XIX в. являлись также немецко-латинский словарь И.Л. Фриша (1741) и «Грамматико-критический словарь высокого немецкого красноречия, прежде всего верхненемецкого» И.Х. Аделунга***. В процессе библиографической эвристики нами выявлены и другие объемные лексикографические работы, датированные концом XVIII – началом XIX вв., как вот 9-томный «Католикон или же французско-немецкий универсальный словарь французского языка» И.И. Шмидлина²¹, весьма интересный «Словарь к объяснению и переводу на немецкий язык возникающих (в речи – С.Г.) чужих выражений» И.Х. Аделунга и И.Г. Кампе²². Эти лексикографические работы, которые представляли «старое языковедение», содержали множество ошибок и неточностей, но, тем не менее, «вызвали значительное внимание и весьма содействовали пробуждению еще большего интереса к лингвистическим исследованиям»²³.

Украинский исследователь Г. Касьянов убежден, что среди культурных факторов становления наций в XIX в. секуляризация, унификация, стандартизация и массовое внедрение национальных языков было одним из главнейших. Германия в этом отно-

* Конечно, было бы преувеличением полагать, что Лютер был «творцом немецкого литературного языка», как утверждает в протестантской апологетической литературе. Но в немецкой историографии распространено мнение о том, что в качестве переводчика Библии реформатор «существенно ускорил процесс разработки единого для всей нации значимого литературного языка» (Thesen über Martin Luther // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1981. Hf. 10. S. 883.)

** Это издание было хорошо известно в научном мире и рассматривалось как одна из предпосылок становления сравнительного языковедения (Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. St.-Petersburg, gedr. Dreschler, 1815).

*** Популярность этого словаря была такой значительной, что 1801 г. датируются тома уже его 10-го издания.

шении была отнюдь не одинокой. Не случайно именно XIX в. стал «золотой эпохой» лингвистики и национальных литератур. Один за одним выходили из печати одно- и двуязычные словари, грамматики, лексиконы. В 1789–1794 годах появился шеститомный словарь русского языка, а в 1802 г. – официальная русская грамматика. В 1792 году вышла история чешского языка Й. Добровского. В 1814 году Вук Караджич начал публикацию грамматики и словаря сербского языка. С 1819 года прославленные своими изданиями народных сказок братья Якоб и Вильгельм Гримм начали монументальную работу в области грамматики, истории и упорядочения немецкого языка. С 1854 года осуществлялся проект издания 16-томного словаря немецкого языка, заверченный почти через столетие. «Словарной лихорадки» не избежали даже Англия и Франция, где стандартизация и унификация начались значительно раньше²⁴. Вся эта масштабная деятельность, как мы заметили, была развитием почва, положенного во времена Просвещения с его энциклопедизмом и склонностью к систематизации накопленного состоянием на XVIII в. огромного массива эмпирических фактов в разных отраслях наук. Нам представляется не случайным, что именно в это время появились всеобъемлющие классификации видов живой природы К. Линнея и Ж.-Л.-Л. Бюффона.

Обращаем внимание на то, что должны быть по достоинству оценены научная деятельность и наследие уже упоминавшегося И.Х. Аделунга, как одного из тех, кто непосредственно стоял у истоков «филологической революции» XIX века. Лишь во Всероссийской библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино нами найден его учебник по немецкому языкознанию для школ²⁵, «Принципы немецкой орфографии»²⁶, трехтомное исследование по стилистике немецкого языка²⁷, первые работы по вопросам возникновения и истории языка, написанные на основе анализа эмпирического материала, а не с помощью абстрактно-спекулятивного подхода²⁸.

Известный представитель геттингенской школы немецкой просветительской историографии А.Л. Шлецер, пытаясь соединить философско-исторический подход с конкретно-историческим, предложил классификацию народов мира, что было им осуществлено в исследованиях «Всеобщая северная история» и «Обзор всеобщей истории». В основу шлецеровых этнологических классификаций были положены региональный и языковой признаки. Хотя указанные работы не были лишены многих ошибок (например, тот же Шлецер выделяет такие народы, как далматинцы, рагузинцы, между которыми не было принципиального различия по критерию языка), они создавали почву для дальнейшего прогресса в разработке языковедческих проблем в их историческом и этнологическом контексте²⁹.

Рационалистическую философию и филологию нового времени, в особенности в эпоху Просвещения с его скепсисом по отношению к авторитетным мнениям минувшего отнюдь не могла удовлетворить библейская теория смешения языков при построении Вавилонской башни. Хотя и в метафизической форме, просветители старались обосновать более вероятные, с точки зрения здравого смысла, концепции происхождения языка, правда, без учета уже довольно значительной эмпирической базы. Так, Жан-Жак Руссо ставил возникновение языка в зависимость от общественных потребностей и выдвинул предположение об общем развитии языка и человеческого мышления или теорию восклицаний. Он считал, что язык постепенно, под влиянием осмысленных эмоций эволюционировал из естественных восклицаний, междометий к грамматически обустроенной системе³⁰.

И.Г. Гердер, подобно Руссо, ставил акцент на связи между возникновением языка и развитием мышления. При этом он делал вывод о том, что конституционные особенности человека и наличие у него ума дали ему возможность «собирать» язык из звуков природы. Гердер, считая, что благодаря мышлению народы научились гово-

речь, одновременно подчеркивал, что благодаря языку они научились мыслить. Таким образом, происхождение и историю языка просветитель диалектически связал с эволюцией мышления, утверждая, что «любой ум, любое искусство человека начинается с языка; ...для этого в органическом построении его существовали лишь задатки»³¹.

Одним из первых он старается опереться на историзм в своих языковедческих изысканиях. В равной мере он отвергает как теологическую теорию «божественного» происхождения языка, незадолго до Гердера воскрешенную пастором И.П. Зюсмилем^{*}, так и рационалистическое учение просветителей относительно происхождения языка в ходе заключения «общественного договора». Обе теории проистекали из понимания языка, как уже готового и устроенного явления, и в этом смысле в равной мере были неисторичными. Немецкий мыслитель использовал продуктивные идеи своих современников, в частности Д. Дидро («Письмо о глухих и немых для тех, кто слышит и говорит», 1751) и Ж.-Ж. Руссо («Размышления о причинах и основаниях неравенства между людьми», 1755). Углубив и развив их, он создал оригинальную теорию с оригинальным названием «романа о возрасте языка».

Гердер, сравнивая историю общества с течением жизни человека, говорит и о соответствующих возрастным циклам в истории языка^{**}. Молодость языка, изобилующая синонимами, образными выражениями, метафорами – это **поэтический возраст**. На смену ему приходит период художественной прозы – **зрелость языка**. Здесь еще не утрачена поэтическая красота языка, но она приобретает определенную суровость и стройность. Последний период наступает тогда, когда на смену красоте приходит точность. Это – **философский возраст языка**. В этой хотя колоритной и яркой, тем не менее – произвольной схеме выражена идея противоречивого развития языка. Язык прогрессирует как средство выражения абстрактного мышления, но это приводит к потере его поэтического богатства³².

Языки «диких» и цивилизованных народов Гердером, вслед за Руссо, противопоставлены, поскольку первые есть выражение непосредственных аффектов, чувств, страстей, которые владели душой первобытного человека. Таким остается язык поэзии. Язык цивилизованных народов является языком рассудка, прозы. Красота и богатство устраниваются логической правильностью, строгой разграниченностью понятий, наличием абстрактных категорий. Так вот эта правильность языка уменьшает его богатство. Образцом подобного правильного «книжного языка, языка рассудка, языка чтения» является французский. Его порядок слов наиболее соответствует метафизическому ряду понятий³³. Но для поэтического гения, по убеждению немецкого мыслителя, этот язык является настоящим проклятием, ведь он нуждается в выражении чувств, а не *ratio*.

Итак, эволюция языка от его первоначальной формы, через чувственно-эмоциональную и образно-поэтическую модификации пролегал к образованию общих понятий и абстракций, прозаической формы. Это является выражением неотделимости развития языка от прогресса человеческого разума и культуры. Они являются взаимообусловленными.

* Иоганн Петер Зюсмилх – член Берлинской Академии наук, профессор обосновывал указанную теорию в известном в свое время «Опыте доказательства, что первый язык ведет свое происхождение не от человека, но только от Бога» (1766). Идеи Зюсмилха были поддержаны кенигсбергским учителем и другом Гердера Иоганном Георгом Гаманном.

** Периодизация по возрастным циклам организма была известна еще с древности и широко применялась также в пору Просвещения, например Готхольдом Эфраимом Лессингом при изложении собственной интерпретации теории исторического прогресса человечества.

Не менее важной представляется квалификация Гердером языкового фактора, как необходимого условия понимания духа литературы, а через нее и «души народа»*. Рассматривая человека как существо, формируемое «двумя мирами» – миром природы и миром духа, соединенными в языке, психологии и жизненных ценностях, мыслитель, исходя из этой суммы признаков, пытается объяснить специфику «народного духа». А он сохраняет свои устойчивые характеристики, несмотря на смену окружающей среды или политических обстоятельств, поскольку унаследуется естественным путем, передаваясь из поколения в поколение в мифах, легендах, народных песнях и сказках³⁴.

Критикуя схоластический стиль немецкого книжного ученого языка XVIII в., Гердер призывал возвратиться к естественному языку, освободить его от искусственных нагромождений. В известных «Фрагментах о новой немецкой литературе» (1767–1768) мыслитель подчеркивал: «**Дух языка – это, соответственно, также и дух литературы любого народа**». А затем он ставит важнейший вопрос: «В какой мере естественный способ мышления немцев влияет на их язык, а язык – включая его отдельные элементы, его ритм и произношение – на их литературу? В какой степени могут нам что-то объяснить особенности их жизненных условий и их органов языка? В какой мере их богатство и бедность, по свидетельству истории, могли проистекать из способа их мышления и жизни?»³⁵. Мыслитель не предполагал дать исчерпывающие ответы на поставленные им вопросы, отнюдь не риторические, поскольку, развивая далее свои мысли, он делает вывод, что, утрачивая свой язык – основной инструмент передачи опыта поколений, – народ неминуемо утрачивает собственную самодостаточность, становится нежизнеспособным³⁶. Может быть наш вывод покажется достаточно смелым, однако нам представляется, что Гердер весьма близко подошел к пониманию того, что в науке ныне именуется *языковой картиной мира*.

Ученый старался последовательно действовать согласно собственным мировоззренческим и научным убеждениям, смело взявшись за изучение народного песенного и эпического творчества. Он утверждал: «...Не подлежит сомнению, что поэзия, и в особенности песня, была сначала целиком народной, т.е. легкой, простой, такой, что шла от самих предметов и создавалась языком масс, а также самой природы, богатой и ощущаемой всеми»³⁷. Невзирая на насмешки за свое увлечение «поэзией плебеев», «бурный гений», в свою очередь, пренебрежительно отзываясь о снобизме «новомодной юношеской национальной гордости, которая не имеет ни веса ни силы», призывал собирать песни – «искры немецкого национального духа, почти угасшие под грудой пепла и тленом»³⁸. Под последним он имел в виду искусственную книжную словесность «просвещенного общества», причудливую красоту, нормативную эстетику классицизма**.

* Знатки гердеровского творческого наследия и его биографы уверены в том, что подобные идеи сформировались у Гердера под влиянием уже упомянутого И.Г. Гаманна, которого современники, включая и Гёте, относили к родоначальникам литературно-художественного движения «Буря и натиск» (*Журмунский В.М.* Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. С. XII–XIII).

** Виднейшим представителем немецкого классицизма был Иоганн Кристоф Готшед (1700–1766) – драматург, поэт, литературный критик, автор теоретических работ «Критическая поэтика» (1730) и «Немецкая грамматика» (1748). Языковую норму Готшед, которого нарекли «литературным папой», строил на рациональной основе, сопровождая ее требованиями «добраго вкуса», «трезвости». Он, одновременно, выступает за развитие литературной речи, защищая свои позиции в полемике с откровенными противниками единого немецкого литературного языка – поэтами «силезской школы» и с адептом канцелярского стиля речи монахом Августином Дорнблутом (*Waniek G.* Gottsched und die deutsche Literatur. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1897. S. 545.)

Существенной новацией мировоззрения Гердера было понимание исторического и национального своеобразия «времен и народов». Сложившаяся на протяжении веков национальная культура определяет язык, искусство и поэзию данного народа как выражение его сознания и национального характера. Поэтому для искусства и поэзии не существует единого образца прекрасного, обязательность которого составляет каноническую норму во все времена. На самом деле существуют исторически обусловленные модели художественного совершенства. Исторический универсализм Гердера опровергает идею существования «классических» народов как единых носителей идеальных форм культуры и искусства. Античной литературе Гердер противопоставляет поэзию Востока, рыцарского средневековья, «народов Севера» – кельтов и германцев, славян и балтийских народов и, в конце концов, даже песни «диких» народов за пределами европейской цивилизации – американских индейцев и гренландских эскимосов³⁹.

Гердер неоднократно делает акцент на том, что собирание сокровищ народного творчества и языка не является самоцелью или способом получения сугубо лишь эстетического наслаждения. Он поставил вопрос: насколько более глубокими являются знания его современников о разных народах, чем у греков или римлян? Ведь народоведение значительно расширило в XVIII веке карту мира. Да и каким образом познаются народы: по внешнему виду, по карикатурным гравюрам, с чужих слов, которые ничем не лучше этих карикатур? Путь такого познания может пролегать через «их собственную душу, в чувствах, речи, делах». А источником этого познания, по твердому убеждению Гердера, являются песни – этот **«архив народов, сокровищница их науки и религии, их теогонии и космогонии, действий родителей и событий их истории, отражение их сердца, картина их домашней жизни в радости и горе, на брачном ложе и смертном одре»**. В песнях народы воплощают свое мировосприятие, выступают такими, какими они есть⁴⁰.

Идеи Гердера революционно преодолевали снобизм Просвещения по отношению к «варварским» культурам и сообществам, создавая простор для поиска в них особой, «естественной» ценности. Постулирование самоценности и уникальности каждой из культур, между каковыми нет «высших» или «низших», открывал горизонты национально-образования и для тех европейских народов, которые были менее успешными на своем государствообразующем поприще, нежели французы, россияне или британцы⁴¹. В этом, очевидно, и состоит секрет феноменальной популярности идей Гердера среди «апостолов» славянского Возрождения, которые часто ссылались на него, как на своего рода пророка.

В то время, когда по Европе победно шагала гениальная мистификация песен Оссиана Дж. Макферсона, а публика восторженно поглощала насыщенные рыцарской средневековой атрибутикой и таинственностью «готические» романы англичан К. Рив, Э. Редклиф, Х. Уолпола, М.Г. Льюиса, Ш. Смит, в Германии разворачивается национально-патриотическое литературное движение, которое определило целью развитие литературного творчества через подпитывание его культурно-эстетическим опытом собственного народа. Манифестом нового литературного направления, возглавляемого Гердером и И.В. Гёте^{*}, стал сборник статей «О немецком характере и искусстве» (1773), посвященный вопросам немецкой национальной культуры и литературы. Гердер, учитывая интенсивную и результативную популяризацию английского и шотландского фольклора в тогдашней Европе, указал, что ему определенно

* Знакомство И.Г. Гердера с И.В. Гёте произошло случайно в конце 1770 г. в Страсбурге, где последний обучался в местном университете.

известно: во многих провинциях собственной страны он слышал народные песни, которые ничем не уступают шотландским аналогам. И снова же высказывается о том, что «Оссиан, песни диких народов, песни скальдов, романсы, областные песни могли бы вывести на лучший путь, если бы мы захотели научиться от них чему-нибудь большему, чем только лишь форме, внешним приемам, языку»⁴².

Подчеркнем, что немецкому мыслителю, который выглядит в своих теоретических интерпретациях языка и текста на голову выше большинства своих современников, удалось сформулировать перспективные идеи, созвучные современным разработкам в области гносеологии. Так, видный представитель направления философской герменевтики Г.Г. Гадамер обращает внимание на то, что **любая речь всегда способна обращаться и к образу и к мысли**. Поэтическое слово, так же как и философское, может «выстоять» и собственной волей «высказать себя» в абстракции текста, в котором оно прочитывается. По образному сравнению Гадамера, поэтическое слово – это не формальное указание на конкретный предмет, а своего рода золотая монета, полновесная стоимость того, что выражено этим словом. Иными словами, поэтический язык содержит концептуальные понятия мировосприятия и миропонимания. Повседневный же язык сравнивается с мелкой разменной монетой⁴³. Как видим, Гердер в интерпретациях народной поэзии как способа образного освоения и сущностного осмысления мира, свойственного каждому народу, значительно превзошел уровень науки своего времени.

Результатом настойчивой работы по собиранию и изучению фольклора стал гердеров сборник *«Голоса народов в песнях»* (1778–1779). В народной поэзии, как в очередной раз подчеркивал Гердер, воплощалась сама «природа», то есть идеал жизненной правдивости и художественной образности. Песня, по убеждению мыслителя, говорит больше, чем «длинное историческое описание», а **для историка является обязательным знанием народных творений**⁴⁴. Появление *«Голосов народов в песнях»* указало направление изучения и сохранения национально-культурного наследия. Фольклористические изыскания стали в дальнейшем интегральным элементом этно-культурной самоидентификации. Для славянских народов они вообще превратились в важное средство самосохранения, ведь существовало убеждение, что язык и культура многих из них находятся на стадии отмирания. Да и сам Гердер, искренне, с теплотой отзываясь о славянах, усматривал перспективу будущего не в универсализации человеческой цивилизации, как, например Вольтер ли Тюрго, а в развитии разных культур и народов, каждый из которых имеет самодовлеющую ценность⁴⁵.

Гердер не был одинок в своих стремлениях накапливать и изучать образцы народной поэтики. Правда, его привлекал традиционный обрядовый фольклор, который, по тогдашним эстетическим представлениям, не относился к «высоким» жанрам. Героико-эпические произведения эпохи средневековья стали предметом интереса швейцарских поэтов Иоганна Якоба Брайтингера (1701–1776) и Иоганна Якоба Бодмера (1698–1783). Отказ от канонизации французского драматурга-классициста Э. Буало, от «правил» высокого штиля И.Х. Готшеда, от условного «хорошего вкуса» дал возможность реализовать задачу, которая имела большое научное и общественное значение. Параллельно с борьбой против застывших нормативов классицизма «швейцарцы» начали реабилитацию поэтического наследия немецкого средневековья. В статье «О счастливых условиях для процветания поэзии во времена императоров из швабского дома» (1743) они впервые обращают внимание на художественную ценность старонемецкой поэзии⁴⁶.

После продолжительных хлопот Бодмеру и Брайтингеру удалось получить во временное пользование «Большую гейдельбергскую рукопись» – сборник поэзии мин-

незингеров, которая находилась со времен Тридцатилетней войны в Париже. В 1747 году они опубликовали «Образцы швабской поэзии XIII века», впервые знакомя немецкого читателя с песнями Вальтера фон Фогельвейде, его учителя Райнмара фон Гагенау, Генриха фон Морунгена и других выдающихся миннезингеров. В 1758–1759 годах гейдельбергская рукопись была почти полностью опубликована «швейцарцами» под названием «Собрание песен миннезингеров швабского периода, которое содержит произведения ста сорока поэтов»⁴⁷.

Годом раньше Бодмер осуществил другую перворазрядную публикацию. По найденной в библиотеке г. Гогенэмс рукописи «Песни о Нибелунгах» он издал две героических поэмы швабского периода. В 1753 г. им была издана свободная авторская переработка «Парсифаля» Вольфрама фон Эшенбаха⁴⁸. Бодмер обращается также к народной легенде о швейцарском герое Вильгельме Телле, переработав ее в форме драмы. Значение данных публикаций для изучения истории немецкой литературы является вполне очевидным. Но не меньшей является ценность этих произведений как источников по истории языка средневековой Германии. Следует также указать, какую роль эпос «О Нибелунгах» сыграл в формировании национального исторического сознания в XIX в., являясь одновременно сплавом пассионарности, мифологичности, героизации прошлого. Все это, правда, воспринималось в контексте национальных преимуществ немцев⁴⁹.

Гердер не мог не обратить внимание на усилия швейцарских коллег, отметив: «Если бы у патриарха Бодмера не было иных заслуг, кроме издания сборника швабской поэзии, то и этого оказалось бы достаточно»⁵⁰. Одновременно, не забывая о языковедческой проблематике, просветитель обращает внимание на то, что именно в Швейцарии, защищенной Альпами от чужеземных влияний, сохранились давние обычаи, а местный язык в наибольшей мере приближен к старинной простоте. Гердер в этом случае определяет, где именно он будет искать матрицу «неиспорченного», естественного немецкого языка.

Можно уверенно утверждать, что Гердер, высказав целый ряд идей, которые позднее были органически восприняты классиками языковедения в процессе «филологической революции» в первой половине XIX века, непосредственно стоял у ее истоков. Несмотря на ошибки, связанные с общим уровнем языкознания и других общественных наук эпохи Просвещения, мыслитель стал автором первой теории исторического развития языка в связи с эволюцией человеческого мышления и, в конечном счете, и развитием человечества как системы национальных сообществ. Роль Гердера в философской постановке вопроса о значении языка в понимании духа народа, или, как бы мы сегодня выразились – его ментальности, национального характера, трудно переоценить.

Очевидно, что во второй половине XVIII века целостность системы научного знания, основанного на просветительской интерпретации рационализма, стала размываться. В недрах Просвещения рождаются идеи, которые в первой половине XIX века оказались органически вплетенными в ткань парадигмы романтизма. Именно в подобных условиях возникает грандиозная философская система И. Канта, завершающая собой Просвещение и породившая весьма перспективные для дальнейшего развития науки идеи. То же касается и взглядов И.Г. Гердера, которые были своеобразным переплетением положений просветительского и романтического характера. В недрах Просвещения новое качество философско-научного и художественного мышления вызревало постепенно, имея вид отдельных догадок, сюжетов, критики крайностей просветительского рационализма и т.д. Все это можно охарактеризовать как **предромантизм**.

В современной науке под *предромантизмом* понимают явления и тенденции в европейской литературе и духовной культуре второй половины XVIII века, которые предвещали романтизм и готовили почву для него⁵¹. По словам П. Ван-Тигема, *предромантизм* – это еще не упроченная художественная система, а скорее «собрание разрозненных усилий»⁵².

Просвещение весьма своеобразно «врастает» в романтизм. В этом проявилось действие философского закона *отрицания-отрицания*. Одним из имплицитных признаков этого процесса было возрастание общественного внимания к культурно-историческому опыту средневековья и становление медиевистики, что не было возможным, скажем, во Франции в XVIII веке, где, за небольшими исключениями, господствовало скептически-нигилистическое отношение преимущественного большинства просветителей к «темным векам», как времени для прогресса утраченного. А отношение ученых-историков, философов и литераторов к историко-культурному достоянию средневековья является своеобразным маркером, который проявляет причастность к этому процессу. Этот вопрос мы исследовали в одной из своих разработок⁵³.

Что же касается предмета нашего исследования – языка и форм его бытования в виде народного литературного и песенного творчества, то здесь во второй половине XVIII века, еще не выходя за пределы просветительского рационализма, были намечены не менее значимые предпосылки того, что стало впоследствии известным как «филологическая революция». Новые веяния проявились в попытках отказаться от конструирования метафизических концепций возникновения и бытования языка, а также в его трактовке как феномена, органически свойственного определенному народу, как монаде всемирного культурно-исторического процесса (вспомним шлецерову классификацию народов). У Гердера последняя мысль прозвучала довольно отчетливо, когда он отметил, что «сама цивилизация состоит прежде всего в потенциале нации и в его использовании»⁵⁴. Пробивало себе дорогу понимание культуры и языка, как его важнейшей составляющей в их органическом развитии в пространстве и времени, что находилось в противоречии с распространенным представлением о наличии их вечных и неизменных идеальных форм, которые, ко всему прочему, можно сконструировать, или усовершенствовать. В частности, Гердер рассматривал свою деятельность как начало исторического осмысления культуры. Мыслитель был убежден, что в языке, фольклоре, литературе воплощен «дух народа», его чувства, жизненная сила. А это уже краеугольные понятия романтизма.

То есть, речь идет о многочисленных и довольно разнородных явлениях и тенденциях развития духовной культуры второй половины XVIII века. *Есть все основания учитывать предромантизм как специфический фактор интеллектуальной истории в переходную эпоху от Просвещения к романтизму.*

Примечания

¹ *Леві-Строс К.* Структурна антропология: пер. з франц. З. Борисюк. К.: Основи, 2000. С. 69.

² *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа: пер. с нем. О.А. Радченко. М.: УРСС, 2004. С. 119.

³ *Алпатов В.М.* Японская природа и японский язык // История и современность. М., 2007. № 2. С. 219.

⁴ Цит. по: *Радевич-Винницький Я., Іванишин В.* Мова і нація. Тези про місце і роль мови в національному відродженні України. 5 вид. Кам'янець-Подільський: Абетка, 2003. С. 90.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Цит. по: *Кафарський В.* Нація і держава: культура, ідеологія, духовність. Івано-Франківськ: Плай, 1999. С. 200.

⁷ *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе: пер. с нем. // Дильтей В. Собр. соч. в VI т. Т. III. М.: Три квадрата, 2004. С. 45–46.

⁸ *Simon G., Ammon U.* Thesen zum Verhältnis von Soziolinguistik und Systemlinguistik // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft. Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972. Hrsg. Von Walter Müller-Seidel. München: Wilhelm Fink Verlag, 1974. S. 330.

- ⁹ Бартминьский Е. Чем занимается этнолингвистика? // Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 23.
- ¹⁰ Радевич-Винницкий Я., Иванишин В. Вказ. твір. С. 58.
- ¹¹ Вежбицкая А. Немецкие «культурные» сценарии: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // А. Вежбицкая. Сопоставление культур через посредничество лексик и прагматики: пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 160.
- ¹² Бабилаев А.Н. Этническая психология как социальный феномен (опыт социально-философского анализа). М.: ИД «Грааль», 2001. С. 40.
- ¹³ Ignotus P. Hungary. London: Benn, 1972. P. 44.
- ¹⁴ Исламов Т.М. От «нации хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1984. С. 41.
- ¹⁵ Dann O. Das historische Interesse in der deutschen Gesellschaft des 18. Jahrhunderts. Geschichte und historische Forschung in den zeitgenössischen Zeitschriften // Historische Forschung im 18. Jahrhundert. Organisation. Zielsetzung. Ergebnisse. (12. Deutsch-Französisches Historikerkolloquium des Deutschen Historischen Instituts Paris). / hrsg. von Karl Hammer und Jürgen Voss. Bonn: Röhrscheid, 1976. S. 414.
- ¹⁶ Гурьева И.Ю. Некоторые аспекты дильтеевской концепции немецкого Просвещения // Вопросы историографии всеобщей истории: сб. ст. / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. С. 106.
- ¹⁷ Соловьев Э. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 259, 261.
- ¹⁸ Schilfert G. Deutschland von 1648 bis 1789 (Vom Westfälischen Frieden bis zum Ausbruch der Französischen Revolution). Berlin: Akademie-Verlag, 1980. S. 152.
- ¹⁹ Коблянський Б.В. Короткий огляд історії мовознавства. К.: Радянська школа, 1964. С. 30–31.
- ²⁰ Adelung J.Ch. Mithridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bei Nähe fünf hundert Sprache und Mundarten. Mit wichtigen Beiträgen zweier grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater. Th. 1–4. Berlin: Ch. Fr. Voss und Sohn, 1806–1817.
- ²¹ Schmidlin J.J. Catholicon oder Französisch-Deutsches Universal-Wörterbuch der französischen Sprache. In 9 Bd. Hamburg; Leipzig, 1771–1779.
- ²² Adelung J.Ch., Campe J.H. Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke. 2 Bd. Braunschweig: Schulbuchhandlung, 1801.
- ²³ Томсен В. История языковедения до конца XIX века: пер. с нем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 46–47.
- ²⁴ Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму. К.: Либідь, 1999. С. 114.
- ²⁵ Adelung J.Ch. Auszug aus der deutschen Sprachlehre für Schulen. Berlin: bei Christian Friedrich Voss und Sohn, 1781.
- ²⁶ Adelung J.Ch. Grundsätze der deutschen Orthographie. Leipzig: bei J.G.I. Breitkopf, 1782.
- ²⁷ Adelung J.Ch. Ueber den Deutscher Styl. 3 T. Berlin: bei Christian Friedrich Voss und Sohn, 1785.
- ²⁸ Adelung J.Ch. Über der Ursprung der Sprache und den Bau der Wörter, besonders der Deutschen. Ein Versuch. Leipzig: verlegt Johann Gottlob Imanuel Breitkopf, 1781.
- ²⁹ Подробнее: Ганус С.О. Август Людвіг Шльоцер і просвітницька парадигма історії // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія історія. Вип. 3. Ужгород: Видавництво Ужгородського університету, 1999. С. 112–126.
- ³⁰ Березин Ф.М. История лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1975. С. 22–23.
- ³¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества: пер. с нем. М.: Наука, 1977. С. 98.
- ³² Гулыга А. Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 616.
- ³³ Гердер И.Г. О новейшей немецкой литературе. Первый сб. фрагментов. 1767. (О различных возрастах языка) // Гердер И.Г. Избр. соч.: пер. с нем. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. С. 119–132.
- ³⁴ Яковенко Н. Вступ до історії. К.: Критика, 2007. С. 119.
- ³⁵ Гердер И.Г. О новейшей немецкой литературе. Первый сб. фрагментов. 1767. (О различных возрастах языка). С. 117–118.
- ³⁶ Яковенко Н. Указ. соч. С. 119.
- ³⁷ Гердер И.Г. [О народных песнях] (1779) // Там же. С. 72.
- ³⁸ Гердер И.Г. [Из старого предисловия к сборнику народных песен] (1774) // Там же. С. 83.
- ³⁹ Жирмунский В.М. Жизнь и творчество Гердера // Там же. С. VII–VIII.
- ⁴⁰ Гердер И.Г. О сходстве средневековой английской и немецкой поэзии и о прочем, отсюда следующем (1777) // Там же. С. 68.
- ⁴¹ Яковенко Н. Указ. соч. С. 119.
- ⁴² Гердер И.Г. Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов (1773) // Там же. С. 59.

- ⁴³ Гадамер Г.Г. Філософія і поезія // Гадамер Г.Г. Герменевтика і поетика. Вибрані твори: пер. з нім. К.: Юніверс, 2001. С. 120–121.
- ⁴⁴ История немецкой литературы: в 5 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. II. С. 212–213.
- ⁴⁵ Ганус С. Німецька славістика доби Просвітництва // Проблеми слов'янознавства. Вип. 53. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. С. 45–47.
- ⁴⁶ История немецкой литературы: в 5 т. Т. II. С. 72–73.
- ⁴⁷ Шлоссер Ф. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы: пер. с нем. Т. IV. Ход и характер умственного образования и литературы. От восстания Северо-Американских провинций против Англии до 1788 г. СПб.: Тип. Гл. штаба по военно-учеб. заведениям, 1859. С. 47.
- ⁴⁸ Кареев Н. Литературная эволюция на Западе. Очерки и наброски из теории и истории литературы с точки зрения неспециалиста. Воронеж: Журнал «Филологические записки», 1886. С. 247.
- ⁴⁹ Ehrismann O. Thesen zur Rezeptionsgeschichtsschreibung // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft. Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972. Hrsg. Von Walter Müller-Seidel. München: Wilhelm Fink Verlag, 1974. S. 127–129.
- ⁵⁰ Гердер И.Г. О новейшей немецкой литературе. Первый сб. фрагментов. 1767. (О различных возрастах языка). С. 124.
- ⁵¹ Наливайко Д.С., Шахова К.О. Зарубіжна література ХІХ сторіччя. Доба романтизму. К.: Заповіт, 1997. С. 13.
- ⁵² Там же. С. 14.
- ⁵³ Ганус С. Передромантизм і становлення німецької медієвістики в другій половині ХVІІІ ст. // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. (Збірник наукових праць). Т. 2 (26). Чернівці: «Зелена Буковина», 2008. С. 149–184.
- ⁵⁴ Ван Крефельд М. Расцвет и упадок государства: пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 241.

Г.Ф. ГОРБАШОВА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: «МИР» ЧЕЛОВЕКА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Каждая эпоха предлагает нам новые оценки и решения, казалось бы давно решенных проблем, высвечивает новые горизонты и порождает новые вопросы. Как отмечает Ю.А. Поляков, «исторический процесс складывается из множества событий, фактов, явлений, крупных и мелких, затрагивающих миллионы людей и судьбы отдельных личностей. Все, что происходит на нашей планете, с течением времени становится историей, на ход истории в огромной степени влияют выдающиеся личности, которые ...могут менять развитие событий. Исторические переживания связаны с особенностями человеческого характера, способности масс действовать спонтанно... Поэтому историю нельзя изучать в плоскостном измерении... История должна предстать перед нашими современниками объемной, полихромной и полифоничной»¹. Можно наблюдать, что в научный оборот наряду с экономической, политической, социальной и культурной историей активно внедряются и такие категории, как история повседневности, социальной стратификации, изучение ментальностей и духовной составляющей. Необходимость создания банка данных в области истории повседневности приводит исследователей различных стран к освоению нового специфического исследовательского пространства, разработке новых подходов и методик, использованию разных типов источников, в частности и таких «субъективных» источников, как дневники, мемуары, записки путешественников, письма. В отечественной историографии в определенной степени сложилась традиция в изучении повседневности и материальной культуры (А.Я. Гуревич, Л.П. Репина, А.Л. Ястребичкая, И.В. Якубовская).

«Возрождение» интереса к истории повседневности, которое наблюдается в новом столетии, вызвано к жизни новыми импульсами развития исторической науки, прибывающей, по мнению М. Блока, «в движении» и в «стремлении к лучшему пониманию»². В то же время важно отметить и интерес читающей публики к реалиям

повседневной жизни и «миру» человека «истории частной жизни». На книжных прилавках появились работы (прежде всего зарубежных авторов), посвященные истории повседневности, включающие как традиционную тематику (история быта, «мир вещей»), так и новую – человек как создатель мира, как субъект истории. Показательно, что обращение к сюжетам и темам истории повседневности уже имело место в исторической науке в работах исследователей разных поколений школы Анналов. Анналисты, если так можно выразиться, провели «очеловечивание» истории. В работах представителей этой школы мы видим уже не абстрактных, лишенных индивидуальности «представителей прошлого», а живых людей минувших эпох. Изучение человеческого измерения истории, по мнению первых анналистов, определило внимание к тому, как люди других эпох воспринимали окружающий мир, отношение людей прошлого к явлениям повседневности, социальный и семейный «облик человека», особенности мышления людей минувших эпох. М. Блок – «отец-основатель» школы Анналов исследовал социальную и экономическую историю не как безжизненную эволюцию экономических и социальных структур, а наполненную «реальным человеческим содержанием». В центре его исследований стоят не выдающиеся личности, а обычные люди, традиционно считавшиеся «безучастными свидетелями истории». Л. Февр, в отличие от М. Блока, занимаясь изучением «великого человека», тем не менее подчеркивал, что любой человек – прежде всего «дитя своего общества», своего времени. Он вводит понятие «мыслительного инструментария», т.е. базовых психологических установок, предоставляемых человеку его времени. Именно благодаря деятельности первых анналистов (М. Блока, Л. Февра) в тридцатых годах XX века было положено начало новой отрасли науки – исторической психологии, и тогда же появился термин «менталитет»³. Они, как пишет А.Я. Гуревич, призывали вернуться «к жгучим проблемам современности, привлекая для их разрешения опыт людей прошлого, а значит воскрешая жизнь этих людей во всей ее полноте и сложности – их привычки чувствовать и мыслить, их повседневную жизнь, их способы борьбы с обстоятельствами... Блок и Февр стремились к воссозданию не отдельных сторон действительности, а целостного представления о жизни людей, людей «из плоти и крови»⁴. Таким образом, «новая историческая наука» изначально несла в себе «антропологический заряд». По мнению А.Л. Ястребицкой, историко-антропологическое понимание истории и смысла «ремесла» историка превращает историю из иллюстрации неотвратимого действия «универсальных закономерностей» в историю с «человеческим лицом». В дальнейшем антропологическое измерение истории привело к расширению границ исторического исследования, к освоению новых сюжетов истории (истории женщин, истории детства, семьи и отношений родства и т.д.), изменению методов анализа исторических источников, подходов к историческому исследованию. Подлинная задача историка в понимании историков-анналистов сводилась не к механическому исследованию прошлого, а к живому диалогу между историком и человеком другого времени. Показательно, что изучая, в первую очередь, области, мало затронутые в консервативной историографии, т.е. историю социальных отношений, менталитета, обратив внимание на Человека как на субъекта истории, на внутренние взаимосвязи между разнообразными сферами его социальной деятельности, анналисты обозначили круг новых изучаемых проблем. В дальнейшем сторонники данного подхода (так называемой социальной истории) не только расширили круг проблем, но и способствовали возникновению интереса к изучению поведенческого модуса человека, истории представлений и образов (имагологии, в настоящее время изучающей национальные образы мира и доказавшей свое право на существование в качестве самостоятельного направления).

Осмысление понятия «повседневная жизнь», «повседневность» осуществляется и на уровне интегративного метода познания человека в истории, как истории «целиком», то есть «тотальной истории». Эта гигантская область познания, которую Ф. Бродель условно обозначил как «материальную цивилизацию», «структуру повседневности», новое исследовательское пространство, охватывающее «элементарную базовую деятельность человека, которая встречается повсеместно и масштабы которой фантастичны»⁵. «Структуры повседневности» включают все то, из чего складывается жизнь человека: условия жизни, трудовая деятельность, потребности человека (питание, жилище, одежда), техника и технологии (возможности удовлетворения жизни). Однако следует обратить внимание на то, что ментальность, в концепции Ф. Броделя, это «темница времени большей протяженности», из которой человек не в состоянии вырваться. По мнению Н.Л. Пушкаревой, «броделевский подход к истории есть пересмотр открытой позитивистами хозяйственной истории, не выходящей за пределы описания материального мира и составляющих его объектов, вещей, нравов как таковых»⁶. Проблема человека и его образа в исторической перспективе является «белым пятном» в истории. Именно это объясняет необходимость теоретического обоснования понятий «история повседневности», «образ жизни», «структуры повседневности», рассмотрения его взаимосвязи с культурой, социальным обликом, поведенческими стереотипами. Изменение человека, его психологии, мироощущения и мировосприятия, поведения по мере восхождения по ступеням социального развития – вот что является неразрешимой задачей, которую настоящим и последующим поколениям историков следует разгадать. Широкое обращение к истории человека сформировалось в 60-е годы XX века, когда начался «золотой век» междисциплинарного подхода, интеграции наук⁷. Именно тогда появились работы по истории с социально-экономическим, социально-политическим и социокультурным подходом. Социальная история сделала своим предметом личность, семью, группу, отношения между людьми, обществом и средой применительно к прошлому. А это изначально предполагало, что в фокус работ нового направления попадут проблемы демографии, географии, технологии и экономики. «Новая» история сильно отличалась от «старой». «Новая» история сконцентрировала свое внимание на образовании, организации труда, досуга, культуры, структурах повседневности, урбанизации и т.д. Как уже отмечалось выше, не без влияния школы Анналов сложилась «новая историческая наука», основой которой стал антропологический подход. В центре внимания оказался человек в его социальном и культурном контексте, среда его обитания. Так появилась историческая антропология, историческая социология, демография и урбанистика. Известный английский ученый Э. Хобсбоум предложил создать целостную историю общества на базе социальной истории, при этом особое внимание должно было уделяться исторической психологии – системе мышления, стереотипам поведения, образу жизни людей. «Различные направления «социальной истории», – пишет Р.Е. Кантор – получили развитие в рамках «новой исторической науки», во многом обогатившей историографию – и по предмету, и по методам исследования... Но одновременно получили развитие и ряд опасных исторических знаний, тенденций, в первую очередь, фрагментарность исторических исследований»⁸.

Показательно, что история повседневности (близкое к социальной истории направление), как самостоятельное направление, активно разрабатывается исследователями с конца 60-х годов прошлого столетия. Первым на значимость осмысления сферы повседневности, «сферы человеческой обыденности» обратил внимание Э. Гуссерль, назвав эту сферу «жизненным миром». Эту идею развил и продолжил А. Шюц, начав изучать сознание людей и его отражение в повседневном поведении. Интерес к ней особенно высок в Германии и приходится на рубеж 60–70-х годов XX века. Родона-

чальниками истории повседневности стали германские историки А. Людтке и Х. Медик. Вскоре здесь определилось два направления данного течения: «статичная концепция» и «динамичный подход». Первое предполагало четкое разделение между сферами повседневной и не повседневной жизни, главное внимание уделяя структуре общественных отношений. Для второго направления интерес представляла не столько будничная жизнь людей, а реконструкция социальной практики людей. История повседневности – это не простое описание быта и образа жизни предшествующих поколений, история повседневной жизни, а глубокий анализ основных структур повседневности (включающих понятия о жилище, пище, одежде, средствах обмена), систем норм и морали, взаимоотношений индивидов, традиций. В 60–70-х годах XX в. изменился и «ландшафт» британской исторической науки. Вслед за своими иностранными коллегами англичане обратились к изучению извечных «структур» повседневной жизни. Объектом современного исследования повседневности сделались демографические процессы и ролевые взаимоотношения полов, структура питания и шире – потребление вообще, феномен моды и т.д. Формы повседневности стал стержнем, который помогал скрепить разные типы истории: экономической, социальной, политической, культурной. Привлекательными в английской истории оказались периоды, порождающие ассоциации и параллели с современностью и позволяющие разглядеть некие извечные качества, присущие англичанам, в частности традиционные викторианские ценности: патриотизм, социальная дисциплинированность, строгие моральные нормы, подчинение установленным правилам⁹. Социальные привычки людей, экономические обстоятельства их жизни находясь в движении никогда не меняются полностью, старое часто проникает в новое. Социально-экономические изменения, повышение уровня жизни, большая доступность образования и распространение достижений науки, увеличение свободного времени не только оставили глубокий след в сознании англичан, в их вкусах и пристрастиях, но привели к формированию особого викторианского образа жизни, включавшего в себя представление о «достойном», «респектабельном» стиле жизни. Но в викторианской Англии, не смотря на общность ценностных приоритетов англичан (как и в настоящее время), сохранялись почти непреодолимые социальные барьеры, каждый член общества действовал в рамках предписываемой ему социальной роли. Это проявлялось в различных «способах жить», или «стилях жизни». Общество, различные социальные группы, индивиды начинают целенаправленно культивировать «стили жизни», чтобы тем самым обозначить социальные различия и сформировать свою идентичность. Это проявляется в существовании различных «стилей поведения», поведенческих стереотипов. Так, в викторианской Англии можно выделить по крайней мере четыре группы викторианцев, представляющих различные стереотипы поведения: «серьезные викторианцы», «истинные джентельмены», «щеголи», «деловой человек». «Серьезные викторианцы», основными ценностями которых являлась религия, семья, чувство долга, строгая мораль. Примером для этой группы служила королевская чета. Второй тип поведения выражался в стремлении выглядеть и поступать так, как подобает «истинному джентельмену». Отличительными признаками представителей этой группы были «культ любительства», убеждение, что джентельмен не должен работать для практического результата, но лишь для удовольствия. Для этой группы англичан вопрос состоял не в принадлежности к какому-либо классу, а в том, чтобы соответствовать своим поведением представлению о джентельмене. Третья группа викторианцев – денди – английский щеголь (безупречно одетый человек). Для них характерно стремление произвести фурор, обратить на себя внимание, пресыщение жизнью, «болезнь ума», утрата связи с окружающим миром, чувство одиночества, эгоцентризм. Но одним из самых харак-

терных образ той эпохи (особенно со второй половины XIX века) был образ делового человека. Их цель – богатство и власть, страсть – деньги, талант – умение делать карьеру и деньги, подавляя в себе всякое сострадание. Ярким примером этой группы британцев является верхушка «среднего класса» – буржуазия «форсайтовского типа». Выбор образа жизни или «стиля» жизни «среднего класса» определялся личными склонностям, социально-экономическим условиям деятельности, влиянием давно сложившегося образа жизни аристократии и проявлялся в поведении, манере общения, сфере интересов, бытовой культуре. Многие «предприниматели» предпочитали вести аристократический образ жизни, который порой принимал карикатурную форму. Но их нередко привлекала служба и политическая деятельность, они пополняли ряд свободных профессий, хотя сам по себе престиж предпринимателя («делового человека») стоял высоко. В викторианскую эпоху особое значение в представлениях «типичных викторианцев» о «достойном», респектабельном образе жизни играли земельные владения, приобретение загородных домов (часто это были старинные постройки), членство в клубе, участие в светских сезонах, благотворительность. Интеллектуальная элита (часть «образованного класса», эталоном которого являлась юридическая профессия, а не творческая интеллигенция, как во Франции или в России) не ощущала своей отчужденности от общества. Она была также захвачена настроениями эпохи, она не противопоставляла свой образ жизни типичному. Для интеллектуальной элиты были характерны те же ценности, что и для других групп викторианцев: респектабельность, высокий статус, устойчивость, прагматизм. Иным был «стиль жизни», ее отчужденность «проявлялась преимущественно в эстетическом противостоянии усредненным вкусам викторианцев»¹⁰. «Новое социальное поколение» англичан, несомненно, являлось ярким представителем «типичного» викторианского образа жизни и оставались в рамках культурной парадигмы своего времени. А. Бриггс, допуская восприятие единства и целостности викторианского периода, тем не менее считает, что типично викторианским временем является период 1851–1875 гг.¹¹, когда мироощущение англичан складывалось под влиянием экономического процветания, национальной безопасности, развития парламентской системы, стабильности государственных институтов, постепенных и позитивных реформ. Итак, образ жизни, стиль поведения викторианцев в значительной степени определялись нравами представителей высших слоев, основой формирования представлений о «респектабельном» образе жизни являлись как традиция, так и либеральные ценности. В «стиль жизни» осознанно или неосознанно, входят экономическое, социальное положение, культурные веяния времени, общность ценностных приоритетов, в частности и аристократических. Различие в социальном и имущественном положении способствовало многообразию вариантов избранного викторианцами «способа жить». Викторианский образ жизни, сама эпоха с ее культурными приоритетами оставили глубокий след в сознании и психологии англичан, который присутствует до сих пор.

Поэтому неслучайно в центре внимания истории повседневности попадает исследование образа жизни и его изменения у различных социальных слоев, эволюция их поведения и характеристика их реакции на жизненные события и ситуации. Если в социологии «стили поведения» определяются как стабильные способы поведения человека или общества в целом при столкновении с определенной проблемой, при этом включая экономическое и социальное положение и усвоение социумом опыта, то «стиль жизни» у М. Дингиса выступает более широкой категорией. «Стиль жизни» – «сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения.

Индивиды, группы или общества могут целенаправленно культивировать стили жизни, чтобы тем самым обозначить социальные различия и сформировать свою идентичность. Ссылаясь на Х. Мюллера, М. Дингес определяет стиль жизни как «структурированные во времени и пространстве модели образа жизни, которые зависят от ресурсов (материальных и культурных), от типа семьи и хозяйства, а также от ценностных установок. Ресурсы определяют жизненные шансы, возможности выбора в каждой данной ситуации; тип семьи и хозяйства есть характеристика экзистенциальной, жилищной и потребительской ячейки; и, наконец, ценностные установки определяют главные жизненные цели, формируют ментальности...». Таким образом, с помощью понятия «стиль жизни» описывается, «какую жизнь вели» исторические субъекты или как они решали различные жизненные проблемы»¹². Теория стилей жизни оказывается полезной для «культурной истории повседневности» с различных точек зрения. Во-первых, изучая смысл, вкладываемый историческими персонажами в их действия, мы применяем на практике их понятия, представления, ценности, т.е. обрисовываем картину прошлого глазами современников. Во-вторых, данный метод позволяет полноценно, не акцентируя внимания на каком-нибудь одном факте, рассмотреть исторические изменения. Поведение людей во многом определяется картиной мира, поведенческими границами. Образ жизни человека – это историческая категория, «характеризующая жизнедеятельность людей в прошлом, настоящем и будущем во всех сферах общественного бытия»¹³. Историки повседневности понимают историю как процесс реконструкции, на первый план выдвигается стремление исследователя почувствовать дух времени через изучение основных структур повседневности: «...создать сплав судьбы человека и времени, в котором он жил, чтобы его поступки и поведение получили историческую оценку... участники не только объекты, но и субъекты истории»¹⁴. Следует обратить внимание на такой вид исторической реконструкции, как «историческая метафора» или исторические биографии. Так, биографические исследования английских авторов задумывались не только как жизнеописание притягательных, сложных и порой загадочных личностей, но и как возможность показать мотивы тех или иных поступков на фоне широкой картины истории Великобритании XIX века, как возможность проследить процесс формирования новой морали, нового образа жизни, нравов, настроений, традиций. Но биографы и историки, создавая галерею портретов: королевы Виктории, Б. Дизраэли и других, неизменно сосредотачивались на их политической деятельности¹⁵. Новое поколение исторических биографий «не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое исследование: «это сама история, показанная через историческую личность...»¹⁶. Показательно, что объектом исследования становится королева Виктория – умная, практичная, хладнокровная повелительница Великобритании, пережившая взлеты и падения, символ эпохи, а также любящая жена и мать, но и роль королевского двора, который активно вторгался в повседневную жизнь англичан, по-новому организуя ее (привлекая к участию в официальных церемониях в столице, посещая во время своих визитов дома своих подданных герцога Веллингтона, Р. Пиля, герцога Девоншира; приобрела уютное поместье Бальморал, где устраивала приемы в неформальной обстановке, занималась благотворительностью)¹⁷. Предметом тщательного изучения становятся отдельные стороны жизни королевы: ее семейная жизнь, взаимоотношения с придворными, круг чтения и развлечения. При ближайшем рассмотрении оказывается, что пример королевской семьи привел к тому, что в викторианскую эпоху установился культ семьи. Воспевание материнства стало характерной чертой этого периода. Викторианской этике было свойственно понимание материнства как высшего назначения

женщины. Викторианская концепция женственности подразумевала экономическую зависимость женщин от мужчин, жесткое ограничение их деятельности сферой семьи. Исследователи стремятся через всесторонний анализ жизни пролить свет на неизученные аспекты прошлого, раскрыть ценностные приоритеты эпохи, показать сложный и противоречивый «мир» человека викторианской Англии. Познание прошлого происходит на основе изучения «свидетельств эпохи», то есть источников. На первый план вышли «...такие «ненадежные», «субъективные» источники, как дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы, продукты творческой деятельности индивида, в которых запечатлены его эмоционально-психологический и интеллектуальный мир, его самосознание и индивидуальный жизненный опыт»¹⁸. Письма королевы Виктории, ее дневник, частная переписка королевы Виктории с ее старшей дочерью; дневники Ч. Гревилла; Англия. Автобиография (история Англии, изложенная ее жителями – «книга очевидцев») дают возможность лучше понять не только реалии английской повседневности, но и «проникнуть» в душу викторианцев¹⁹.

Повседневная жизнь – это мир человека викторинской эпохи со своей атмосферой и внутренним распорядком; общностью ценностных и поведенческих приоритетов; викторианским стилем жизни и представлениями современников о «достойном» образе жизни; культом семьи и образом «истинной леди»; домом как границей между неким внешним миром и частной жизнью англичан, как показателем принадлежности к определенному социальному статусу; клубами и салонами; модой и развлечениями и др., то есть те «мелочи и детали», создавшие неповторимый стиль эпохи. Повседневность – это история прошлого и познания человека в истории.

Литература

- ¹ Поляков Ю.А. Как отразить многомерность истории // ННИ. 2003. № 4. С. 4–5.
- ² Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 11.
- ³ Браун Е. Школа Анналов – «новая историческая наука» // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с фр. М., 2007. С. 11–12, 15; Гуревич А.Я. Исторический синтез и «Школа Анналов». М., 1993. С. 11.
- ⁴ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 6.
- ⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986. С. 38–39.
- ⁶ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // *Этнографическое обозрение*. 2004. № 5. С. 7.
- ⁷ Парфенов. Методология исторической науки. М., 1993.
- ⁸ Кантор Р.Е. Теоретические искания западных историков (заметки на полях книги П. Берке) // *Вопросы истории*. 1996. № 8. С. 147.
- ⁹ The collected essays of Asa Brigg. Vol. 2. Images, problems, standpoints, forecasts. Urbana. Chicago, 1985.
- ¹⁰ Фадеева Л.А. «Профессиональный класс» в английской социальной истории XIX в. // *Новая и новейшая история*. 1998. № 4. С. 64.
- ¹¹ Briggs A. A Social history of England. 1983. P. 228.
- ¹² Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // *Одиссей. Человек в истории*. М., 2000. С. 107.
- ¹³ Бромлей Н.Я. Человек и его образ жизни в исторической перспективе // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы*. Вып. 2. М., 1989. С. 28.
- ¹⁴ Орлов И.Б. История повседневности: смерть или новое рождение? // *Преподавание истории в школе*. 2008. № 3. С. 4.
- ¹⁵ Blake R. Disraeli. L., 1966; Strachey L. Queen Victoria. L., 1987.
- ¹⁶ История через личность. Исторические биографии сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 6.
- ¹⁷ Хибберт К. Королева Виктория / пер. с англ. В.М. Заболотного. М., 2005. С. 240–242, 251–252.
- ¹⁸ История через личность. Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 11.

¹⁹ The Letters of Queen Victoria. 1837–1861. L., 1907. Vol. 1–2. Greville. The Greville Memoirs 1814–1860 / ed. by Lytton Strachey and R. Fulford. L., 1839; Англия. Автобиография / под ред. Дж. Льюиса-Стемпела; пер. М. Башкатова, И. Летберга; под общ. ред. К. Королева. М., 2008. С. 359–420.

А.Г. ТУМАНОВ

ВИКТОРИАНСКАЯ АНГЛИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ СОВРЕМЕННИКОВ (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ)

Унаследованный от первой половины XIX в. интерес к Англии в России как к «всемирной мастерской» после реформ Александра II переходит на новый виток. Викторианская эпоха в Англии ознаменовалась значительными изменениями в экономической, политической, культурной и социальной сферах жизни общества: империя стала самой экономически развитой и богатой страной в мире; расширились политические права граждан Британии; совершенствовалась парламентская система; создавалось рабочее и социальное законодательство; изменилась роль женщины в обществе. Став признанным мировым лидером, Англия задавала тон для модернизации других стран, в том числе и для России. Русские современники активно интересовались происходившими в ней преобразованиями, путешествовали в Англию, делились своими впечатлениями с соотечественниками. Повышенное внимание к событиям, происходившим в Англии, объяснялось проблемами, которые выдвигались в те годы российской действительностью. Для определенной части русского общества Англия представляла своеобразный идеал правильно организованного государства.

О том, как воспринималась Англия в России можно судить по самым разным источникам. Их изучение позволит представить тот образ викторианской Англии, который складывался в российском обществе. Источники по данной теме можно разделить на следующие группы: 1 – русские периодические издания; 2 – публицистические работы; 3 – мемуары, воспоминания русских министров и общественных деятелей; 4 – переписка семьи Романовых с представителями виндзорского дома, письма русских современников; 5 – путевые заметки русских путешественников; 6 – записки русских политических эмигрантов. Все источники, рассмотренные в данной статье, относятся ко второй половине XIX – началу XX вв., исключением являются воспоминания русского поэта, литературного критика П.А. Вяземского, относящиеся к первой половине XIX века.

Для историка, изучающего общественную мысль прошлого, печатное слово имеет первостепенное значение. И, в первую очередь, речь здесь идет о периодической печати. Периодическая печать не только отражает существующие в обществе взгляды и представления, но и сама служит орудием их формирования. В различных российских периодических изданиях отражался весь спектр мнений русского общества об Англии. Одним из наиболее авторитетных и либеральных печатных органов в России был журнал «Вестник Европы», основанный в 1802 г. известным российским писателем и историком Н.М. Карамзиным. «Вестник Европы» сыграл определяющую роль в становлении русской периодической печати в 1800-е годы. Не будет преувеличением утверждать, что история русской журналистики этого времени – это во многом история именно «Вестника Европы», который был первым частным политическим журналом в России, сохранявшим значительную степень независимости от идеологической линии государства. Огромную роль на журнал оказал его редактор – известный общественный деятель, публицист и историк, М.М. Стасюлевич. Структура журнала позволяла ему затрагивать на своих страницах исторические, политические и культурные вопросы. В журнале печатались подробные материалы об английской

внутренней и внешней политике, кроме того, в рубриках «Иностранное обозрение» и «Корреспонденция из Лондона» журнал помещал отдельные статьи, посвященные различным аспектам английской жизни. «Вестник Европы» интересен тем, что он не ограничивается голыми фактами, а приводит собственную оценку этих событий, знакомит читателей с оценками и взглядами на происходящее в викторианской Англии, с событиями различных слоев английского общества. Являясь либеральным изданием «Вестник Европы» значительное внимание уделял британской политической системе, причем оценки ее, как правило, были положительные. Например: «В Англии сделан был недавно опыт, представляющий собою наглядное опровержение распространенных мнений о неудобстве парламента для быстрых законодательных мер. В заседании палаты общин, 9 апреля, министр внутренних дел, сер Вильям Гаркур, внес проект закона об ответственности за незаконное хранение и производство взрывчатых веществ. В полтора часа проект прошел через все стадии, необходимые для сообщения ему силы закона; вслед затем он был передан в палату лордов и рассмотрен с такой же скоростью, после чего состоялось формальное утверждение его королевской подписью. Чтобы достичь такого поразительного результата, министру достаточно было заявить, что закон нужен немедленно, хотя бы в тот же день»¹. Не меньшего восхищения и зависти, по мнению редакции, вызывает и английская судебная система: «В руках английских судей самые худшие законы получают разумный смысл и остаются без вредных последствий, и никогда не случается там, чтобы и хорошие законодательные постановления извращались практикою в ущерб интересам общества. Доверие к суду и к администрации в такой степени укоренились в Англии, что население может без боязни встречать еще более рискованные исключительные меры, – ибо всякий знает, что применение последних зависит всецело от понимания и доброй совести исполняющих. Наконец, в Англии каждый убежден, что исключительные меры будут отменены тотчас по миновании в них надобности»². Однако во время обострения внешнеполитических вопросов между Россией и Англией журнал, безусловно, защищал интересы российской империи. К тому же русское общество всерьез опасалось войны с Англией, особенно во время русско-турецкой войны с 1877–1878 гг., что и отражают материалы журнала «Вестник Европы»: «Нам явно угрожает Англия. Английский флот и русские войска остаются вблизи Константинополя, английские войска стягиваются в Европу... вопрос представлялся бы в сущности все в том же виде, а именно, что если только Англия может решиться на войну, то война непременно будет»³.

Помимо «Вестника Европы», необходимо отметить и журнал «Исторический вестник». Русский ежемесячный исторический научно-популярный журнал. Издавался в Петербурге (1880–1917 гг.) А.С. Сувориным, затем Б.Б. Глинским. Редакторами журнала были С.Н. Шубинский (1880–1913 гг.), Б.Б. Глинский (1913–1917 гг.). Всего вышло 147 томов журнала. «Исторический вестник» носил консервативно-монархический характер (особенно после Революции 1905–1907 гг. и в Первую мировую войну 1914–1918 гг.). Журнал поставил себе целью знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе. Поэтому значительное место он отводит исторической беллетристике, а в серьезных статьях стремится к популярности изложения и занимательности. Конечно, особое внимание отводилось внутри- и внешнеполитическим событиям в Британии. Интересно, что в самой Англии отношение к России было неоднозначным, вот что отмечает Н.Н. Фирсов в «Историческом вестнике»: «В кофейнях и приличных *Wag rooms* слышались нередко восклицания подвыпивших, но с виду приличных джентльменов: «*Blood! Blood! Blood!*!». Подразумевалось – «русской крови». Однако вместе с тем,

чем ближе «туземец» стоял к либеральной партии, тем он теплее и доверчивее относился ко всему русскому, тем охотнее оказывал услуги, иногда казавшиеся нашим землякам чуть ли не медвежьими»⁴. Пристальное внимание вызывали и политические события, к примеру, политические реформы, вот что говорится в журнале по поводу избирательной реформы Гладстона: «Январь 1885 года на главных артериях Лондона развивались красные знамена, и за ними двигалась под звуки военного марша тысячная толпа среднего люда: рабочих, приказчиков и мелких торговцев. Такие же процессии совершались в эти дни и в других городах Англии, ибо население праздновало утверждение палатой лордов реформы Гладстона о распространении права политических выборов на беднейший класс жителей. Более двух миллионов душ получили впервые избирательное право посредством его участия в управлении империи Великобритании»⁵.

Материалы, отражающие различные аспекты жизни «Туманного Альбиона» публиковались в научно-популярном журнале «Мир божий». Редактором журнала была А.А. Давыдова. Интересно, что активно в журнале работали и другие женщины, например дочери А.А. Давыдовой – Лидия Карловна Туган-Барановская (по мужу) и приемная дочь Мария Карловна, известная в русской журналистике под двойной фамилией – Куприна-Иорданская. «Мир божий» формировался как образовательный научно-популярный журнал для юношества и «средней по образованию публики». Этим объяснялось обилие научных и научно-популярных публикаций, которыми журнал славился в течение своего существования. «Мир божий» стал первым толстым изданием, ориентированным на более широкие, чем прежде, менее образованные слои населения, по преимуществу провинциального.

В постоянных рубриках журнала «За границей» и «Из иностранных журналов» русские современники следили за изменениями, происходившими в Англии, и знакомились с мнением иностранных журналистов по различным вопросам. Особо следует отметить высокий интерес к преобразованиям, касающимся изменения положения женщин в Англии и развитию женского движения в этой стране. Например, по вопросу получения женщинами образования в Англии приводятся следующие данные: «В Англии за последние 10 лет степень доктора получили 612 женщин и 3026 мужчин. Если вспомнить, что до 1878 года женщинам был закрыт доступ в университеты и что Оксфорд и Кембридж до сих пор упорно отказывают женщинам в получении ученых степеней, то нельзя не признать, что англичанки достигли много в короткий промежуток времени»⁶. В постоянной рубрике «Из иностранных журналов» так характеризуется положение и роль женщины в британском обществе: «Даже в беднейших классах английского населения наблюдается такое отношение к женщинам, которое могло бы служить примером для многих других наций. Англичанки выходят замуж по любви, но они чужды всякой сентиментальности. Брак в Англии – это настоящая ассоциация двух людей, прилагающих свои силы, чтобы создать себе тот «Норм», который составляет идеал каждого англичанина. Несмотря на это, браки в Англии все же, в общем, бывают счастливее, нежели во многих других странах»⁷. Особое внимание уделялось и женскому вопросу в Британских колониях, в частности в Индии: «Парсы почти единственные среди индусов, которые заботятся о воспитании своих женщин, как это делают европейцы. Да и жены, и дочери парсов настолько соперничают теперь с англичанами в игре в теннис и в езде на велосипеде, но также занимаются наукой и умственным трудом добывают себе средства к жизни»⁸. Другим важным по значимости с точки зрения редакции журнала являлся вопрос решения проблем английских рабочих: «В рабочих кварталах Лондона, там, где обитают беднейшие классы населения, среди покосившихся домов и невзрачных лачуг, невольно

обращают на себя внимание посетителя, приличные на вид и еще новые здания, на которых красуются вывески «Free public library» (бесплатная публичная библиотека) и действительно. В посетителях никогда недостатка не было. Просторная зала для чтения всегда бывает полна народом»⁹.

Существенно отличаются от позиций и оценок либеральных изданий материалы журнала «Русское богатство», который был печатным органом русских революционеров, а с 1906 г. органом Партии социалистов-революционеров. Журнал неоднократно подвергался преследованиям цензуры. В связи с тем, что долгое время журнал являлся революционным изданием, оценка событий в Англии в нем сильно отличается от оценок русской либеральной прессы в целом и носит не столь восхищенный характер, как в других изданиях. Особое место в журнале было отведено рабочему вопросу в Англии: «Английское фабричное законодательство, вообще значительно опережающее континентальное, сильно отстало от них в одном пункте. Между тем как в Европе дети поступают на фабрику не ранее 12 (Россия), 13 или 14 лет (Германия, Швейцария), в Англии до последнего времени они начинали работать с 10-летнего возраста и только с 1 января 1893 года действует новый фабричный закон, возвысивший возраст поступления на фабрику до 11 лет»¹⁰. Вот, что говорится об оплате труда рабочим в Британии: «Так, например, мы видим, что труд всего лучше оплачивается в больших типографических фирмах и всего хуже в маленьких типографиях, затем наиболее плохо оплачиваемый труд – это труд сапожников. На винокуренных заводах, где создаются такие огромные состояния, почти половина рабочих получает не более 20 шиллингов в неделю. Цифры заработной платы женщин еще более ужасны в смысле своей ничтожности и могут служить наилучшим объяснением, почему так возрастает проституция в наших городах»¹¹. Внимательно отслеживались и все перипетии борьбы и перестановок в английском парламенте и правительстве: «Вся страна спокойно вздохнула, очутившись под честным, умным управлением великого старика, которого уже прозвали народным министром (Гладстон). В короткое время он успел доказать всю справедливость этого титула, так как, с одной стороны, в Ирландии он отменил все репрессивные законы, поставившие несчастный зеленый остров на военное положение, при торийском кабинете, и учредил комиссию из популярных в Ирландии лиц для рассмотрения животрепещущего вопроса о выселении ирландских фермеров; а в Англии восстановил право народных сходок на Трафальгарской площади в Лондоне, которое было отнято его предшественниками, и приступил к исследованию длинного списка арестованных, как Ирландии, так и в Англии лиц, по обвинению в нарушении общественной тишины во время господства лорда Солсбери, с целью издания, если не полной, то частной амнистии»¹². Не остался без внимания редакции и имперский характер внешней политики Великобритании: «Great Britain» (Великобритания) уже более не удовлетворяет патриотов. Они проектируют «Greatest Britain» (величайшую Британию) как бы панбританизм. Осуществим, конечно, панбританизм лишь в форме очень широкой федерации, которая и стала с некоторого времени предметом оживленной пропаганды в Англии»¹³. Или: «Из страны, производившей в силу процветания своей обрабатывающей промышленности, Англия превращается в страну, обращающую свое производство на снабжение отсталых стран своими капиталами. Из всесветного фабриканта она становится всесветным заимодавцем, а это изменяет все отношение к отсталым странам. Варварство выгодно всесветному поставщику товаров; прогресс и безопасность необходимы всесветному заимодавцу»¹⁴.

Среди русских периодических изданий необходимо отметить «Журнал Министерства народного просвещения» (далее ЖМНП). ЖМНП – ежемесячный журнал,

орган Министерства народного просвещения России. Издавался с 1834 по 1917 гг. в Петербурге. Журнал состоял из официальной части, где печатались материалы министерства, и неофициальной части, в которой публиковались статьи по народному образованию, классической филологии (выпускались и отдельно как «Сборник статей по классической филологии»), истории, литературе и т.д. В XIX веке это был первый (и долгое время – единственный) научно-популярный журнал России, в котором публиковались все ученые России. Следует подчеркнуть, что журнал содержит в основном сведения по положению дел образования в Британии, опубликованных в рубрике «Заграничная корреспонденция». Но встречаются и отдельные материалы, затрагивающие различные сферы британской жизни, например статья экономиста И.И. Кауфмана «Государственный долг Англии с 1688 года до настоящего времени» в № 8 за 1893 год¹⁵, в которой автор подробно разбирает причины появления английского государственного долга, его составляющие и возможности погашения, а также меры, принятые британским правительством для его ликвидации.

Весьма интересной группой источников являются работы российских ученых, посвященные изучению социально-экономического и политического положения Великобритании. Например, работа П.Г. Мижуева «Очерк развития и современное состояние народного образования в Англии»¹⁶, дающая представление об образовании в Англии. П.Г. Мижуев (1861–1932 гг.) – русский писатель, педагог, публицист. Занимался вопросами зарубежной истории, истории педагогики, автор трудов по истории западноевропейской и американской школы конца XIX – начала XX вв., вел хронику по вопросам просвещения за рубежом в педагогических журналах. Целый ряд его работ посвящен изучению Великобритании.

Следующая группа источников – это мемуары, воспоминания русских министров и общественных деятелей, в которых отражена вся сложность государственных взаимоотношений между Англией и Россией, а также влияние английской культуры и образа жизни на русское общество второй половины XIX века. Так, в воспоминаниях министра С.Ю. Витте содержатся сведения об экономических отношениях России и Англии: «Таким образом, нашим финансовым рынком по преимуществу была Англия; затем Голландия и (до известной степени) Германия. Но так как, в то время, со вступления на престол Императора Александра III политика такого слепого единения с Германией уже отжила почти свой век (это было тогда, когда Россия подвинулась к Франции, и началась заря русско-французского союза), то явилась возможность сделать заем у Франции, вообще открыть французский рынок, так как на английском рынке мы не только не могли делать займов, но и те наши бумаги, которые были там, в Англии, котировались довольно низко. Вообще англичане начали относиться к нашим бумагам довольно скептически»¹⁷. В воспоминаниях писательницы Е.Я. Панаевой говорится о влиянии британского образа жизни на некоторых российских современников: «Старик в молодости путешествовал по Европе, жил долго в Англии, что тогда было редкостью между русскими помещиками. По всему было видно, что он желал подражать по возможности английским лордам. Завел конский завод английских скаковых лошадей, к обеду надевал фрак и имел большой погреб, выписывая вина из Англии»¹⁸ или «сам Некрасов бросал тысячи на свои прихоти, выписывал из Англии ружья и охотничьи собаки»¹⁹. Занимательно мнение русского поэта, литературного критика П.А. Вяземского об английской партийной системе: «Подобные примеры почасту встречаются в Англии, в сей стране законной и общедоступной свободы. Тори, например, стоит за такое-то либеральное преобразование, а Виг отстаивает законную меру старую именно потому, что она старая. Многие этого не понимают, и им кажется, что уже если быть передовым, то надобно захватыв-

вать на лету каждую новизну и пускаться с нею или за нею в скачку с препятствиями, без оглядки и без отдышки. “Уж если быть либералом, – говорят они, – то быть круглым либералом”²⁰.

Особая группа источников – это мемуары и переписка Романовых с королевой Викторией, а также письма русских современников. В переписке с Романовыми королева Виктория предстает перед нами как любящая, нежная сестра, бабушка. Вот что пишет королева Виктория Александру III после гибели его отца: «Я до сих пор пребываю в ужасе от этого страшного события, этого жуткого преступления, которое было так же воспринято везде в моем королевстве и за его пределами»²¹. Не меньшей нежности и искренней любви полны письма Николая II к Виктории: «Не знаю, как благодарить Вас за то, что Вы взяли на себя труд написать мне такое очаровательное письмо. С искренней любовью к Вам, дражайшая Бабушка, Ваш преданнейший (будущий) внук»²². Русские, находившиеся в Англии, в своих письмах и заметках делятся со своими соотечественниками впечатлениями от знакомства с островным государством и, конечно же, сравнивают английскую и русскую действительность. Вот что писал И.А. Гончаров И.С. Тургеневу: «У нас еще не умеют порядочных кирпичей делать, изделия из своей кожи мы получаем из Англии, точно так же как и рельсы дома не делаем, а посылаем для этого железо в Англию»²³. Или же вот как описывает один из моментов своего пребывания в Англии И.С. Тургенев Л.Н. Толстому: «Ездил в Англию к одному приятелю, имение которого лежит между Кембрижем и Оксфордом – и поколотил достаточное число фазанов, куропаток и т.д. Но эта охота без собаки, в сущности, довольно монотонна. Надо в таком случае превосходно стрелять; а я всегда был посредственный стрелок... да к тому же и отвык. Кстати, я посетил оба университета, Кембридж и Оксфорд. Пречудная и прехитрая штука эти английские воспитательные учреждения: и как же здорово они нас ненавидят»²⁴.

Интереснейшая группа источников – путевые заметки русских путешественников. Например, в путевых заметках «Фрегат «Паллада» писатель И.А. Гончарова живо и красочно делится своими впечатлениями от знакомства с Англией, ее традициями, обычаями, культурой, образом жизни «островитян». Вот что он пишет о Лондоне и об образе жизни Британцев: «Лондон – поучительный и занимательный город, повторю я, но занимательный только утром. Вечером он для иностранца – тюрьма, особенно в такой сезон, когда нет спектаклей и других публичных увеселений, то есть осенью и зимой. Пожалуй, кому охота, изучай по вечерам внутреннюю сторону народа – нравы; но для этого надо слиться и с домашнею жизнью англичан, а это нелегко. С шести часов Лондон начинает обедать и обедает до 10, до 11, до 12 часов, смотря по состоянию и образу жизни, потом спит. Словом «обедает» я хотел только обозначить, чем наполняется известный час суток. А собственно англичане не обедают, они едят. Кроме торжественных обедов во дворце или у лорд-мэра и других, на сто, двести и более человек, то есть на весь мир, в обыкновенные дни подают на стол две-три перемены, куда входит почти все, что едят люди повсюду. Все мяса, живность, дичь и овощи – все это без распределений по дням, без соображений о соотношении блюд между собою»²⁵. Многие путевые заметки публиковались и в журналах, например, известного русского медика В.Б. Бертенсона, бывшего в Лондоне в 1887 г. во время юбилея королевы. Особенно ему запомнилось празднование дня рождения королевы на улицах Лондона: «Что было пьяных в “дзубилейные” дни, – это я думаю, едва ли могла сосчитать даже всезнающая лондонская полиция. Положительно на каждом шагу наткнулся я не только на мертвецки пьяных мужчин, но и женщин. Мне довелось случайно видеть, как одного такого пьяного, растянувшегося поперек дороги, полисмен довольно быстро привел в чувство, жестоко ото-

драв его за уши. Способ оригинальный и едва ли уместный в такой свободной стране, как Англия, где совмещались “королева и конституция”, как гласила блестящая надпись на одной из лучших улиц Лондона – Оксфорд – стрит. Боже мой, что сказали бы у нас, если бы городской позволил для вытрезвления проделать с пьяным подобный эксперимент»²⁶. Ничто не уходит от зоркого взгляда путешественника. Он комментирует все стороны британской жизни от особенностей кулинарии до собраний музеев. Что особо интересно – он отражает в путевых заметках не только свое мнение, но и мнение большинства населения Российской империи об Альбионе.

Отдельной группой источников являются записки и воспоминания русских революционеров, оппозиционеров, которые длительное время проживали в Англии и имели возможность хорошо понять культуру, особенности и традиции этой страны. Вот как описывает жизнь эмигранта в Лондоне русский анархист П.А. Кропоткин: «Нигде жизнь эмигранта не бывает так тяжела, как в Лондоне. Когда человек обживется, найдет постоянный заработок, тогда он может даже полюбить Лондон за независимость жизни и за относительную свободу. Но первое время иностранцу в Лондоне, особенно рабочему, чрезвычайно тяжело»²⁷. Более мрачно описывает английскую жизнь А.И. Герцен: «Нет города в мире, который бы больше отлучал от людей и больше приучал бы к одиночеству как Лондон. Масса спасается завоеванием себе насущного хлеба, купцы недосугом стяжания, все суетой дел; но нервные романтические натуры, любящие жить на людях, умственно тянуться и празднично жить, пропадут здесь со скуки, впадут в отчаяние»²⁸ или вот так он описывает отношение англичан к иностранцам: «Англичане в своих сношениях с иностранцами такие же капризники, как во всем другом; они бросаются на приезжего, как на комедианта или акробата, не дают ему покоя, но едва скрывают чувство своего превосходства и даже некоторого отвращения к нему. Если приезжий удержит свой костюм, свою прическу, свою шляпу, оскорбленный англичанин шпыняет над ним, но мало-помалу привыкает в нем видеть самобытное лицо. Если же испуганный сначала иностранец начинает подлаживаться под его манеры, он не уважает его и снисходительно трактует его с высоты своей британской надменности»²⁹.

Итак, викторианская Англия вызвала неподдельный интерес российских современников. Это связано с тем, что изменения, происходившие в ней, были передовыми для многих стран в мире, в том числе и для России, как в социальной (изменение роли и положения женщины в обществе, увеличение численности среднего класса, изменение его прав и положения в обществе), так и в экономической (ускоренное экономическое развитие, улучшение положения рабочих), культурной (возможность получения образования для большинства населения Британии), политической (предоставление избирательных прав широким слоям населения).

Круг источников по викторианскому периоду английской истории весьма широк. Материалы, содержащиеся в них, отражают широкий спектр вопросов английской истории. Эти источники позволяют показать особенности складывания представлений и мнений о Викторианской Англии различных слоев и классов российского общества второй половины XIX века. Они дают возможность понять отношение российского общества к политике английского правительства, изменениям, происходившим в динамично развивающейся Великобритании, а также причины различий оценок событий в Британии у российских политических и общественных деятелей. Эти источники позволяют проследить трансформацию межгосударственных связей между Россией и Британией от «Коварного Альбиона» до предпосылок создания военно-политического союза – Антанты.

Примечания

- ¹ Иностранное обозрение – Исключительные законы в Англии и их исключительный характер // Вестник Европы. 1883. Кн. № 5. С. 388.
- ² Там же. С. 389.
- ³ Хроника – иностранная политика – мир или война // Вестник Европы. 1878. Кн. № 5. С. 362–372.
- ⁴ *Фирсов Н.Н.* Англо-русские симпатии перед берлинским конгрессом // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С. 525–540.
- ⁵ Парламентские выборы 1885 года в Англии // Исторический вестник. 1886. Т. 23. С. 657–658.
- ⁶ За границей // Мир божий. 1898. № 3. С. 31.
- ⁷ Из иностранных журналов // Мир Божий. 1896. № 5. С. 277.
- ⁸ За границей. Парсы в Индии и европейцы // Мир божий. 1898. № 8. С. 36–37.
- ⁹ За границей. Народные библиотеки в Лондоне // Мир божий. 1896. № 3. С. 285.
- ¹⁰ *Зотов А.В.* Очерки современного положения рабочих в Англии // Русское богатство. 1895. № 3. С. 37.
- ¹¹ Из Англии // Русское богатство. 1895. № 12. С. 103.
- ¹² Хроника заграничной жизни. Четвертое министерство Гладстона // Русское богатство. 1892. № 10. С. 66.
- ¹³ *Южаков С.Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 11. С. 164.
- ¹⁴ *Южаков С.Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 10. С. 147.
- ¹⁵ *Кауфман И.* Государственный долг Англии с 1688 года по настоящее время // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 8. С. 369–406.
- ¹⁶ *Мижухев П.Г.* Очерк развития и современное состояние народного образования в Англии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. 62 с.
- ¹⁷ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин: Слово, 1923. С. 253–254.
- ¹⁸ *Панаева А.Я.* Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 77.
- ¹⁹ Там же. С. 217.
- ²⁰ *Вяземский П.А.* Старая записная книжка // URL: <http://fershal.narod.ru> (дата обращения 17.04.2009).
- ²¹ Письмо королевы Виктории императору Александру III // URL: <http://monarchs19.narod.ru> (дата обращения 20.03.2009).
- ²² Письмо Николая II королеве Виктории // URL: <http://monarchs19.narod.ru> (дата обращения 17.04.2009).
- ²³ Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. / сост.: В. Баскокова, Т. Голованова. М.: Худ. лит., 1986. Т. 2. С. 173.
- ²⁴ *Толстой Л.Н.* Переписка с русскими писателями. М.: Худ. лит., 1978. С. 186–187.
- ²⁵ *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада» // Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит., 1952. Т. 2. С. 50.
- ²⁶ *Бертенсон В.Б.* За 30 лет: листки из воспоминаний // Исторический вестник. 1914. Т. 137. С. 428.
- ²⁷ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966. С. 350–351.
- ²⁸ *Герцен А.И.* Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. М.: Изд-во Ф. Павленкова, 1905. Т. 3. С. 236.
- ²⁹ Там же. С. 255.

В.В. КУТЯВИН

**«КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ЭПОХА
ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТИ ПОЛЯКОВ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ»**

Заглавием для заметок стало высказывание Яна Кухажевского (1876–1952). И автор, и его монументальное дело остаются почти неизвестными у нас, а ведь речь идет о самом, может быть, обширном (объем его превышает 4000 страниц) труде о России, созданном иностранным писателем в XX в. Назвав свою работу при публикации первого тома в 1923 г. «От белого царизма до красного», Я. Кухажевский и в седьмом, последнем, томе, изданном в 1935 г., не изменил это название, заключающее в себе главный тезис всего труда¹. Книга Я. Кухажевского, оставшаяся незаконченной, издавалась попечением Кассы им. Юзефа Мянковского*.

* Этот старейший и авторитетнейший польский фонд поддержки науки уже почти полтора столетия поощряет исследования во всех областях знаний. При поддержке Кассы им. Юзефа Мянковского выполнена и данная работа.

«Свободный» исследователь, не пожелавший связывать себя академической или университетской дисциплиной, Ян Кухажевский не только не сторонился политики, но даже занимал пост премьер-министра во время правления Регентского совета в 1917–1918 гг., однако громкой политической славы не снискал. Впрочем, политическая составляющая, а значит и обоснование определенной программы действий, всегда будут присутствовать в его исторических текстах. Значительно более прочной и устойчивой оказалась слава Кухажевского как историка и публициста, вполне предсказуемо возродившаяся в Польше в последние два десятилетия.

Кухажевский начинал писать свою книгу в то время, когда проблема большевизма становится важнейшей во всех трудах, посвященных России. Писатели всего мира, включая, конечно, русских, пытались обнаружить и понять «истоки и смысл русского коммунизма» (Н.А. Бердяев), увидеть за огромным многообразием «русского мира» его устойчивые структуры. Вырастает ли русский большевизм из главных оснований российской жизни или 1917 г. обозначил радикальное отклонение от российской традиции? Кухажевский отвечал на этот вопрос совершенно определенно самим названием своего труда и затем с редкой последовательностью придерживался этого взгляда на Россию, сводя к нему в конечном счете все бесчисленные конкретные сюжеты, которыми переполнены семь томов его сочинения. За ответом и размышлениями автора отчетливо ощущаются не только нескрываемая неприязнь к России, не только «программный» этноцентризм, иногда доходящий до ксеноцентризма, но и колоссальный опыт анализа России, накопленный к началу XX в. польской мыслью. В XIX в., после разделов Речи Посполитой, изучение России польскими исследователями становится особенно многосторонним и интенсивным, отражая сложные взаимовлияния польской и русской мысли, выделяя почти современный набор основных проблем и дилемм, передавая взаимные ненависть и восхищение в отношениях двух народов. Книгу Кухажевского, таким образом, нельзя считать антироссийским памфлетом или антибольшевистской пропагандой – уже сам необычный объем труда не допускал пропагандистской прямолинейности.

Фрагменты из сочинения Я. Кухажевского в переводе на русский язык впервые были опубликованы лишь недавно в оригинальной антологии «Польская и русская душа», составленной Анджеем де Лазари², которому удалось в компактной подборке текстов передать не только тональность, но и основные – категориальные – положения монументального труда польского историка³.

Анализируя российскую жизнь, Кухажевский нередко использует подчеркнута вневременные, «архетипические» характеристики:

«Народ без просвещения и без культуры, без чувства закона, без уважения к чести женщины, даже без привязанности к своему двору и своей деревне, т.е. единственной родине, которая ему понятна; с большой легкостью покидающий отчий дом и скитающийся где-то далеко, где якобы должно быть лучше; находящийся в каком-то переходном состоянии между кочевым и оседлым; ненавидящий государство как вечное насилие, но больше всего ненавидящий этого богатого, просвещенного барина, в руках которого столько власти, а особенно земля, которая предназначена Богом для крестьян и которую православный царь рано или поздно отдаст народу»⁴.

Государственно-политическое и социальное развитие России, по мнению Кухажевского, определяется союзом двух исторических сил: «В России поэтому были две силы: царизм, деспотическая и бюрократическая организация огромного государства, и народная стихия. Варварство было старше царизма, оно не было царизмом создано, скорее, царизм появился как его эманация; но, однажды появившись и утвердившись, царизм охранял варварство; вместо того, чтобы ликвидировать, он увековечивал его.

Царизм полировал Россию, покрывал ее лоском культуры, но народный муравейник существовал почти в первобытном состоянии. Создавался роковой симбиоз. Царизм сохранял варварство, а варварство самим своим существованием увековечивало тиранию, как подходящую форму государства с варварским народом»⁵.

«Создавался союз двух сил, – вновь повторяет Кухажевский, – тирании и варварства; обе эти силы глубоко вросли в жизнь народа, в душу народа, и можно было опасаться, что дьявольские объятия тирании варварства переживут нынешнюю форму деспотизма – царизм. Варварство выйдет победителем и самим своим существованием возродит новую тиранию»⁶.

Что будет, если «затрещат железные путы, удерживающие этот народ на привязи?». Кухажевский уверенно утверждал, что «после 1917 года загадка была разгадана»⁷. «В случае своего освобождения этот народ сначала проявит элементарную силу стихии; он будет все громить без воли к разрушению, как слепо прущая вперед высвободившаяся сила не знает никакого внутреннего удержу, она прет до тех пор, пока не натолкнется на внешнее препятствие или не иссякнет сама; это инстинктивный максимализм стихии, который можно называть максималистской программой только в том смысле, в каком можно говорить о программе бушующего огня, стремящегося к тому, чтобы сжечь, истребить, уничтожить столько, сколько удастся»⁸.

Тирания и варварство соединяются с еще одной чертой, определяющей социально-политический строй России. Это экспансионизм, почти мистическая «жажда захвата», которая пронизывает не только внешнюю политику, но внутреннюю жизнь в России: «В обманчивом покое кладбища великая смута подтачивает все государство снизу доверху: жажда захвата как главная страсть растет среди безмолвия и пустоты, среди варварства и невежества, среди зловещего умерщвления творческих сил народа. Не создавать, не возделывать, не удобрять упорным трудом то, что мое, а тянуться к тому, что чужое, что возделано чужим трудом. Форма, содержание, объект этого главного стремления различны в образованном слое и слое невежественном; глубокая, скрытая природа стремления и здесь, и там одна и та же»⁹.

Кухажевский выделяет, обстоятельно характеризует и другие системные основания русского исторического сообщества: соборность, патернализм, великодержавие, национальную мегаломанию, идею провиденциальной избранности России и ее мировой миссии, тотальный социокультурный раскол¹⁰. Такое понимание России было принято большинством поляков. Представление о непрерывности имперской традиции России, преемственности русской системы во всех ее геополитических ипостасях (в том числе посткоммунистической) широко распространено не только в массовом сознании нынешних поляков, но и в работах современных польских исследователей¹¹.

И все-таки не эти, бесспорно, важные выводы, могут заинтересовать современного российского читателя. К тому же, отмечая названные парадигмальные основания русской системы, Кухажевский не был вполне оригинален – примерно так же судили Мариан Здзеховский, Феликс Конечны, Богумил Ясиновский и другие его современники. В огромном труде Кухажевского ценнее, как кажется, тщательное исследование, «медленный» анализ (подобие медленного чтения) государственно-политического развития России и русской общественной мысли XIX в. Внимание не только специалистов, но и просто интересующихся читателей привлекут, например, характеристики славянофилов, западников, нигилизма, революционного движения в России и т.д. К таким ценным замечаниям можно отнести и слова, ставшие заглавием данного очерка.

Кухажевский писал: «Период... между Ноябрьским [1830–1831 гг. – В.К.] и Январским [1863–1864 гг. – В.К.] восстаниями составляет кульминационную эпоху про-

ницательности поляков в отношении России. В более позднюю эпоху, начиная хотя бы от позитивизма и до самого начала революции 1917 года, напрасно мы искали бы столь ясное и всеобщее понимание характерных черт русской жизни, а также столь выразительное изображение тех опасностей для отдаленного будущего, которые скрывала в своем лоне царская Россия. В тот более ранний период способность понимания России была в известной степени свойственна целому просвещенному поколению, доступна не только людям масштаба Мицкевича и Мохнацкого, но и умам с обычной фантазией»¹².

Таким образом, «кульминационной эпохой проницательности поляков в отношении России» Кухажевский считал 30–50-е гг. XIX в. Это время расцвета польского романтизма (преимущественно в эмиграции), настойчивого поиска романтиками культурной «запрограммированности» народов, особенностей национальных характеров. Время это оставило нам много аналитических категорий и эмоциональных подходов для постижения национальных «душ». Но это и эпоха Николая I, когда самодержавие в России достигает своего апогея, демонстрируя польскому обозревателю наиболее зрелые черты «белого царизма»¹³. Изучая взаимное восприятие поляков и русских, современный исследователь, конечно, должным образом оценит наблюдение авторитетного и заинтересованного (заинтересованность тут значит не меньше, чем глубокие знания) польского историка.

Накануне Первой мировой войны была опубликована знаменитая работа Т.Г. Масарика «Россия и Европа». Это чрезвычайно обстоятельное «высказывание» о России было переведено на русский язык более чем через 80 лет¹⁴. Может быть, и монументальный труд Яна Кухажевского дойдет до русского читателя? Пусть и с большим опозданием.

Примечания

¹ *Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego. Warszawa, 1923–1935. Т. 1–7. В эмиграции Я. Кухажевский подготовил сокращенное английское издание (The origins of modern Russia. New York, 1948), а после смерти автора появилась сокращенная польская версия труда (Od białego do czerwonego caratu. Londyn, 1958). Из современных изданий, бесспорно, самое полное и тщательное подготовлено под научной редакцией Анджея Шварца и Павла Вечоркевича: Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego. Warszawa, 1998–2000. Т. 1–8.*

² *Кухажевски Я. От белого царизма до красного (фрагменты) // Польская и русская душа: от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Материалы к «каталогу» взаимных предубеждений между поляками и русскими / ред.-сост. А. де Лазари. Варшава, 2003. С. 365–378. Опубликовано и параллельная польская версия антологии. Предаваясь мечтаниям (может быть, не совсем беспочвенным), представляю себе серию подобных изданий, в каждом из которых «русская душа» вступает в диалог с «душами» других народов. Прежде всего, мы получили бы необычайно многосторонний, стереоскопический образ «русской души».*

³ Автор сам несколько облегчил задачу составителей антологий, подготовив, как уже отмечалось, сокращенную версию своего труда. Из новейшего издания сокращенной польской версии сочинения Я. Кухажевского были выбраны фрагменты для антологии (см.: *Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk, 1990*).

⁴ *Кухажевски Я. От белого царизма... С. 365.*

⁵ Там же. С. 369.

⁶ Там же. С. 370.

⁷ Там же. С. 365–366.

⁸ Там же. С. 366.

⁹ Там же.

¹⁰ Подробнее см.: *Filipowicz M. Wobec Rosji: Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową. Lublin, 2000. S. 76–82; Stobiecki R. Rosja i Rosjanie w polskiej myśli historycznej XIX i XX wieku // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / ed. red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. S. 182–183; Bohun M. Oblicza obsesji-negatywny obraz Rosji w myśli polskiej // Katalog... S. 231–232, 240–241, 261–265, 281–282, 292–293.*

¹¹ См., например, суждения Анджея Новака, одного из лучших сейчас знатоков исторической и современной России: *Nowak A. Od imperium do imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej*. Kraków, 2004; *Rosja i Europa Wschodnia: «imperiologia» stosowana / Russia and Eastern Europe: applied «imperiology» / red. ed. Andrzej Nowak*. Kraków, 2006.

¹² *Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego*. Warszawa, 1998. Т. 2: Geneza maksymalizmu. Dwa światy. S. 417.

¹³ А вот взгляд на Николая I и его эпоху русского «обозревателя»: «Государь сам был такой идеальный Самодержец, каких история давно не производила. Россия наша при нем именно достигла той культурно-государственной вершины, после которой оканчивается живое государственное созидание и на которой надо приостановиться по возможности и надолго, не опасаясь даже и некоторого застоя» (Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 546).

¹⁴ *Масарик Т.Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России*. СПб., 2000–2004. Т. I–III.

И.В. КРЮЧКОВ

**«ВОПРОС УГОРУССКИЙ – ВОПРОС РУССКИЙ?»: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РУСИН (УКРАИНЦЕВ) ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ**

Подкарпатская Русь являлась самой спокойной немадьярской территорией Венгрии. Подавляющее большинство русинского населения составляло крестьянство, которое вело патриархальный образ жизни, и модернизация Венгрии практически не затронула данную область. На весьма низком уровне у них находилось развитие национального самосознания. Русины идентифицировали себя, прежде всего по религиозному принципу¹. Неслучайно во время своей поездки по Верхней Венгрии (Словакии) и Подкарпатской Руси Р. Сетон-Уотсон написал буквально следующее: «...русины – люди неопределенной национальности, родственной украинцам Западной Галиции»². Понятия «Украина», «украинский» им были непонятны и чужды, о России у русин были самые пространные представления, практически всех жителей России они называли «москалями»³.

Отсутствие бурных политических баталий в Подкарпатской Руси и недостаток информации привели к слабому интересу российской общественности к положению русин Венгрии. К тому же все внимание общественности было приковано к процессу национального возрождения русин Галиции, поэтому венгерские русины оказались на периферии интеллектуального пространства России. Первые попытки изучения положения венгерских русин предпринимает основоположник российского славяноведения А. Гильфердинг. «Русинская» проблематика А. Гильфердинга шла в русле общих рассуждений ученого об историческом месте Венгрии в Европе и характере взаимоотношений венгров со славянами. Он подчеркивал, что национальному характеру венгров были присущи толерантность и веротерпимость. Поэтому венгры и русины Подкарпатской Руси мирно уживались на протяжении многих веков и даже события 1848–1849 гг. не поколебали эти добрососедские отношения. А. Гильфердинг отмечал очень важный для российского научного и публицистического дискурса обстоятельство: в период существования независимой Венгрии русины сохраняли православие и только вхождение венгерских русин в состав Австрии предопределило наступление католичества на позиции православия в Подкарпатской Руси⁴. И, тем не менее, до 70-х гг. XIX в. в России мало кто подозревал о существовании Подкарпатской Руси, тем более о проживающем там славянском населении. Россия была увлечена «защитой» прав русин Галиции.

Впервые Россию с проблемами русин Подкарпатской Руси познакомил А.Ф. Добрянский, человек, сыгравший важную роль в защите интересов русин Венгрии и в их

«открытия миру», создавший в 1864 г. в Унгваре (Ужгороде) просветительское «Общество Св. Василия Великого»⁵. А. Добрянский несколько лет прожил в Унгваре, познакомившись непосредственно с особенностями жизни русин Подкарпатской Руси. В 1875 г. он совершает поездку в России, побывав в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Варшаве и Вильно, ему удалось встретиться с такими видными общественными деятелями России как К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, И.С. Аксаков, С.М. Соловьев. Это заставило российских интеллектуалов обратить свой взор на малоизвестный в России регион Венгрии. Активную деятельность с целью привлечения внимания российской общественности к положению венгерских русин проводил М.П. Погодин. В своем выступлении на открытии Киевского отделения Московского славянского комитета он призывал данное отделение взять на себя «попечение русин Галиции и Венгрии (Подкарпатской Руси – прим. *И.К.*)»⁶.

Российское общество, зачастую, не имело доступа к источникам, которые могли бы пролить свет на положение русин Подкарпатской Руси. В начале 70-х гг. XIX в. в связи с проведением в Будапеште конгресса католиков, где присутствовала делегация униатского духовенства из Подкарпатской Руси, в России вновь вспомнили о русинах Венгрии. Правда автор отчета о конгрессе отмечал, что все разговоры о существовании самостоятельного русинского (украинского) народа является выдумкой Запада и католической церкви, которые стремятся любыми способами расколоть единый русский народ⁷. Это утверждение получило развитие в другом труде К. Кустодиева, опубликованном на страницах «Русского вестника». Главным лейтмотивом этой публикации стало дальнейшее развитие концепции существования «русского народа» «по ту сторону Карпат», угнетаемого немцами и особенно венграми⁸. К. Кустодиев верил в искреннее москофильство русских (русинских – прим. *И.К.*) крестьян, несмотря на их униатство, он вполне допускал возможность возвращения русин в лоно русской православной церкви. Следует подчеркнуть, что при всей предвзятости публикаций К. Кустодиева они сыграли важную роль в популяризации исследований положения русин Подкарпатской Руси в России. «Православное обозрение» в марте, апреле, мае и октябре 1871 г. опубликовало цикл статей о русинах, так же выдержанных в данном ракурсе.

Важным прорывом в изучении истории Подкарпатской Руси стало издание в 1875 г. «Славянского сборника», который вызвал оживленные дискуссии среди российской общественности. Авторы сборника затронули проблему положения славян в Венгрии и их взаимоотношений с венгерской политической элитой. В этом сборнике содержалась статья Я. Головацкого, посвященная положению русин в Подкарпатской Руси в 50–70-е гг. XIX в. Я. Головацкий значительную часть своей жизни прожил в австрийской Галиции, занимаясь там активной научной и просветительской деятельностью, изучая историю и современность русин Галиции и Подкарпатской Руси. В 1867 г. он переезжает в России, поселившись в Вильно⁹. Всю свою жизнь он посвятил изучению и популяризации истории русин Австро-Венгрии в России.

В материале в «Славянском сборнике» Я. Головацкий положение русин Венгрии оценивал как очень тяжелое, даже по сравнению с другими славянскими народами страны. В Подкарпатской Руси национальный гнет русин тесно переплетался с крайним обнищанием населения и, более того, среди русин, практически отсутствовали попытки национального возрождения, ибо церковь и немногочисленная русинская интеллигенция полностью «омадярились». Политикой раскола русин с последующей их полной мадьяризацией автор считал теорию, пропагандировавшуюся в Венгрии, о русинах, как отдельном народе Центрально-Восточной Европы, которая, по его мнению, не выдерживала никакой критики¹⁰.

Практически одновременно в российских периодических изданиях Я. Головацкий публикует новые материалы, посвященные истории и современности русин Подкарпатской Руси. Они были выдержаны в славянофильских традициях, ориентируя внимание читателя на поступательной борьбе русин против немецкого и венгерского засилья и движении в сторону истинного идеала, то есть москофильства. В этих статьях встречается интересный фактологический материал из политической и религиозной истории русин¹¹.

Важное место при исследовании положения славян в Венгрии занимает работа Е.Н. Водовозовой «Жизнь европейских народов». Этот многотомный труд, к сожалению, незаслуженно забыт современными учеными, хотя в нем прослеживается первая попытка рассмотрения истории европейских народов через призму социальной истории. В нем содержится богатейший материал о быте, нравах, культуре и традициях европейских народов в XIX в. Е.Н. Водовозова обратила внимание на ужесточение отношения венгерских властей, а не венгерского народа к славянам Венгрии в 70-е гг. XIX в. Она не смешивала в единое понятие «официальную точку зрения» и настроения широких слоев мадьярского населения. Примечателен очерк Е. Водовозовой о русинах Австро-Венгрии. Автор полагает, что русины по происхождения являются русскими, однако Е. Водовозова делала ремарку относя русин к одному из ответвлений великого русского народа – малороссам (украинцам)¹².

В российской историографии рубежа XIX – начала XX вв. такие ремарки встречались чрезвычайно редко. Описывая быт и нравы русин, Е. Водовозова практически не использует примеры из жизни Подкарпатской Руси. Это обстоятельство в очередной раз демонстрирует плохое знание в России специфики жизни региона и, прежде всего, повседневной жизни его населения. Политическая и религиозная тематика отодвигала на второй план этнокультурные особенности развития русин. Хотя в этом плане встречались и исключения, особого внимания в данной связи заслуживают этнографические очерки Я. Головацкого¹³.

Большой интерес к Подкарпатской Руси проявлял известный российский публицист и ученый А. Будилович, считавшийся в России одним из лучших специалистов по венгерской проблеме. Кроме всего А. Будилович являлся зятем А. Добрянского, что так же не могло не сказаться на научной деятельности ученого. Он не раз посещал Австро-Венгрию, приезжая к своему тестю в Инсбрук. А. Будилович мечтал о создании федерации православных народов Центральной и Юго-Восточной Европы под эгидой России с отторжением у Венгрии Подкарпатской Руси, районов, заселенных сербами и румынами. Первым шагом на пути реализации данных планов, по мнению автора, должна была стать федерализация Австро-Венгрии¹⁴. На чем основывался А.С. Будилович, делая свои выводы о необходимости присоединения Подкарпатской Руси к Российской империи? Для автора не вызывало сомнения существование единого русского народа, включавшего в себя русских, белорусов и украинцев, в том числе русин Подкарпатской Руси¹⁵. А. Будилович основу объединения русских (русин) Венгрии с русским народом видел в развертывании среди них мощной просветительской деятельности, разумеется контролируемой русскими славянофилами. Автор не любил употреблять термин «Подкарпатская Русь», заменив его, на «Червленная Русь». Это на его взгляд больше соответствовало исторической традиции.

Не без участия А. Будиловича в 1894 г. в Санкт-Петербурге был создан ежемесячный альманах «Галицко-Русский вестник». Он должен был, по мнению редакционной коллегии, стимулировать интерес российского общества к положению русин (русских в терминологии альманаха – прим. *И.К.*) в Дунайской империи и способствовать духовному объединению русин с Россией. «Непобедимее и мощнее почувствует себя

Русская народность в Подкарпатской Руси, когда духовное единство с Великой Россией вольет в нее сознание, что она не одинока, что здесь о ней думают...», – отмечалось в первой редакционной статье издания¹⁶. Все материалы в альманахе были выдержаны в стиле, ориентированном на описание угнетения русин Венгрии и активного развития среди них москофильства. Практически у всех авторов этих материалов не было сомнения, что за духовным объединением русских последует политическое, то есть вхождение Подкарпатской Руси в состав Российской империи, даже если они об этом прямо не писали.

Крупным специалистом в дореволюционной России по истории и современности славянских народов Австро-Венгрии был Л. Василевский. Известность автору принесла его монография по истории русин Галиции¹⁷. Однако и ему потребовалось определенное время, чтобы обратить внимание на изучение положения русин в Венгрии. В своей статье, посвященной празднованию в 1896 г. «Миллениума» в Будапеште, он охарактеризовал положение всех немадьярских народов Венгрии кроме русин¹⁸. И только накануне Первой мировой войны в «Русском богатстве» Л. Василевский опубликовал обширную статью, посвященную русинам Венгрии. По обилию фактологического материала и уровню теоретического осмысления процессов в Подкарпатской Руси эта работа значительно отличалась в лучшую сторону по сравнению с предыдущими исследованиями по «русинской» тематике. Л. Василевский в статье уделил много внимания этнографическим, лингвистическим особенностям русин, условиям их жизни, истории взаимоотношений с Габсбургами. Он отмечал слабость москофильства среди русин, ибо широкие слои населения не воспринимали русский язык и русскую культуру¹⁹. Это давало ему основание предполагать, что русины Галиции и Подкарпатской Руси пошли по пути формирования собственной национальной идентичности. Л. Василевский стал первым российским исследователем, проанализировавшим деятельность комиссии Э. Эгана в Подкарпатской Руси и ее результаты, причем они оценивались в целом весьма положительно.

В последние предвоенные годы в России оживает интерес к жизни русин Подкарпатской Руси. Этому способствовал переход ряда русин региона в православие и начавшийся над ними судебный процесс в Марамарош Сегете. Провинциальная периодика также активно откликнулась на эти события. Разумеется, практически все газеты Дона и Северного Кавказа довольно подробно освещали процесс в Марамарош Сегете, особенно «Северокавказский край», который постоянно публиковал протоколы судебных заседаний, причем в отличие от ряда российских изданий, газета отражала не только точку зрения защиты русин, но и позицию обвинения. При этом издание подходило беспристрастно к освещению процесса. Оно давало только «голые факты», избегая своих комментариев и оценок событий²⁰. В то же время, говоря о положении славян в Венгрии накануне Первой мировой войны, «Северокавказский край» признавал положение русин в Подкарпатской Руси как самое тяжелое, так как здесь национальное угнетение русин переплеталось с глубоким экономическим кризисом²¹. Эти же подходы отстаивала одна из ведущих тифлисских газет «Кавказ». Само издание практически не сомневалось в политической подоплеке данных судебных процессов. Одновременно она осуждала действия графа Бобринского и панславистов в Закарпатье, видя в этом вмешательство во внутренние дела Австро-Венгрии²².

Настроения, доминирующие в российском обществе не могли не отразиться на официальных изданиях Российской империи. Военное ведомство постоянно публиковало справочную литературу об Австро-Венгрии. Она должна была подготовить русских военных к вступлению на территорию противника, то есть в империю Габсбургов. В данных изданиях содержалась основная информация об особенностях эко-

номического развития Австро-Венгрии, ее политическом строе и национальном составе населения. В последнем такого рода труде, опубликованном накануне войны, присутствовал материал о Подкарпатской Руси. Этот регион особо интересовал военных, так как его захват открывал путь российской армии на венгерскую равнину. В издании отмечались особенности русин в отдельных частях Подкарпатской Руси, при чем эти оценки сопровождались комментариями об архетипах того или иного ответвления русин, с использованием терминов «добры», «честны», «красивы»²³. Не одной отрицательной характеристики русин в издании не отмечается. В то время как проживавшие рядом венгры (мадьяры) назывались ленивыми, что списывалось на особенности местного климата²⁴. Правда, не было ясно, каким образом русины избегали тлетворного влияния «плохого» климата. В заключении подчеркивалось, что русины не любили немцев и мадьяр и что среди них было очень развито русофильство. Это предполагало возможность налаживания хороших отношений между российской армией и русинами в случае захвата Подкарпатской Руси.

Большой отклик в России вызвали работы Е. де Витте, посетившей в начале XX в. словацкие и русинские земли Венгрии. Популярность ее работ, с одной стороны, объяснялась их «достоверностью», так как автор являлся непосредственным очевидцем событий, с другой стороны, тем, что ее интеллектуальные конструкты хорошо вписывались в распространенный в России образ «несчастливого русина». Е. Витте в своих очерках повествовала о бедности русинского населения Венгрии, главным врагом которого стали еврейские ростовщики, поддерживаемые венгерским правительством. Ответом русин на сложившееся положение стала их массовая эмиграция в США²⁵. Однако автор видела и некоторые плюсы отсталости русин. Они смогли, по мнению Е. Витте, избежать мадьяризации школьного образования²⁶. Это утверждение не очень стыковалось с устоявшимися в России оценками развития образования у русин, которые традиционно подчеркивали, что Будапешт наступал на права русин в нарушение закона 1868 г., постепенно мадьяризируя русинские школы²⁷.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в популяризации и исследовании истории венгерских русин большую роль сыграли русины (украинцы) Австро-Венгрии, переселившиеся в Россию или посещавшие империю Романовых, а также российские подданные, имевшие тесные контакты с русинами Дунайской империи. Они «открыли» венгерских русин для российского общества.

В российской общественно-политической мысли произошел раскол в оценке этнической принадлежности русин Подкарпатской Руси. Здесь четко прослеживается два основных направления. Первое – русины – это часть единого русского народа. Второе признавало этническую близость русин к галичанам, то есть к украинцам Галиции и возможность формирования самостоятельного украинского этноса. Подавляющее число представителей российской политической и интеллектуальной элиты были убеждены в необходимости присоединения Подкарпатской Руси к Российской империи, что наряду с присоединением к России Галиции завершит процесс собирания «русских земель». Начавшаяся Первая мировая война стимулировала интерес к русинской проблематике, что привело к появлению множества интересных работ, в том числе такого историографического события, как публикация в 1916 г. в Париже книги Г.Д. Маврокордато «Описание Венгрии» незаслуженно забытой современными авторами. Август 1914 г. положил начало новому этапу в изучении русинской проблематики в России.

Примечания

¹ АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 40. Л. 28.

² Цит. по: *Seton-Watson H., Seton-Watson C. The Making of a New Europe. Seattle, 1981. P. 47.*

- ³ АВПРИ. Ф. 217 Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 40. Л. 27.
- ⁴ *Гильфердинг А.* Собр. соч. Т. 2. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868. С. 134.
- ⁵ *Добрянский А.Ф.* О современном религиозно-политическом положении Австро-Угорской Руси. М., 1885.
- ⁶ ОР РГБ. Ф. 231/IV. Л. 1.
- ⁷ Конгресс католиков в Венгрии и угорские русские. Письма из Пешта протоиерея *К.Кустодиева*. М., 1872. С. 37.
- ⁸ *Кустодиев К.* Из истории разочарований австрийских славян // Русский вестник. 1872. № 4. С. 379.
- ⁹ *Лантвеа Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 326.
- ¹⁰ *Головацкий Я.* О современном положении русских в Угрии // Славянский сборник. Т. 1. СПб., 1875. С. 58.
- ¹¹ *Головацкий Я.* Карпатская Русь (историко-этнологический очерк) // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 6.
- ¹² *Водовозова Е.Н.* Жизнь европейских народов. Т. III. Жители Средней Европы. СПб., 1883. С. 427.
- ¹³ *Головацкий Я.* О костюмах и народном убранстве руин или русских в Галичине и северовосточной Венгрии // Отечественные записки. 1867. Т. СХХL. Кн. 1, 2; Народные песни Галицкой и Угорской Руси / сост. Я. Головацкий. Ч. 1–2. М., 1878.
- ¹⁴ *Будилович А.С.* Об основных воззрениях А.И. Добрянского. СПб., 1901. С. 8; *Будилович А.С.* О необходимости включить всю Угорскую Русь в состав Российской империи. Харьков, 1917. С. 4.
- ¹⁵ *Будилович А.С.* О необходимости укрепления связей России с Червленной Русью // Галицко-Русский вестник. 1894. № 1. С. 12–13.
- ¹⁶ Галицко-Русский вестник. 1894. № 7. С. 7.
- ¹⁷ *Василевский Л.* Современная Галиция. СПб., 1900.
- ¹⁸ *Василевский Л.* Из Австрии // Русское богатство. 1896. № 7. С. 92–108.
- ¹⁹ *Василевский Л.* Венгерские «руснаки» и их судьбы // Русское богатство. 1914. № 3. С. 375.
- ²⁰ Северокавказский край. 1913. № 300. С. 3; Северокавказский край. 1913. № 794. Приложение; Северокавказский край. 1913. № 796. С. 2.
- ²¹ Северокавказский край. 1912. № 432. С. 2.
- ²² Кавказ. 1914. № 35. С. 2.
- ²³ Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. III. СПб., 1914. С. 93.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Витте Е.* Путевые впечатления с историческими очерками. Словачина и Угроты. Почаев, 1909. С. 73.
- ²⁶ Там же. С. 74.
- ²⁷ Школы Венгрии. М., 1907. С. 6–7.

А.Н. ПТИЦЫН

АВСТРО-ВЕНГРИЯ И РОССИЯ: МАСШТАБЫ И СТРУКТУРА ДВУХСТОРОННЕЙ ТОРГОВЛИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии взаимоотношения двух великих европейских держав – России и Австро-Венгрии – изучались преимущественно в русле дипломатической истории. В то же время, другие аспекты двухсторонних отношений, особенно социально-экономические, оставались на периферии исследований. Более того, вследствие увлеченности исследователей внешнеполитической проблематикой взаимоотношения двух стран рассматривались лишь с одной точки зрения – как противоборство двух империй, в то время как реально существовавшие отношения сотрудничества и взаимодействия по различным вопросам оставались в глубокой тени.

Между тем, торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Габсбургской монархией, несмотря на все сложности их политических взаимоотношений, развивалось весьма успешно. Этому способствовали следующие факторы: географическое положение двух соседних стран, наличие развитой системы транспортных и иных коммуникаций, интенсивно протекавшие процессы трансграничной миграции, существование тесного политического взаимодействия между двумя империями, развитие общественных связей и межкультурного диалога между их народами и,

наконец, интенсивное социально-экономическое развитие двух стран, создававшее предпосылки для их активного участия в международной торговле.

В то же время, на развитие двухсторонней торговли некоторые другие факторы влияли негативно. Так, в структуре их экспорта было много сходных товаров, которые находили сбыт на рынках третьих стран, но потребителей из сопредельной страны интересовали слабо. Россия и Австро-Венгрия остро соперничали на мировом рынке, в частности, при экспорте зерна, продукции животноводства, нефти, леса и некоторых других товаров. Особенно острая конкуренция между ними была на германском рынке, поскольку на долю этой страны приходилось до половины внешнеторгового товарооборота как России, так и Австро-Венгрии. Кроме того, активно соперничали они на рынках Турции, Персии и других восточных стран.

Определенные препоны для развития торговли создавали непростые политические отношения между странами, хотя, в целом, в те времена степень политического влияния на экономику была невелика. Например, накануне Первой мировой войны, несмотря на обострение внешнеполитических противоречий между двумя империями, двухсторонняя торговля, наоборот, переживала период интенсивного роста.

Правовую базу сотрудничества России и Австро-Венгрии в экономической области составляли: трактат о торговле и мореплавании от 2 (14) сентября 1860 г., определивший основные принципы экономического сотрудничества; торговая конвенция от 6 (18) мая 1894 г., введшая в торговые отношения двух стран «принцип наибольшего благоприятствования»; договор о торговле и мореплавании от 2 (15) февраля 1906 г., развивший основные положения предыдущих соглашений¹.

На мировом рынке Россия выступала как один из ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции и сырья и – одновременно – как один из основных импортеров промышленной продукции. Австро-Венгрия, как и ведущие западноевропейские государства, по отношению к России выступала в противоположном качестве. Не случайно наиболее активными сторонниками развития экономических связей с нашей страной являлись австрийские промышленники, крайне заинтересованные в завоевании обширного «восточного рынка сбыта»².

В этой связи следует обратить внимание на то, что Габсбургская монархия в рассматриваемый период делилась на две обособленные части – промышленно развитую Австрию (Цислейтанию) и преимущественно аграрную Венгрию (Транслейтанию). В торговле с Россией была в большей степени заинтересована Австрия, поскольку она могла поставлять на огромный российский рынок свои промышленные изделия и ввозить из России дешевые сельскохозяйственные продукты. Что касается Венгрии, то она сама была крупнейшим экспортером сельхозпродукции и конкурировала с Россией на рынках Австрии и третьих стран. Поэтому российско-венгерская торговля развивалась не столь интенсивно, как российско-австрийская, и ее объектами были отдельные товары, вызывающие особый интерес у другой стороны (например, венгерские вина или российская рыба).

Австро-Венгрия и Россия являлись важнейшими экономическими партнерами друг для друга. На рубеже XIX–XX вв. Габсбургская монархия занимала 5-е место среди внешнеэкономических партнеров нашей страны, после Германии, Великобритании, Голландии и Франции³. В свою очередь, Россия в тот же период занимала 4-е место среди внешнеторговых партнеров Австро-Венгрии, уступая Германии, Великобритании и Италии⁴. Однако в процентном отношении двухсторонняя торговля занимала гораздо меньшее место, чем торговля с главнейшими внешнеторговыми партнерами и, особенно с Германией.

В общем объеме российского экспорта доля Австро-Венгрии составляла: в 1890 г. – 4,4 %, в 1895 г. – 5 %, в 1900 г. – 3,7 %, в 1905 г. – 4,2 %, в 1910 г. – 3,4 %, в 1913 г. – 4,3 %. Доля же австро-венгерских товаров в российском импорте составляла: в 1890 г. – 4,3 %, в 1895 г. – 4,5 %, в 1900 г. – 4,3 %, в 1905 г. – 3,1 %, в 1910 г. – 3,2 %, в 1913 г. – 2,6 %⁵.

В импорте Австро-венгерской монархии доля России составляла: в 1891 г. – 4,3 %, в 1895 г. – 6 %, в 1900 г. – 5,2 %, в 1905 г. – 5 %. В австро-венгерском экспорте на долю нашей страны приходилось: в 1891 г. – 2,2 %, в 1895 г. – 3,5 %, в 1900 г. – 3,4 %, в 1905 г. – 3 %⁶.

Таким образом, значение России и Австро-Венгрии как торговых партнеров друг для друга было вполне сопоставимо. При этом для обеих стран несколько большее значение имел российский экспорт в Габсбургскую монархию.

Масштабы торговли между Россией и Австро-Венгрией и ее динамику иллюстрируют следующие данные.

Масштабы и динамика торговли между Россией и Австро-Венгрией в конце XIX – начале XX вв. (в млн руб.)⁷

Годы	1870	1880	1890	1895	1900	1905	1910	1913
Экспорт из России в Австро-Венгрию	14,1	32,5	30,2	34,5	26,6	45,7	49,7	65,3
Импорт в Россию из Австро-Венгрии	10,4	23	17,8	24,1	27	19,6	35	35,7
Объем товарооборота	24,5	55,5	48	58,6	53,6	65,3	84,7	101

Таким образом, товарооборот между двумя странами, быстро росший с середины XIX века, в последнее два десятилетия века стабилизировался, что было связано, прежде всего, с мировой экономической конъюнктурой, поскольку в то время ощущалось воздействие мирового аграрного кризиса, в результате чего цены на сельхозпродукты резко упали. Сыграли свою роль также переход правительств двух стран к протекционистской политике. Сказалось в определенной мере и ухудшение политических отношений между государствами. В первые годы XX в. объем двухстороннего товарооборота вновь начинает расти и почти удваивается к началу Первой мировой войны. Особенно впечатляюще выглядит рост торговли накануне Первой мировой войны. В целом, за 40 с лишним довоенных лет, товарооборот между двумя странами вырос в 4 раза (без учета инфляции, которая, впрочем, в тот период была сравнительно невысокой).

Следует отметить, что объемы российского экспорта в Габсбургскую монархию в рассматриваемый период почти всегда, и порой весьма существенно, превышали объемы экспорта из Австро-Венгрии в Россию (кроме двух лет – 1899 и 1900). Это объясняется, в первую очередь, экономической структурой двух стран. Промышленно развитая Австрия испытывала постоянную нужду в поставках продовольствия и сырья, которые могли обеспечить российские производители. Россия же в указанный период нуждалась, в основном, в импорте промышленных изделий и сырья для развития собственной промышленности. В этих сферах, однако, Габсбургской монархии приходилось выдерживать достаточно жесткую конкуренцию с высокоразвитыми западными державами – Германией, Великобританией, США, что далеко не всегда завершалось в ее пользу.

Особенно заметное превышение российского экспорта над импортом было достигнуто в первое десятилетие XX в. (почти в 2 раза). Таким образом, для нашей страны торговля с Австро-Венгрией была весьма выгодной. В Дунайской же монархии

постоянный отрицательный баланс в торговле с Россией периодически вызывал озабоченность политических и деловых кругов, однако изменить это положение, не меняя структуру двухсторонней торговли в целом, они не могли⁸.

Российский экспорт в Австро-Венгрию базировался на двух основных группах товаров – продовольствии и сырье. Эта структура, впрочем, была характерна для товарооборота России с европейскими странами в целом.

Главное место в российском экспорте в Дунайскую монархию занимали «жизненные припасы», т.е. продовольственные товары. Их доля в 1890 г. составляла 56 % от общего экспорта, в 1900 г. – даже 57 %, но к 1913 г. она снизилась до 49 %. Доля сырья и полуфабрикатов, стабильно составлявшая в конце XIX в. 37–38 %, к 1913 г. возросла до 47 %. Вывоз животных постоянно сокращался: в 1890 г. – 3,9 %, в 1900 г. – 3,7 %, в 1913 г. – всего 2 %. И, наконец, доля готовых изделий в последнее десятилетие XIX в. несколько возросла (с 2,1 до 2,5 %), а затем к началу Первой мировой войны сократилась до 1,3 %⁹.

В конце XIX столетия российский экспорт в Австро-Венгрии носил в значительной степени «зерновой характер», а в начале XX в. он стал базироваться на двух основных категориях товаров – зерновых и сырье. В 1900 г., например, стоимость вывоза хлеба достигала 43 % от стоимости всего экспорта в Австро-Венгрию. Большую часть этого вывоза составляли поставки пшеницы, второе место занимала кукуруза. В существенных объемах вывозились также рожь, ячмень, овес, просо, гречиха и отруби. Объемы российского зернового экспорта в Габсбургскую монархию сильно колебались из-за урожайности и мировой рыночной конъюнктуры. Ежегодный средний вывоз зерновых из России в Австро-Венгрию составлял (по пятилетиям): в 1881–1885 гг. – 13,8 млн пудов, 1886–1890 гг. – 9,6 млн пудов, в 1891–1895 гг. – 12,8 млн пудов, в 1896–1900 гг. – 15,4 млн пудов, в 1901–1905 гг. – 12 млн пудов, в 1906–1910 гг. – 12,6 млн пудов, в 1911–1913 гг. – 16 млн пудов. Рекордные цифры зернового экспорта были зафиксированы в 1894, 1898 и 1909 гг. – соответственно 27,7, 27,2 и 21,6 млн пудов. Стоимость зернового экспорта в рекордном 1898 г. составила 18,5 млн рублей¹⁰.

Помимо хлеба, Россия в больших масштабах вывозила в Дунайскую монархию картофель, бобовые культуры (горох, фасоль, бобы и чечевицу), семена технических и кормовых культур. При этом в списке стран-импортеров Австро-Венгрия занимала 2-е место по картофелю и 3-е место по бобовым культурам¹¹.

Австро-Венгрия также охотно импортировала из России сырье для текстильной и кожевенной промышленности. Большим спросом пользовались лен, пенька и пакля. Льна было вывезено в 1890 г. – 0,4 млн пудов, в 1900 г. – 0,6 млн пудов, в 1913 г. – 1,1 млн пудов (стоимостью 4,5 млн руб.). По объему вывоза растительного сырья Австро-Венгрия занимала 4-е место среди стран-импортеров, а российские поставки играли главную роль в ее импорте¹².

Одну из статей российского экспорта в Австро-Венгрию составлял вывоз животных. Устойчивый спрос существовал на российских лошадях: в 1885–1900 гг. их вывозилось в эту страну, в среднем за год, 2440 голов, в 1901–1910 гг. – уже 3260 голов. В 1906 г. было вывезено рекордное количество лошадей – 12587 голов¹³.

Вывоз рогатого скота в значительных масштабах осуществлялся из нашей страны в Австро-Венгрию до начала 1880-х гг., затем он был запрещен габсбургским правительством под предлогом угрозы эпизоотии. В дальнейшем, несмотря на все усилия российской стороны, вывоз рогатого скота так и не был возобновлен. Официальной причиной запрета продолжала считаться угроза эпизоотии, а фактической причиной являлась уступка австро-венгерского правительства своим аграриям, опасавшим-

ся российской конкуренции. Последнее признавал даже министр иностранных дел монархии в доверительной беседе с российским послом¹⁴.

В то же время, достаточно устойчивым спросом в Австро-Венгрии пользовалась продукция российского птицеводства. Эта страна занимала второе место, после Германии, по ввозу из России живой птицы, главным образом, гусей. На ее долю приходилась также половина российского вывоза птичьего пуха и пера. Наряду с Германией и Великобританией Габсбургская монархия являлась главным потребителем российских куриных яиц, причем австрийский рынок был полностью монополизирован российскими поставщиками. В 1896–1900 гг. Австро-Венгрия ввозила ежегодно, в среднем, 508 млн штук яиц (30 % российского экспорта), в 1901–1905 гг. – 584 млн штук (23 %), в 1906–1910 гг. – 677 млн штук (24 %)¹⁵.

Интересно, что в разгар Боснийского кризиса австро-венгерское правительство, чтобы оказать дополнительное давление на российские власти, ввело временный запрет на ввоз продуктов российского животноводства, на что те незамедлительно ответили повышением пошлин на австрийские лесоматериалы. Впрочем, после политического урегулирования кризиса ограничительные меры с обеих сторон были отменены¹⁶.

Австро-Венгрия также активно ввозила из России сахар, табак, кожи, шерсть, пушнину, рыбу ценных пород, красную икру.

С 1883 г. Россия начала масштабный вывоз в Австро-Венгрию нефти и нефтепродуктов. В этих поставках ведущие позиции занимал керосин. Уже в 1884 г. было вывезено 1,1 млн пудов нефти и продуктов ее переработки. В 1891 г. нефтяной экспорт достиг рекордной отметки в 10,96 млн пудов. Затем его масштабы начинают постепенно снижаться из-за того, что Австро-Венгрия развернула собственную нефтедобычу в Галиции. Среднегодовой вывоз нефти и нефтепродуктов составлял: в 1890–1894 гг. – 9,3 млн пудов, в 1895–1899 гг. – 3,8 млн пудов. С 1900 г. правительство Франца-Иосифа ввело высокие пошлины на российские нефтепродукты, чтобы защитить от конкуренции собственную нефтяную промышленность, что привело к дальнейшему существенному падению экспорта из нашей страны. В 1900 г. российский нефтяной экспорт сократился до 1 млн пудов, а затем упал еще больше¹⁷.

Кроме нефти, наша страна поставляла в Австро-Венгрию различные полезные ископаемые – железную и марганцевую руду, фосфориты и др. Масштабный вывоз руд приходится на первое десятилетие XX в. Так, поставки железной руды с 38 тыс. пудов в 1902 г. выросли до 3,2 млн пудов в 1907 г., а в 1912 г. они составили 2 млн пудов. Среди стран-импортеров российской железной руды Австро-Венгрия занимала 4-е место, туда шло около 10 % от общего объема ее вывоза. Еще большие масштабы имел экспорт марганцевой руды: если в 1902 г. ее вывоз составлял всего 0,8 тыс. пудов, то в 1907 г. – 3,9 млн пудов, а в 1912 г. – 7 млн пудов. Вывозился также лес, главным образом, необработанный: в 1902 г. его вывезено 4 млн пудов, в 1913 г. – 10,4 млн пудов¹⁸.

В структуре российского импорта из Австро-Венгрии ведущие позиции занимали готовые изделия, сырье и полуфабрикаты. Доля сырья и полуфабрикатов, составлявшая в 1890 г. 53 % всего импорта, сократилась к 1900 г. до 46 %, а к 1913 г. – до 42,6 %. Доля изделий, наоборот, возрастала: в 1890 г. – 36 %, в 1900 г. – 44 %, а затем она стабилизировалась. Ввоз «жизненных припасов» из Австро-Венгрии колебался в тот же период в пределах 11–13 %, ввоз животных был крайне незначительным¹⁹.

На рубеже XIX–XX вв. Австро-Венгрия занимала 3-е место среди стран-экспортеров различных машин в Россию. Стоимость ввоза австрийских машин в нашу страну уже в 1899 г. превысила 5 млн руб. В больших масштабах поставлялись сельскохо-

зяйственные машины, на которые был высокий спрос – сеялки, молотилки, косилки, жатки, культиваторы и пр. Так, четверть всех молотилок, ввозимых в это время в Россию, была произведена на австрийских и чешских заводах. В 1885 г. ввоз сельхозмашин из Австро-Венгрии в Россию составлял 87 тыс. пудов, в 1895 г. – 115 тыс. пудов, в 1900 г. – 138 тыс. пудов, в 1908 г. – 233 тыс. пудов, а в 1913 г. – 532 тыс. пудов. За первое десятилетие XX в. ввоз прочих машин австро-венгерского производства вырос со 127 до 209 тыс. пудов. Особенно заметный рост был характерен для ввоза паровых машин, электродвигателей и машин для обработки волокнистых веществ²⁰.

Огромным спросом у российских крестьян пользовались различные сельскохозяйственные орудия (косы, серпы, ножницы для стрижки овец и пр.), произведенные на австрийских заводах. Большая часть кос и серпов, использовавшихся в отечественном сельском хозяйстве в то время, были австрийского производства, поскольку собственных сельхозорудий производилось мало, и они были худшего качества. В начале XX в. 90 % ввозимых в Россию кос и серпов доставлялись из Австро-Венгрии. Их ввоз рос значительными темпами: в 1880 г. – 91 тыс. пудов, в 1890 г. – 144 тыс. пудов, в 1900 г. – 181 тыс. пудов, в 1913 г. – 242 тыс. пудов²¹.

В то же время, для австрийской металлообрабатывающей промышленности российский рынок имел исключительное значение – туда поставлялось до 75 % произведенных ею кос и серпов. Примечательно, что вопрос о таможенных пошлинах на косы специально обсуждался в феврале 1906 г. на заседании австрийского рейхсрата, посвященном ратификации торгового договора с Россией²².

В значительных масштабах ввозились и прочие металлические изделия (инструменты, изделия из жести и меди, проволока и т.д.). Здесь Австро-Венгрия занимала в начале XX в. 2-е место, уступая лишь Германии. Ввоз этих изделий из Габсбургской монархии составлял в 1901 г. – 209 тыс. пудов, в 1913 г. – 242 тыс. пудов²³.

Примечательно, что, несмотря на натянутые политические отношения между двумя странами, Австро-Венгрия широко поставляла в Россию различное вооружение и военные материалы: огнестрельное оружие, орудийные стволы, морские мины, оружейную сталь и пр. А знаменитый концерн «Шкода» в начале 1900-х гг. осуществлял поставки специальной стали для постройки российских броненосцев²⁴.

Россия активно вывозила из Австро-Венгрии, как и из других западных стран, продукцию металлургической промышленности. До конца XIX в. ввозились, в основном, чугун и железо, а затем – сталь. Так, ввоз австрийской стали с 1900 по 1908 гг. увеличился в 10 раз – с 84 до 879 тыс. пудов. В то время австрийские металлы и металлические изделия составляли в общем объеме российского импорта этих товаров около 25 %²⁵.

Заметную роль играла Габсбургская монархия в обеспечении российских потребителей продукцией химической промышленности, занимая 4-е место среди стран-экспортеров. Она также в значительных масштабах экспортировала в нашу страну каменный уголь и кокс. Ввоз австрийского кокса в 1890 г. составил 3,2 млн пудов, в 1900 г. – уже 13,4 млн пудов. В начале XX в. Австро-Венгрия занимала 3-е место среди экспортеров угля в Россию – после Великобритании и Германии – и боролась с последней за первенство в поставках кокса. Ввоз австро-венгерского каменного угля с 1903 г. по 1913 г. вырос более чем в 6 раз – с 0,9 до 5,6 млн пудов, ввоз кокса – на 30 % – с 14,5 до 20,7 млн пудов²⁶.

Заметное место в австро-венгерском экспорте в Россию занимали также «лесной товар», стройматериалы, сырье для текстильной промышленности, шерстяные и шелковые ткани. Большим спросом пользовались и «готовое платье», особенно дамские

наряды из Вены – одного из центров мировой моды. Россия активно импортировала из Австро-Венгрии бумагу и сырье для ее производства, а также различные предметы культурного назначения: книги, картины, ноты, музыкальные инструменты и т.д. По поставкам этих товаров Дунайская монархия занимала 2-е место после Германии. Такие же позиции она занимала по ввозу в Россию гончарных, фаянсовых и фарфоровых изделий. Кроме того, австрийские и чешские фирмы активно торговали предметами роскоши. Высоко ценились, например, изделия австрийских мебельщиков и богемских стекольщиков, ювелирные изделия и прочее²⁷.

Продовольственные товары составляли в австро-венгерском экспорте в начале XX в. около 15 %. Существенное место здесь занимал ввоз так называемых колониальных товаров, при поставках которых австро-венгерские фирмы выступали в качестве посредников (кофе, рис, апельсины и пр.). В больших объемах ввозились знаменитые венгерские вина. По ввозу вина в Россию Австро-Венгрия занимала третье место, уступая только Франции и Германии, однако размеры ее экспорта постепенно сокращались из-за иностранной конкуренции. В 1890 г. ввоз венгерских вин составил 64 тыс. пудов, в 1900 г. – 36 тыс. пудов, в 1910 г. – 21 тыс. пудов²⁸. В больших количествах из Австро-Венгрии ввозились также минеральные воды и различные фрукты.

Таким образом, торгово-экономическое сотрудничество России и Австро-Венгрии играло важную роль для обеих стран. Оно, безусловно, являлось взаимовыгодным. Габсбургская монархия была одним из рынков сбыта для продукции отечественного сельского хозяйства. Австро-Венгрия же получала из России по низким ценам необходимые ей продовольствие и сырье, и выгодно сбывала продукцию своей промышленности. Развитие двухсторонней торговли способствовало подъему национальных экономик, росту национального богатства обеих стран. Торгово-экономические связи России и Австро-Венгрии являются позитивным примером сотрудничества государств, разделенных политическими разногласиями.

Примечания

¹ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 1. СПб., 1902. С. 84–87, 95; Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пг., 1915. С. 1–4.

² Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VI/1. Wien, 1989. S. 588.

³ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1900 год. СПб., 1902. С. 54.

⁴ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1030. Л. 13.

⁵ *Изместьева Т.Ф.* Россия в системе европейского рынка. Конец XIX – начало XX вв. (Опыт количественного анализа). М., 1991. С. 165.

⁶ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1030. Л. 11–12.

⁷ Статистические сведения о внешней торговле России, представленные в графических изображениях на все-русскую выставку 1896 года. СПб., 1896. С. 54–57; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 55; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1913 г. Ч. 1. СПб., 1914. С. III.

⁸ Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VI/1. S. 620.

⁹ Статистические сведения о внешней торговле... С. 54–57; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. Табл. II; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. III.

¹⁰ Внешняя торговля России по странам назначения и происхождения товаров за 1881–1899 гг. Ч. 1. СПб., 1902. С. 2–3; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. 14.

¹¹ Австро-Венгрия. Вывоз и привоз главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884–1910 гг. СПб., 1912. С. 14.

¹² Обзор внешней торговли России... за 1890 год. Табл. IV; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. Табл. V; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. 24.

¹³ Австро-Венгрия. Вывоз и привоз... С. 24.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 155. Второй департамент. Оп. 408. Д. 656. Л. 10.

¹⁵ *Тыминский А.И.* Продукты птицеводства во внешней торговле России. СПб., 1912. С. 6.

¹⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 18. Д. 356. Л. 105.

¹⁷ Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 24.

¹⁸ Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. 19, 22.

¹⁹ Статистические сведения о внешней торговле... С. 54–57; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. Табл. II; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. III.

²⁰ Внешняя торговля России по странам... С. 62–63; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 44; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. Ч. 1. С. 49–51.

²¹ Обзор внешней торговли России... за 1880 год. С. 402; Обзор внешней торговли России... за 1890 год. Табл. III; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 43; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 47.

²² АВПРИ. Ф. 155. Второй департамент. Оп. 408. Д. 1. Л. 490 об.

²³ Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 47.

²⁴ АВПРИ. Ф. 155. Второй департамент. Оп. 407. Д. 978. Л. 1.

²⁵ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1908 год. СПб., 1910. С. 53.

²⁶ Внешняя торговля России по странам... С. 62–63; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. С. 36; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 42.

²⁷ Там же. С. 51–53.

²⁸ Внешняя торговля России по странам... С. 60–61; Обзор внешней торговли России... за 1900 год. Табл. VIII; Обзор внешней торговли России... за 1913 год. С. 39.

Т.Г. НЕФЁДОВА

ВЫБОРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 1919 г. и ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОГО КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

В современной российской историографии проявляется живой и вполне объяснимый интерес к проблемам становления демократических режимов. В этой связи изучается богатый опыт западных стран, имеется в виду и опыт германской истории веймарского периода, когда была предпринята первая попытка создания подлинно демократического строя на немецкой земле. Особо значимым представляется изучение конструктивного демократического опыта Веймарской республики, ее достижений. Ведь именно веймарская демократия, первая республика в истории Германии стала базой, фундаментом второй, Боннской республики – республики с укоренившейся и процветающей демократией. Вполне правомерным было бы говорить о преемственности первой и второй республик в истории Германии.

Функциональной опорой парламентской демократии в Веймарской республике являлась коалиционная система власти. Практика коалиционных действий, готовность политических партий к серьезным компромиссам, возможность поступиться партийными принципами для решения общенациональных задач стали ценным опытом веймарской демократии. Между тем в современной историографии до сих пор акцент делается на негативных сторонах коалиционной системы политической власти и не учитываются ее позитивные моменты. Представляется, что для Веймарской Германии с ее многопартийностью, где ни одна из политических партий не имела решающего большинства в рейхстаге, коалиционные правительства были той необходимостью, которая давала возможность сохранения республики и ее демократических властных институтов.

Соотношение сил между различными политическими партиями в послевоенной Германии определили выборы в Национальное собрание, состоявшиеся 19 января 1919 г. Их результаты явились достаточно неожиданными. За социалистические партии было подано рекордное число голосов – 45,5 %. Из 421 места в Национальном собрании Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) получила 163, собрав голоса 11 млн 509 тыс. немцев. Независимая социал-демократическая партия Гер-

мании (НСДПГ), за которую проголосовало 2 млн 317 тыс., имела 22 депутатских мандата. Буржуазные партии завоевали на выборах 54,5 % голосов и 236 мандатов. На втором месте вслед за СДПГ была партия Центра (ПЦ), сумевшая собрать голоса 5 млн 980 тыс. избирателей и располагавшая 91 местом в парламенте. Третьей по значимости силой в партийно-политическом спектре страны стала Немецкая демократическая партия (НДП), получившая поддержку 5 млн 642 тыс. человек и 75 депутатских мест¹. Таким образом, итоги выборов делали СДПГ самой сильной политической партией страны. СДПГ, которая до войны стремилась, но не имела даже перспективы участия в управлении государством, получила реальную возможность прихода к власти. Однако, анализируя результаты голосования, социал-демократы трезво расценили, что проведение чисто социалистической программы вряд ли возможно. 23 января «Vorgwärts» отмечала: «Если бы, 24 независимца (распределение мест в парламенте станет окончательно известно только на следующий день – Т.Н.) готовы были бы к позитивному сотрудничеству, совместная социал-демократическая фракция в Национальном собрании все равно не имела бы большинства. С другой стороны, социал-демократия настолько сильна, что образование большинства против нее вряд ли возможно. Остается попытка создать, – считала газета, – работоспособное большинство с буржуазными демократами, которые поддерживают республику, и программные заявления которых выдержаны в республиканском духе»².

Партийный орган СДПГ верно оценивал ситуацию. Исход выборов делал закономерным практику коалиционного правления. Рабочая партия проявляла в этом вопросе, пожалуй, наибольшую гибкость, несмотря на то, что в предвоенные годы германская социал-демократия традиционно оспаривала возможность образования совместного правительства пролетарской и буржуазной партий. Теоретик СДПГ К. Каутский в работе 1910 г. «Путь к власти» обосновывал неминуемый крах любого пролетарско-буржуазного коалиционного правительства значительными классовыми противоречиями между пролетариатом и имущими классами, которые никогда не позволят пролетариату «разделять власть в государстве с каким-либо имущим классом». Объяснения К. Каутского сводились к следующему: «Имущий класс всегда будет и должен требовать в своих интересах, чтобы государственная власть продолжала подавлять пролетариат. А пролетариат всегда будет требовать от правительства, в котором принимает участие его собственная партия, чтобы государственная власть поддерживала его в борьбе против капитала». Исходя из этого, Каутский полагал, что «пролетарская партия в буржуазном коалиционном правительстве всегда окажется соучастницей действий, направленных на подавление пролетариата, что вызовет его презрение к ней, и в то же время она всегда будет связана в своих действиях недоверием, проявляемым к ней ее буржуазными собратьями по блоку, что будет препятствовать какой бы то ни было ее успешной деятельности»³. Правда, оговаривая эту принципиальную позицию, Каутский признавал, что «мы... не революционеры во что бы то ни стало» и «не можем создавать исторические ситуации по своему усмотрению», «наша тактика должна согласовываться с ними». В начале 90-х годов XIX века в результате изучения современного положения он приходил к выводу, что обстоятельства «коренным образом изменились и у нас есть все основания считать, что мы вступили теперь в период борьбы за государственные учреждения и государственную власть»⁴.

Первый полноценный опыт работы в правительстве рейха СДПГ приобрела в ходе Ноябрьской революции, когда после проигранной Первой мировой войны и накануне подписания Компьенского перемирия 10 ноября 1918 г. был образован новый кабинет из представителей СДПГ и НСДПГ. Он назвал себя Советом народных

уполномоченных. Накануне партии подписали коалиционное соглашение, которое предусматривало сохранение на своих постах прежних буржуазных статс-секретарей. Полномочия революционного правительства были официально подтверждены собранием Советов рабочих и солдатских депутатов Берлина, которое состоялось в цирке Буша 11 ноября. СНУ сразу же объявило себя временным органом переходного революционного периода, заявило о приверженности идее народного парламента и намерении провести выборы в Национальное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права при пропорциональной системе выборов для мужчин и женщин старше 20 лет. Эта цель была четко сформулирована в «Обращении к немецкому народу»⁵ – первом программном заявлении нового правительства.

Коалиция между двумя партиями распалась в ночь с 28 на 29 декабря 1918 г., когда народные уполномоченные от НСДПГ вышли из состава правительства ввиду разногласий по поводу использования военной силы против мятежных матросов⁶. Эти места в правительстве были заняты социал-демократами Рудольфом Висселем и Густавом Носке. Таким образом, СДПГ единолично брала на себя государственную ответственность за сохранение парламентской демократии. Партийные лидеры сознавали, что решить эту задачу СДПГ сможет, выступая в роли «народной партии» левого центра и действуя в коалиции с буржуазными партиями. В этом убеждали итоги прошедших парламентских выборов в Национальное собрание. Правящая коалиция политических партий, созданная по результатам этих выборов, получила определение «веймарской коалиции» – по названию города, который по соображениям безопасности был избран местом заседания Национального собрания. Она включала представителей трех крупных политических сил – СДПГ, Центра, НДП и располагала твердым большинством в парламенте (329 депутатских мест из 421). Ни одному правительству Веймарской республики не удастся получить в будущем такой прочной политической опоры.

Позитивное отношение политических партий к парламентско-демократическому государству, отрицание ими диктатуры пролетариата, приверженность республиканской конституции стали основой коалиционной политики. Образование правительства было поручено рейхспрезидентом социал-демократом Фридрихом Эбертом, избранным на этот пост 11 февраля, лидеру СДПГ Филиппу Шайдеманну. Первые предложения о создании правительственной коалиции были сделаны Немецкой демократической партией. 1 февраля начались переговоры между парламентскими фракциями СДПГ и НДП об образовании парламентского большинства и формировании кабинета. По сообщению министра торговли Пруссии и председателя президиума НДП Отто Фишбека, сделанному на заседании президиума партии 4 февраля, их итогом было то, что «господа из СДПГ готовы принять наши предложения». При этом большинство членов президиума демократической партии настаивало на включении в состав будущей правительственной коалиции партии Центра «ввиду большой ответственности, которая ложится на нынешнее Национальное собрание и правительство»⁷.

В этот же день вопрос о формировании кабинета обсуждался в парламентской фракции СДПГ. На ее заседании после сообщения Ф. Эберта о начавшихся консультациях с демократами было принято решение о продолжении переговоров и сформулированы условия коалиции с буржуазными партиями: «Безоговорочное признание республиканской государственной формы, проведение финансовой политики с вовлечением имущества и собственности, реализация всеобъемлющей социальной политики и социализация созревших для этого предприятий»⁸.

В партии Центра свои представления о правительственной коалиции были высказаны во время заседания парламентской фракции 5 февраля. Меньшая ее часть счи-

тала, что социал-демократия одна должна нести государственную ответственность. Маттиас Эрцбергер, представляя мнение большинства и напоминая результаты выборов, убеждал, что «партия не может бросить на произвол судьбы своих избирателей», и высказывался за участие Центра в коалиции. Согласно решению парламентской фракции партия вступала в переговоры с СДПГ и НДП об участии в правительстве⁹.

Много проблем для коалиционных партнеров создавал вопрос об участии в правительстве Независимой социал-демократической партии. По словам демократа Конрада Хаусманна, в случае вхождения независимцев в правительство «речь об участии в нем Немецкой демократической партии вообще бы не шла»¹⁰. Дебаты по этому поводу на заседании парламентской фракции СДПГ 4 февраля закончились безрезультатно. Только на следующий день удалось прийти к соглашению о приглашении НСДПГ в правительственную коалицию при условии, что она признает Эрфуртскую программу и отказывается от путчистской тактики¹¹. Ко всеобщему облегчению 6 февраля это предложение было отвергнуто независимыми социал-демократами. Они заявляли, что не готовы участвовать в правительстве «пока республикой правят генералы»¹².

При принципиальной готовности партий к коалиции дальнейшие переговоры о ее создании были достаточно длительными. Проблематичной была кандидатура председателя Национального собрания. Порой казалось, что споры вокруг нее вообще приведут к срыву переговоров о формировании правительства. Особенно активными были возражения социал-демократов, которые считали невозможным пребывание на этом посту депутата от буржуазной партии. В итоге пришли к следующему компромиссу: председателем Национального собрания был избран глава старого рейхстага, депутат от партии Центра Константин Ференбах, зато социал-демократ Эдуард Давид, который уже занимал этот пост первые семь дней работы Национального собрания, должен был войти в правительство в качестве министра без портфеля¹³.

13 февраля президент Ф. Эберт передал послание председателю парламента о составе правительства. Его премьер-министром стал Филипп Шайдеманн – человек с богатой политической биографией. С 1903 г. он входил в состав социал-демократической фракции рейхстага, с 1911 г. – являлся членом партийного президиума, а с 1913 г. – сопредседателем (с Августом Бебелем) парламентской фракции СДПГ. В октябре 1918 г. в качестве статс-секретаря без портфеля входил в правительство Макса Баденского и был членом первого революционного правительства Совета народных уполномоченных. По воспоминаниям современников, многие личные качества этого политика делали его кандидатуру бесспорной на посту главы правительства. Его называли «практическим политиком», страстным оратором, мастером политической дискуссии, убежденным лидером со своей точкой зрения. Вместе с тем широко известны были его дипломатичность, склонность к компромиссу, последовательность, прагматизм¹⁴.

Шесть министров представляли СДПГ в правительственном кабинете. Рейхсминистр юстиции Отто Ландсберг – блестящий юрист, адвокат из Магдебурга, представитель правого, патриотического крыла в СДПГ. Он с 1912 г. был членом социал-демократической фракции рейхстага, с ноября 1918 г. – народным уполномоченным революционного правительства. Самая неоднозначная фигура в партии – военный министр Густав Носке – с 1906 г. избирался депутатом рейхстага, где специализировался по военным и колониальным вопросам, был первым из депутатов рабочей партии, кто принимал участие в инспекциях флота. Именно он (вместе с Р. Висселем) был введен в состав СНУ после выхода из него представителей НСДПГ 28 декабря 1918 г. и именно по его инициативе были созданы добровольческие корпуса, которые под

его верховным командованием подавили январское восстание 1919 г. в Берлине. Этот человек не был военным, но пользовался высоким авторитетом в войсках. По мнению генералитета, только он мог гарантировать лояльное отношение армии к государству после подписания Версальского договора. Рудольф Виссель – рейхсминистр труда – с 1909 г. был главой Генеральной комиссии профсоюзов, с марта 1918 г. – депутатом рейхстага, в декабре этого же года в качестве известного профсоюзного функционера включен в состав СНУ. Виссель был достаточно популярной фигурой в рабочем движении, считался сильным экономистом, имевшим научные публикации по социально-экономическим проблемам. Еще два социал-демократа – рейхсминистры Густав Бауэр, глава рабочего министерства, и Роберт Шмидт, руководитель министерства продовольствия, так же как и Виссель, были видными функционерами профсоюзного движения, опытными депутатами парламента. Бауэр, кроме того, имел опыт работы в правительстве М. Баденского. Там он занимал пост статс-секретаря вновь созданного рабочего ведомства и возглавлял его в Совете народных уполномоченных. Эдуард Давид, еще один социал-демократ в новом коалиционном кабинете, как уже упоминалось, был включен в его состав в качестве министра без портфеля. Уже с 1903 г. он избирался депутатом рейхстага от социал-демократической партии, считался известным специалистом по внешнеполитическим вопросам.

Партия Центра была представлена в новом кабинете тремя депутатами. Ключевой фигурой правительства был Маттиас Эрцбергер, депутат рейхстага с 1903 г., статс-секретарь в кабинете М. Баденского, руководитель немецкой делегации по перемирию. Он занимал пост министра без портфеля, и в его задачу входило проведение переговоров по заключению мирного договора. Два других члена кабинета от партии Центра Й. Белль – министр по делам колоний и Й. Гизбертс – министр почт играли в правительстве второстепенную роль.

Также три министра представляли в правительстве Немецкую демократическую партию. Авторитетной фигурой был министр внутренних дел Х. Пройс. Правда, его роль в правительстве была ограничена, поскольку Х. Пройс напряженно работал в Конституционном комитете, как правило, не присутствовал на заседаниях кабинета, где его представлял статс-секретарь Г. Готхайн. Он вошел в правительство в качестве министра без портфеля, а с 21 марта 1919 г. после выделения Имперского казначейства в отдельное ведомство и возглавил его. О. Шиффер – рейхсминистр финансов, так же как и Б. Дёрнбург, сменивший Шиффера на этом посту после отставки его 11 апреля 1919 г., до вхождения в правительство были мало известными политиками, хотя также входили в число основателей демократической партии. Демократы к переговорам об образовании правительства привлекли графа У. Брокдорф-Рантцау, хотя он не был членом НДП. Профессиональный дипломат, он в январе 1919 г. по просьбе Ф. Шайдемманна и Ф. Эберта стал статс-секретарем Министерства иностранных дел с перспективой занять пост министра внешнеполитического ведомства в новом правительстве.

В состав кабинета в ранге министров, но без права голоса входили беспартийные военные: оберлейтенант Й. Кёт, который возглавлял Министерство демобилизации, военный министр Пруссии полковник В. Рейнхардт и глава Имперского морского ведомства вице-адмирал М. Рогге. Его после роспуска этого ведомства 27 марта 1919 г. заменил в кабинете контр-адмирал А. фон Трота, который возглавлял адмиралтейство.

Первое правительство «веймарской коалиции» отличали некоторые специфические черты. Во-первых, оно имело четкие, как отметили издатели «Актов германской рейхсканцелярии», математические пропорции: семь министерских постов принадлежали СДПГ, по три – Центру и НДП, один министр был беспартийным. Тем самым правительство было сформировано строго по принципу пропорционального представ-

вительства. Во-вторых, состав правительства, в котором подавляющее большинство его министров (12 из 14) уже имели опыт работы в кабинете М. Баденского или СНУ, призван был подчеркнуть преемственность нового правительства. Подразумевалось, что его члены – не выходцы из революционной стихии, а полномочные представители народа, демократическо-либеральной части общества, стремящейся к переменам. В-третьих, присутствие военных в правительстве, сохранение прежнего государственного аппарата должно было продемонстрировать опору нового кабинета на сложившиеся властные структуры, которые находятся под его контролем.

Правительственная программа «веймарской коалиции» исходила из необходимости создания сильной центральной власти для сохранения единства рейха и признания Национального собрания единственным носителем власти в государстве. В ней ставилась задача консолидации внутривластного положения, обеспечения «спокойствия и порядка»¹⁵. Зная об этой главной цели правительства, поразительным представляется тот факт, что революционные выступления германских рабочих, по существу гражданская война 1918–1919 гг., многочисленные забастовки, носившие перманентный характер и угрожавшие не только внутривластной стабильности, но и международному положению страны, очень мало отражены в протоколах заседания правительства. Вероятно, это можно объяснить тем, что характер решаемых вопросов, безусловно, сказывался на состоянии правительственной коалиции. В целях ее сохранения партнеры старались избегать обсуждения «горячих тем», к числу которых относилась тема рабочих волнений, а также экономическая и финансовая политика. Именно в этих сферах деятельности у социал-демократических и буржуазных коллег по кабинету были значительные расхождения во мнениях. Однако не это, главным образом, определило второстепенное место внутривластного проблем в деятельности кабинета Ф. Шайдемана. Все эти вопросы затмевала сложная задача послевоенного мирного урегулирования. Именно она стала приоритетной областью правительственных усилий.

После принятия новой Веймарской конституции и юридического закрепления в ней основ парламентского строя коалиционные партии продолжили усилия по налаживанию эффективной работы властных государственных институтов, прежде всего, правительства рейха. Первый опыт деятельности «веймарской коалиции» на уровне исполнительной власти можно считать достаточно успешным. Благодаря практике коалиционного правления в кризисные и даже критические периоды удавалось добиваться консолидации парламентской системы и решения тяжелейших проблем, что гарантировало возможность демократического развития страны. Лишь в исключительно неблагоприятных условиях мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. сохранить демократические достижения первой республики не удалось. Она пала не благодаря Гитлеру, а в результате небывалых потрясений начала 30-х годов XX в., закончившихся катастрофой 1933 года.

Примечания

¹ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich/ Hrsg. vom Statistischen Reichsamt. 1924/1925. Berlin, 1925. S. 388–389; Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte / Hrsg. u. Bearb. H. Michaelis u. E. Schraepfer. Berlin, 1961. Bd. 3. S. 245; Huber E.R. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte: In 6. Bd. Stuttgart, 1969. Bd. IV. S. 668.

² Vorwärts. – 1919. 23. Januar.

³ Каутский К. Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию). Славяне и революция. М., 1959. С. 30.

⁴ Там же. С. 75–76.

⁵ Vorwärts. 1918. 13. November.

⁶ Protokoll der Sitzung des Parteausschusses. Berlin, den 13. Dezember 1918. Berlin, o.j. S. 1; Deutsche Geschichte 1918–1933. Dokumente zur Innen und Aussenpolitik / Hrsg. W. Michalka u. G. Niedhardt. Frankfurt-am-Main, 1992. S. 43–44.

⁷ Verhandlungen der verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Bd. 352. Berlin, o. J. S. 5484. (Далее – Nat. Vers.).

⁸ Vorwärts. 1919. 23. Januar.

⁹ Nat. Vers. Bd. 352. S. 5492.

¹⁰ Hausmann C. Schlaglichter. Reichtagsbriefe und Aufzeichnungen. Frankfurt-am-Main, 1924. S. 276.

¹¹ Vorwärts. 1919. 6 Februar; Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschland, abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919. Berlin, 1919. S. 55–56.

¹² Severing C. Mein Lebensweg. Bd. I. Vom Schlosser zum Minister. Köln, 1950. S. 237.

¹³ Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten. Mit 22 Bildern. Zweiter Band. Dresden, 1928. S. 360.

¹⁴ Keil W. Erlebnisse einer Sozialdemokraten: In 2 Bd. Bd. 2. Stuttgart, 1948. S. 171; Brecht A. Aus nächster Nähe. Lebenserinnerungen 1881–1927. Stuttgart, 1966. S. 165.

¹⁵ Nat. Vers. Bd. 326. S. 48.

О.В. ТЕРЕХИНА

«МАСАРИК И РОССИЯ» В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-х гг.

Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) является, несомненно, центральной фигурой чехословацкой истории XX века. Он смог добиться признания и как литератор, и как философ, и как социолог, и как политик. Имя этого профессора философии Карлова университета в Праге стало известным в политических кругах еще в 80-е гг. XIX века. Являясь автором целого ряда книг по философии, социологии, истории и став одним из видных чешских идеологов, Масарик одновременно был и политиком-практиком.

В итоге именно в политической сфере его заслуги получили наивысшую оценку. Т.Г. Масарик вошел в мировую историю, прежде всего, как один из создателей независимой Чехословакии и первый президент Чехословацкой республики. Он пребывал на этом посту с 1918 по 1935 гг. и ушел в отставку в возрасте 85 лет по состоянию здоровья¹, превратившись для своих сограждан в символ независимости и демократии².

Но мировую известность ему принесла не только столь яркая политическая карьера, но и научная деятельность. В начале XX века Масарик в глазах своих современников был крупнейшим специалистом в области славянской проблематики. Его приглашали для чтения лекций в Чикагский университет, Санкт-Петербургский университет избрал его своим почетным профессором, к его мнению прислушивался австро-венгерский парламент, во время Первой мировой войны и после нее с ним консультировались по вопросам государственного устройства восточноевропейских стран дипломатические представительства стран Антанты и американский президент В. Вильсон³.

Значительное место в научных и философских изысканиях Масарика занимала тема России, и российский материал часто служил для него основой в рассуждениях о самых разнообразных, нередко более широких, чем чешский, русский или славянский, вопросах. Причем Россия привлекала внимание Масарика-мыслителя, озабоченного проблемами современного ему общества, именно как часть этого современного мира, и даже обращение к историческим сюжетам должно было предоставлять материал для рассмотрения проблем современности.

В 1881 году впервые была издана защищенная в 1878 г. в Вене диссертация Масарика на соискание звания доцента «Der Selbstmord als soziale Massenerscheinung modernen Civilisation» («Самоубийство как массовое социальное явление современной

цивилизации»). И уже в ней Масарик использовал материал для анализа проблемы самоубийства, в том числе и российский. В 1889 году была опубликована его работа «Slavjanofilství Ivana Vasiljeviče Kirějevského» («Славянофильство Ивана Васильевича Киреевского»), которая должна была стать первой частью большого цикла, названного им «Славянские исследования». Этот труд, посвященный учению русского славянофила, был написан Масариком в период, когда он наиболее активно работал над решением чешского вопроса с точки зрения культуры, науки, образования.

На многие события и проблемы российской политической и культурной жизни Масарик активно реагировал на страницах газеты «Час» («Čas») – «Время». В 1891 году в статье «К русско-польскому спору»⁴ он не только обратился к проблеме сложных взаимоотношений двух славянских народов, но и рассуждал о национальной политике в Российской империи и о возможностях решения польского вопроса в сложившейся тогда международной обстановке. К теме внешней политики России и возможности решения чешских и австрийских проблем с российской помощью Масарик обратился в 1891 г. в своей речи в Страконицах, выдержки из которой и комментарии к ним были опубликованы в газете «Час»⁵.

В 1892 году была опубликована статья Масарика «Очерк о Ф.М. Достоевском», задуманная как рецензия на издание на чешском языке «Записок из Мертвого дома» и превратившаяся в восторженный отзыв о творчестве русского писателя вообще. В 1932 году с разрешения Масарика было предпринято переиздание этой работы⁶.

Кроме того, Масарик в 90-е гг. XIX в. использовал российский материал в своих работах, посвященных чешскому вопросу: Česká otázka («Чешский вопрос»), Naše pupější krize («Наш современный кризис»), Karel Havlíček («Карел Гавличек»). Российская тематика присутствует и в его книге «Otázka sociální» («Социальный вопрос»).

Но главной работой Масарика о России стал фундаментальный труд «Россия и Европа». История создания и многочисленных переводов этой книги представляет собой отдельный и очень любопытный сюжет. Отметим лишь, что первые два тома этого труда с подзаголовком «Исследование духовных течений в России» были впервые изданы в Йене в 1913 г. на немецком языке, а полное трехтомное чешское издание труда «Россия и Европа»⁷ увидело свет уже в 1996 году.

В настоящее время сочинение Масарика «Россия и Европа» представляет собой трехтомное произведение в четырех версиях. В первом томе содержатся краткий очерк истории России и разбор философии истории и философии религии П. Чаадаева, западников и славянофилов, А. Григорьева и А. Герцена. Второй том тоже посвящен анализу развития российской философии. В третьем томе Масарик обращается к литературно-философским проблемам и течениям, особое внимание уделив Ф.М. Достоевскому, которого, по сути, он считал центральной фигурой всего трехтомника.

К российской тематике Масарик обращался, будучи президентом Чехословакии, в своих работах «О большевизме»⁸, «Новая Европа»⁹, «Славяне после войны»¹⁰. Особое место здесь принадлежит двухтомнику «Мировая Революция»¹¹. Эта книга представляет собой воспоминания Масарика о событиях Первой мировой войны, о создании независимой Чехословакии. Естественно, что много внимания в «Мировой революции» было уделено событиям в России, непосредственным свидетелем которых Масарик был с осени 1917 по весну 1918 гг., его деятельности, связанной с созданием знаменитого чехословацкого корпуса. Но в этом произведении Масарик не ограничивался лишь изложением событий. Он вновь обращался к волновавшим его на протяжении всей жизни темам, в том числе к проблеме мессианизма, религиозному и славянскому вопросам, проблеме самоубийства. Здесь же Масарик объяснял позицию по отношению к России, которую он занял в годы войны.

Своими размышлениями и воспоминаниями, в том числе и российскими впечатлениями, президент Чехословакии делился с записавшими их К. Чапеком и Э. Людвигом. Оба позднее познакомили со своими записями Масарика и оба получили от него разрешение на их публикацию.

«Беседы с Масариком» Э. Людвиг были опубликованы в 1935 г. на немецком языке¹². Но гораздо большую известность приобрели «Беседы с Т.Г. Масариком» К. Чапека. Они создавались с 1926 по 1935 гг. и сначала четыре главы «Бесед» были опубликованы отдельно: первая, «Молодые годы», – в 1928 г., вторая, «Жизнь и работа», – в 1931 г., третья, «Мышление и жизнь», и четвертая, «Молчание с Масариком», – в 1935 году. В марте 1936 года эта книга была опубликована полностью, а в 2000 г. увидел свет русский перевод «Бесед с Т.Г. Масариком», осуществленный именно по этому изданию¹³.

Необходимо подчеркнуть, что о Масарике, в силу значительности периода его научной и политической активности, многогранности его деятельности и значимости его фигуры для истории Чехии, создана чрезвычайно обширная литература.

То, что этот яркий человек соединял в себе качества как политика, так и мыслителя, позволяет исследователям оценивать его как личность уникальную если не в мировой истории, то, во всяком случае, в истории государств Восточной Европы межвоенного периода¹⁴. Еще З. Неядлы подчеркивал, что Масарик был не только философом, практически применявшим свои теоретические познания, но и политиком, основывавшим свою политику на научном познании, на философии¹⁵.

Впрочем, в чешских научных кругах авторитет Масарика был велик еще до Первой мировой войны, и это нашло отражение в юбилейном сборнике статей, посвященном Масарику-ученому и опубликованном в 1910 г., то есть в год его шестидесятилетия¹⁶. И уже в этом сборнике внимание исследователей привлекла к себе, среди прочих, тема «Масарик и Россия». В статье К. Велеминского, основанной на материалах, вышедших из-под пера Масарика в 80–90-е гг. XIX в., юбиляр предстал перед читателями как самый смелый в Чехии пропагандист русского реализма и духовный сын Достоевского¹⁷. Впрочем, обращения Масарика к российской тематике получали достаточно высокую оценку еще в XIX в., например, от Г. Шауэра, статья которого о «Славянских исследованиях» Масарика впервые увидела свет в 1890 году¹⁸.

В межвоенной Чехословакии популярность Масарика была чрезвычайно велика, и до 1938 г. он воспринимался здесь как «отец страны», фигура поистине культовая. Ярким свидетельством тому могут служить многочисленные восторженные отзывы о личности и деятельности Масарика в сборниках, посвященных его 70-летнему и 80-летнему юбилеям.

Масарика прославляли как «президента-освободителя»¹⁹, «разум чешского освободительного движения»²⁰, «Первого Гражданина Чехословацкой Республики, Первого Рабочего нашего Государства, Первого Стража Просвещения, Первого Воина Мира»²¹. Конечно, столь красочные эпитеты во многом были связаны с тем, что содержащие их материалы посвящались юбилею действующего президента страны и были далеки от серьезного научного анализа. Но реальные заслуги Масарика в деле создания независимой Чехословакии действительно были очень велики, и это нашло отражение в научных публикациях 20–30-х гг. XX века²². В целом в межвоенной Чехословакии преобладала апологетическая литература о Масарике, хотя критическая линия тоже присутствовала²³.

Исследователи 1920–1930-х годов не обошли своим вниманием российские контакты Масарика и изучение им российской проблематики. Причем наибольший интерес из всех его посвященных России работ в научных кругах межвоенной Чехосло-

вакии вызвали два первых тома «России и Европы». Именно эта книга Масарика, по мнению чешских исследователей, была из всех его работ, изданных до Первой мировой войны, наиболее читаема в Европе, а объяснялась такая ее популярность, прежде всего, тем, что Масарик оказался лучшим из всех европейцев знатоком России.

Наиболее четко эту ставшую общепринятой для чехословацкой историографии 1920-х гг. XX в. позицию высказал в свое время Я. Гербен²⁴. В значительной мере репутация знатока России укрепилась за Масариком и благодаря появлению в 1925 г. его книги «Мировая революция» («Světová revoluce»), где тоже было уделено значительное внимание российской тематике.

В годы президентства Масарика было опубликовано множество книг и статей, в которых подчеркивался его интерес к России²⁵. Для подавляющего большинства из них общим стало основанное на высказываниях самого Масарика утверждение, что он занимал русофильскую позицию, но русофильство его не было «слепым», он любил Россию, ее народ и ее культуру, прекрасно сознавая при этом все недостатки российского общества и государства²⁶.

Из ряда написанных в общем хвалебном духе книг и статей стоит, пожалуй, особо выделить работу И. Горака «Т.Г. Масарик и славянские литературы», автор которой рассмотрел развитие взглядов Масарика от «Славянофильства Ивана Васильевича Киреевского» до «России и Европы»²⁷. Ценность этого произведения заключается в том, что Горак не только констатировал важность использования российской тематики для анализа взглядов Масарика вообще, но и наглядно продемонстрировал ее, например, сопоставив религиозные идеи Масарика с воззрениями Достоевского и Толстого.

Нельзя не отметить, что именно отношение Масарика к двум великим русским писателям стало самым популярным аспектом в теме «Масарик и Россия» для исследователей 20–30-х годов. Практически все обращавшиеся к проблеме «Масарик и Толстой»²⁸ непременно останавливались на их разногласиях по поводу «непротивления злу насилием», о которых подробно и неоднократно говорил и сам Масарик. Конечно, особый интерес вызывала тема личных встреч и переписки Масарика с Толстым, которая привлекала внимание не только чешских исследователей жизни и деятельности первого чехословацкого президента, но и представителей русской эмиграции. Из эмигрантских работ по этой теме представляют особый интерес статьи А. Павлова, который не только обратился к проблеме взаимоотношений Масарика и Толстого²⁹, но и провел серьезный сравнительный анализ их взглядов³⁰.

Эмигранты из России, нашедшие после революции приют в Чехословакии, уделили в своих исследованиях значительное внимание личности Масарика и, прежде всего, теме его отношения к России, особенно к русской культуре. Взгляды Масарика получили в их работах оценку, которая в целом была выдержана в духе, свойственном и чехословацкой историографии того времени. А в области славянского литературоведения близость приоритетных тем и оценок между чешскими учеными и представителями русской эмиграции была так велика, что М. Заградка, например, считает, что более точно следует говорить не о чешской и русской науке в Чехословакии того времени, а вообще о славистике, развивавшейся на территории Чехословакии в 20–30-е гг. XX века³¹.

Б. Соколов³², С. Завадский³³, П. Милюков³⁴, А. Павлов³⁵, давая высокую оценку взглядам и личности чешского мыслителя, подчеркивали его знание России и его русофильство, лишенное романтической увлеченности. Не ограничиваясь лишь проблемой встреч Масарика с Толстым, представители «русского зарубежья» внесли свой вклад в изучение российских контактов будущего президента и отражения его деятельности в российской периодической печати³⁶.

Значительная часть эмигрантов из России была о Масарике не менее высокого мнения, чем представители чешской науки и искусства, и это объяснялось как несомненными личными достоинствами этого ученого и политического деятеля, так и той ролью, которую он сыграл в знаменитой «русской акции» правительства Чехословакии. Именно в этой стране люди, покинувшие Россию, нашли не только приют, но и возможность получать образование, продолжать свою научную работу, заниматься творчеством, о чем много написано в последние годы как чешскими, так и российскими исследователями³⁷.

Русские эмигранты были благодарны Масарику как человеку, который «подошел к русскому зарубежному горю и нужде не только как сильный защитник и покровитель, но и как чуткий друг и ценитель»³⁸. Высоко оценивали эмигранты из России личность Масарика и в своих мемуарах³⁹.

Стоит ли удивляться, что резкая критика в адрес Масарика со стороны русских эмигрантов раздалась не в Праге, а в Париже. Вышедшая здесь в издательстве «Град Китеж» книга В. Лазаревского противостояла многому из того, что писалось в Праге. В предисловии к этому изданию В. Шульгин называл Масарика человеком, подвергшим Россию публичному бичеванию, и подчеркивал, что «писания профессора Масарика по поводу России заслуживают суровейшего отпора»⁴⁰. В. Лазаревский полемизировал в своей книге с «Мировой революцией» Масарика, считая недоказуемым положение, что правительство Российской империи не желало освобождения чехов и словаков от власти Австро-Венгрии⁴¹. Произведение «Россия и Европа» было, по его мнению, одним из лучших источников ознакомления со взглядами Масарика, причем источником, который никак не мог расположить в пользу своего автора ни одного русского патриота. Критика Лазаревским «России и Европы» носила более политический, чем научный характер, в качестве недостатков этой книги указывалось отрицание автором самодержавия и православия, что объявлялось проявлением германофильства⁴².

Совершенно иной характер носили статьи А. Павлова и Б. Яковенко. В них труду «Россия и Европа» была дана довольно высокая оценка, причем оба автора обратились именно к научному анализу идей Масарика. А. Павлов подчеркивал, что книга Масарика имела несомненные преимущества перед близкими по теме работами российских авторов, «Историей русской общественной мысли» Иванова-Разумника и «Историей русской интеллигенции» Овсяннико-Куликовского, благодаря тому, что он в не меньшей степени, чем к развитию русского, обращался и к развитию европейского мышления⁴³. Несомненное достоинство статьи Павлова состоит, на наш взгляд, в стремлении сравнить исследовательские методы Масарика с подходами к аналогичной тематике его российских коллег и современников. Что касается статьи Б. Яковенко, то он, давая «России и Европе» общую высокую оценку, отмечал и ее недостатки, прежде всего недооценку Масариком некоторых российских религиозных мыслителей. Яковенко подчеркивал, что «Россия и Европа» стала выражением философского кредо Масарика, а не только его взглядов на Россию⁴⁴.

Но наибольшее внимание как чешских исследователей, так и представителей русской эмиграции, в 1920–1930-е гг. XX в. привлекала тема «Масарик и Достоевский». Ей было посвящено множество публикаций, центральное место среди которых заняли работы И. Горака⁴⁵ и Я. Громадски⁴⁶. Такой интерес был вполне объясним, поскольку творчество Ф.М. Достоевского в анализе Масариком российской проблематики занимало особое место.

Статья Горака была интересна, прежде всего, тем, что давала наиболее полное на тот момент представление об эволюции взглядов Масарика на Достоевского, по-

сколькx ее автор имел доступ к рукописи неопубликованного тогда третьего тома «России и Европы». Он подробно останавливался на аналогиях между двумя мыслителями и пытался понять, как постепенно сходство все более отступало перед различиями.

Громадка также отметил, что взгляды Масарика на Достоевского претерпели с течением времени серьезные изменения, но этой проблеме он уделил существенно меньше внимания, сосредоточившись на анализе и сопоставлении идей Масарика и Достоевского как религиозных мыслителей.

Тема «Масарик и Достоевский» продолжала привлекать к себе внимание исследователей до конца 30-х гг.⁴⁷, причем нередко авторы различных статей возвращались к работам Горака и Громадки, стремясь то донести их идеи до широкого круга читателей, то завязать с ними дискуссию. Такой интерес к восприятию Масариком творчества Достоевского был связан как с заметным изменением с течением времени взглядов Масарика на русского писателя, так и с тем, что его размышления оказали влияние на более поздних исследователей. М. Заградка отмечает, например, что под влиянием работ Масарика, посвященных проблеме титанизма⁴⁸, А. Бем внес новые мотивы в свое осмысление творчества Пушкина и Достоевского⁴⁹.

Нельзя не отметить, что влияние и известность такой яркой личности, как Т.Г. Масарик, не ограничились лишь одной страной. Его работы, посвященные различным вопросам истории, философии, культуры, политики, неоднократно издавались в славянских странах, а также в США, Великобритании, Германии, Франции и других государствах⁵⁰. Об интересе к личности и наследию Масарика со стороны не только чешских, но и многочисленных зарубежных исследователей свидетельствуют работы, посвященные его жизни, идеям и книгам, выходящие в разных странах мира⁵¹.

Что касается чехословацкой историографии, то после 1938, 1948 и 1968 гг., под влиянием политических обстоятельств, имя Масарика несколько забылось. Первым драматическим поворотом в оценке личности и деятельности Масарика стал 1938 год. Именно тогда до предела накалились чешско-немецкие отношения, бывшие весьма сложными из-за проблемы немецкого национального меньшинства в Чехословакии⁵².

Масарик считался человеком, внесшим огромный вклад в разработку и реализацию чешской национальной идеи, и к тому же именно он с 1918 по 1935 гг. возглавлял государство, национальная политика которого не устраивала немцев. Поэтому неудивительно, что в оккупированной в марте 1939 г. Чехословакии о Масарике можно было говорить лишь в духе изданной в Германии книги Г. Зарнова, обвинявшего Масарика в «циничной фальсификации» истории борьбы чехов и словаков за государственную независимость и характеризовавшего его политику как гибельную⁵³.

И лишь после освобождения Чехословакии от немецких оккупантов Масарику начинает постепенно «возвращаться» его репутация выдающегося ученого и политика, а также знатока России⁵⁴.

Примечания

¹ Nejedlý Z. T.G. Masaryk. Praha, 1930; Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в н. XX в. М., 1984; Серапионова Е.П. Томаш Гарриг Масарик // Пленники национальной идеи. М., 1993.

² Beneš E. Věrní masarykovým idealum // Beneš E. Živý odkaz TGM. Projevy 1937-1947 г. Praha, 1997. S. 59; Beneš E. I v nove republice plnime veliký odkaz masarykuv // Beneš E. Živý odkaz TGM... S. 66.

³ Měšťan A. Masaryk on Tolstoj and Gorky // T.G. Masaryk (1850–1937). London, 1990. Vol. 3: Statesman and Cultural Force. S. 158; Порочкина И.М. Славянская проблематика в интерпретации Т.Г. Масарика – философа и политика // Т.Г. Масарик. К 150-й годовщине со дня рождения. СПб., 2000. С. 5.

⁴ Masaryk T.G. Ke sporu rusko-polskému // «Čas». 1891. Č. 14. S. 223–224, Č. 15, S. 236–240.

⁵ Z řeči říšského poslance T.G. Masaryka ve Strakonících // Čas. 1891. Č. 39. S. 623.

⁶ Masaryk T.G. Studie o F.M. Dostojevském. Praha, 1932.

- ⁷ *Doubek V.* Filosofie dějin - Rusko a Evropa III // Masarykův sborník VIII. Praha, 1993. S. 80; Ediční poznámka ke vzniku masarykova díla Rusko a Evropa // Masaryk T.G. Rusko a Evropa. Praha, 1996. D. III. S. 417.
- ⁸ *Masarík T.G.* О большевизме. Прага, 1921.
- ⁹ *Masaryk T.G.* Das neue Europa. Berlin, 1922.
- ¹⁰ *Masarík T.G.* Славяне после войны. Прага, 1923.
- ¹¹ *Masarík T.G.* Мировая революция. Прага, 1926. Т. I.; 1927. Т. II.
- ¹² *Ludwig E.* Gespräche mit Masaryk. Denker und Staatsmann. Amsterdam, 1935.
- ¹³ *Мартельянова В.* Примечания // Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 265.
- ¹⁴ *Hajek J.* Čim je pro nas T.G. Masaryk dnes // Masarykův sborník VII. TGM a naše současnost. Praha, 1992. S. 28–38; *Шерлаимова С.А.* Т.Г. Масарик и литература // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 254.
- ¹⁵ *Nejedlý Z.* T.G. Masaryk. Praha, 1930. Kn. I. S. 14.
- ¹⁶ T.G. Masarykovi k šedesátim narozeninám. Praha, 1910.
- ¹⁷ *Velemínský.* Slovanské studie Masarykovy // T.G. Masarykovi k šedesátim narozeninám. S. 42, 48.
- ¹⁸ *Schauer H.G.* О Masarykovych «Slovanskych studiich» // Masarykův sborník. Praha, 1925. R.I. S. 277–278.
- ¹⁹ *Odstrčil B.* T.G. Masaryk jako politik // Masaryk osvoboditel. Praha, 1920. S. 158.
- ²⁰ *Škrach V.* T.G. Masaryk. Praha, 1930. S. 31.
- ²¹ *T.G. Masarík.* Юбилейный сборник по поводу восьмидесятилетия со дня его рождения. Ужгород, 1930. С. 5.
- ²² *Krofta K.* Masaryk und unser politisches Programm // Masaryk – Staatsmann und Denker. Prag, 1930. S. 25–50; *Křepel F.* Der erfolgreichste Politiker Zentraleuropas // Masaryk – Staatsmann und Denker. S. 66–69; *Papoušek J.* Masaryk v Rusku // Masaryk osvoboditel. S. 213–232; *Sychrava L.* Masarykovo revoluční dílo na evropském zapade // Masaryk osvoboditel. S. 163–211.
- ²³ Подробнее см.: *Чиняева Е.В.* Чехословацкая историография об общественно-политической деятельности Т.Г. Масарика в н. XX в. // Вестник МГУ. Серия История. 1990. № 3. С. 15–21.
- ²⁴ *Herben J.* Tomáš G. Masaryk. Nástin životopisný // Masaryk osvoboditel. S. 81.
- ²⁵ *Fraenkl P.* Masaryk a literatura. 1930. S. 11–30; *Pitter P.* Chelčický, Tolstoj, Masaryk. Praha, 1930. S. 22–30; *Slavik J.* Methoda v knize Rosko a Evropa // Vůdce generaci. Praha, 1930–1931 D. II. S. 282–286; *Slavik J.* Masarykovo dílo Rusko a Evropa a bolševická revoluce // Slovansky přehled. 1930. Roč XXII. S. 100–105; *Papoušek J.* T.G. Masaryk und das Slaventum // Slavische Rundschau. 1930. № 3. S. 172; *Bidlo J.* Masarykovy studie Ruska // Sborník přednášek o T.G. Masarykovi. Praha, 1931. S. 161–175; *Zatloukal J.* Masaryk a Rusko. Brno, 1930. S. 3–24.
- ²⁶ *Doležal J.* Masarykova cesta životem. Brno, 1921. D. II. S. 95–106; *Černý A.* Masaryk a slovanstvo. Praha, 1921. S. 36–44; *Радль Э., Томаш Г.* Масарик. Его жизнь, общественная и научная деятельность. Прага, 1921. С. 67–75; *Herben J.* T.G. Masaryk. Praha, 1926–1927. D. I–III; *Weingart M.* Masarykovo slovanství a slovanská filologie. Praha, 1935. S. 10–29.
- ²⁷ *Horák J.* T.G. Masaryk a slovanské literatury. Praha, 1931.
- ²⁸ *Doležal J.* Masarykova cesta životem. D. II. S. 95–97; *Horak J.* Masaryk und die slavischen Literaturen // Masaryk – Staatsmann und Denker. S. 141–142; *Zatloukal J.* Masaryk a Rusko. S. 3–5.
- ²⁹ *Pavlov A.* T.G. Masaryk a ruská filosofie (L.N. Tolstoj, F.M. Dostojevskij a j.). Praha, 1936. S. 12–31.
- ³⁰ *Pavlov A.* L.N. Tolstoj und T.G. Masaryk // Wiener slavistischen Jahrbuch. 1955. B. IV. S. 68–82.
- ³¹ *Заградка М.* О деятельности русских литературоведов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1994. № 5. С. 85.
- ³² *Соколов Б.* Предисловие // Радль Э. Томаш Г. Масарик... С. 4–8.
- ³³ *Завадский С.В.* Жизнь и дело Т.Г. Масарика. Прага, 1925. С. 23–39.
- ³⁴ *Miljukov P.N.* Masaryk a Beneš. Praha, 1936; *Miljukov P.N.* Masaryk jako historik ruske inteligence // Vůdce generaci. D. II. S. 363–366.
- ³⁵ *Павлов А.* Т.Г. Масарик как философ демократизма. Прага, 1928. С. 3–10.
- ³⁶ *Vergun D.* Setkání prof. T.G. Masaryka s ruskými neoslavisty // Zahraniční rusové Československu. Praha, 1928. S. 137–140; *Медведецкий Г.* Т.Г. Масарик и его культурные связи с русскими учеными и писателями. Кошицы, 1930. С. 5–13; *Tukalevskij V.* Masaryk v ruskem tisku // Slovansky přehled. 1930. R. XXII. S. 105–111.
- ³⁷ *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11; *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4; *Заградка М.* Научные труды русского народного университета в Праге // Вопросы литературы. 1993. № 1; *Кишкин Л.С.* Русские эмигранты в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е гг.) // Славяноведение. 1995. № 4; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.) М., 1995; *Кишкин Л.С.* Русские эмигранты в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е гг.) // Славяноведение. 1996. № 4; *Кишкин Л.С.* Русские эмигранты в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы (1920–1930-е гг.) // Славяноведение. 1998. № 4; *Маслов В.* Назовите это чудом. Первая волна русской научной эмиграции в Чехословакии // Поиск. 2000. № 18.

- ³⁸ Из речи профессора А.С. Ломшакова – Председателя Объединения Русских Эмигрантских Организаций в ЧСР // Памяти Т.Г. Масарика. Прага, 1937. С. 9.
- ³⁹ *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность. М., 1966. С. 131–133; *Миллоков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 158, 161, 310; *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1992. С. 90, 145.
- ⁴⁰ *Шульгин В.* Предисловие // Лазаревский В. Россия и Чехословацкое возрождение: Очерк чешско-русских отношений. 1914–1918. Париж, 1927. С. 7–11.
- ⁴¹ *Лазаревский В.* Россия и Чехословацкое возрождение... С. 163.
- ⁴² Там же. С. 72–73.
- ⁴³ *Pavlov A.* Die Grundzüge von T.G. Masaryks Werk «Russland und Europa» // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. 1934. Bd. X. Heft 3–4. S. 518.
- ⁴⁴ *Jakowenko B.* Masaryk und die russische Philosophie // Festschrift T.G. Masaryk zum 80. Geburtstag. Bonn, 1930. Teil II. S. 105–119.
- ⁴⁵ *Horák J.* Masaryk a Dostojevskij. Praha, 1931.
- ⁴⁶ *Hromádka J.* Dostojevskij a Masaryk. Praha, 1931.
- ⁴⁷ *Чижевский Д.* Масарик и Достоевский // Центральная Европа. 1931. № 2. С. 87–92; *Бем А.* Масарик – критик Достоевского // Центральная Европа. 1932. № 8, 9. С. 424–431; *Eisner P.* Masaryk a Dostojevskij // Naše doba. 1938. S. 333–336; *Goetz F.* Dostojevskij a Masaryk // Vůdce generaci. D. II. S. 298–304; *Pavlov A.* T.G. Masaryk a ruská filosofie... S. 3–8.
- ⁴⁸ *Масарик Т.Г.* Мое отношение к Гёте // Науч. тр. рус. нар. ун-та в Праге. 1933. Т. V; *Masaryk T.G.* Moderní člověk a náboženství: moderní titanizmus // Naše doba. Roč. V. 1898.
- ⁴⁹ *Заградка М.* Научные труды... С. 344; *Заградка М.* О деятельности... С. 80–85.
- ⁵⁰ *T.G. Masaryk.* Bibliografie k životu a dílu I. Knižní a jiné samostatně publikované práce TGM. Praha, 1992.
- ⁵¹ *T.G. Masaryk.* Bibliografie k životu a dílu II. Knižní a jiné samostatně publikované práce o životě a díle TGM. Praha, 1994.
- ⁵² См. об этом: *Сератионова Е.П.* Чешские земли, чехи и немецкий вопрос (1918–1945 годы) // Славяноведение. 2000. № 5. С. 43–51; *Станков Н.Н.* Чехословакия, Германия и немецко-богемский вопрос в 1919 г. // Версаль и новая Восточная Европа. С. 187–210.
- ⁵³ *Zarnow G.* Masaryk – Benesch. Philosophen. Abenteurer. Staatsgründer. Dortmund; Berlin, 1939. Более подробно этот вопрос освещается в уже упоминавшейся статье: *Чиняева Е.В.* Чехословацкая историография об общественно-политической деятельности Т.Г. Масарика в н. XX в.
- ⁵⁴ *Jirásek J.* Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od roku 1894 do roku 1914. 1945. D. IV. S. 6–9, 98–114, 210–212, 243.

Т.И. ИВАНОВА

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДИАЛОГ»: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ (2001–2004 гг.)

Мысль, высказанная В. Брандтом почти четверть века назад, – «международное сотрудничество имеет слишком большое значение, чтобы его можно было доверить только правительствам», несмотря на произошедшие изменения, не только не устарела, но и приобрела еще большую актуальность. Одним из авторитетных институтов, способствующих расширению государственных и негосударственных форм взаимодействия России и Германии, является российско-германский форум «Петербургский диалог», который отметит в 2010 году свой десятилетний юбилей. Аналогом для него послужили германо-британские «Кенигсвинтерские встречи» (1950): открытый диалог гражданских обществ двух стран. В свою очередь, В. Путин на встрече в Веймаре в 2002 году предложил развивать германо-российские связи на основе «принципов и «духа Рапалло», предполагавших интенсивное взаимовыгодное межгосударственное сотрудничество.

1990-е годы XX века во многом стали рубежными для ФРГ и Российской Федерации, когда существенным образом изменилось их геостратегическое и внутреннее положение, послужившее основой для корректировки германской и российской внешней политики, которая не могла не затрагивать отношений между странами. Как по-казывает политическая практика, выстраивание двусторонних отношений, тем более

в новых условиях, достаточно сложный, а иногда и противоречивый процесс. Определенным образом это коснулось и российско-германских связей. Один из векторов влияния представляла позиция политических сил и общественности, исходивших из пессимистической оценки развития контактов между Германией и Россией, которая стремилась утвердить за ней место «сырьевой державы второго плана».

Другой вектор исходил от интеллектуального, политического и бизнес-сообщества, которое проявляло заинтересованность в развитии отношений между странами и ориентировалось на их преимущество, обусловленную историческими традициями, политическими и экономическими реалиями, прагматизмом, стремлением к культурному и духовному взаимопониманию.

В 1990-е годы германо-российские отношения переживали определенный спад. Но и в этих условиях получили развитие позитивные тенденции в сфере экономики, в установлении личных взаимоотношений между руководителями государств, а также в многосторонней деятельности Германно-Российского форума (1993 г.), придавшие динамику контактам двух стран. Так постепенно, с учетом новых условий, наполнялись более глубоким содержанием концепция и механизм германо-российских связей, как в целом, так и по отдельным направлениям.

К моменту открытия в 2001 году форума «Петербургский диалог» политическое и экономическое сотрудничество РФ и ФРГ «переживало определенный Ренессанс» и характеризовалось рядом важных моментов. Приход новых лидеров – канцлера Г. Шредера и Президента В. Путина, способствовал оживлению двусторонних связей. Положительным результатом стало постепенное встраивание их в европейскую и международную политику. В рамках европейской политики Россия для Германии заняла место важного партнера на постсоветском и восточноевропейском пространстве, в том числе и как поставщик энергоносителей – нефти и газа. В свою очередь, Германия стала играть существенную роль в многостороннем обмене мнениями между Россией, ЕС и НАТО. Для России Германия утвердилась в качестве важнейшего экономического, инвестиционного и кредитного партнера на Западе, своеобразных «ворот» в Европу, в мировую политику, международные организации и структуры.

Под воздействием этих процессов стал меняться и характер сотрудничества. Субъективный фактор дополнился независимой объективной необходимостью развития отношений между странами, которые все более приобретали стратегическую направленность, ориентируясь на достижение долгосрочных целей. Кроме того, германо-российское сотрудничество, начиная с 1998 года, заметно интенсифицировалось. Наряду с контактами на официальном уровне, активизировались межпарламентские и культурные обмены, а также связи субъектов Российской Федерации и земель ФРГ. На этом фоне получили дополнительный импульс и отношения на уровне гражданского общества, которые институировались в форум общественности «Петербургский диалог».

В статье, не останавливаясь на детальном анализе форумов, предпринята попытка рассмотреть концепцию и становление «Петербургского диалога» в 2001–2004 годах.

Свое название «Петербургский диалог» получил по имени города Санкт-Петербург, где он был впервые проведен 8–10 апреля 2001 года по инициативе федерального канцлера Германии Г. Шредера и российского Президента В. Путина, выдвинутой 25 сентября 2000 года в ходе встречи лидеров двух стран в Москве.

«Петербургский диалог» создавался «как широкий дискуссионный форум» для представителей различных сфер общественной жизни гражданских обществ России и Германии. В. Путин, выступая с приветственным словом перед участниками первого «Диалога» подчеркнул, что лидеры стран «пришли к общему пониманию о необ-

ходимости придать новое направление нашему сотрудничеству». Суть его состояла в признании важности не только контактов между официальными лицами, но и в признании важности контактов представителей общественности, ориентированных на «установление подлинно дружеских и плодотворных отношений между странами», постоянное обсуждение текущих и стратегических вопросов как общеевропейского, так и германо-российского взаимодействия. По мнению лидеров стран, в этом им виделось высокое предназначение российско-германского форума, как и в том, что «он станет своеобразной биржей идей и взаимопользных начинаний», интеллектуально насыщающих межгосударственное партнерство»¹.

Патронаж Президента России и федерального канцлера Германии над форумом, включая их активное участие в его работе, подчеркивали значение диалога, как для гражданских обществ, так и для руководителей государств, имеющих возможность для постоянного обмена мнениями по приоритетным международным и межгосударственным проблемам. В то же время «Диалог» не является официальными переговорами лидеров двух стран.

«Петербургский диалог» проводится один раз в год поочередно в России и Германии. В 2001–2004 годах состоялось 4 встречи по тематике, соответствующей основным тенденциям развития германо-российских отношений. Первая встреча была посвящена теме «Россия и Германия на рубеже XXI века. Взгляд в будущее». В 2002 году второе заседание «Петербургского диалога» на тему «Германия и Россия в условиях формирования нового мирового порядка» прошло в Веймаре. В 2003 году форум на тему «Германия и Россия в Европе» заседал в Санкт-Петербурге. В 2004 году «Петербургский диалог» под девизом «Россия и Германия – партнеры в процессе развития европейского сотрудничества» принимал Гамбург².

Согласно учредительным документам (декларации), цель «Петербургского диалога» состояла «в углублении взаимопонимания между Германией и Россией, дальнейшем развитии двустороннего сотрудничества во всех сферах общества, преодолении предрассудков во взаимном восприятии и, таким образом, дополнительном стимулировании связей между нашими странами». По мнению Г. Шрёдера, «...предрассудки из прошедшей эпохи будут еще долгое время преследовать нас и замедлять наше развитие ... необходимо скорее положить новое начало нашим отношениям в политической, экономической и культурной сферах»³.

Поэтому достижение основных идей «Петербургского диалога» связывалось с тем, чтобы мотивировать широкие круги общественно активных граждан России и Германии на поиск новых путей развития диалога гражданских обществ двух стран. В. Терехов, член Координационного комитета «Диалога», в интервью «РИА Новости» подчеркнул, что изначально «...имелось в виду подключить гражданские общества к процессу совершенствования, модернизации, стабилизации отношений между двумя государствами». Он особо отметил зарождение в рамках «Диалога» всевозможных идей, предложений, оценок, которые подпитывают общий запас идей по развитию и совершенствованию отношений между двумя государствами⁴.

Сообразуясь со своими целями, форум, ориентировался на равноправный интеллектуальный диалог общественности и специалистов двух стран. Поэтому его основной состав участников определяли видные деятели и представители молодых элит из области политики, экономики, СМИ, культуры и науки Германии и России. Чтобы форум действительно оправдывал свое название диалога, вводилась представительская квота – 50–60 человек от каждой стороны, приглашаемых Координационным комитетом. О важности диалога говорил на форуме и Г. Шрёдер. «Основой диалога является живой обмен – не только о том, что нас объединяет, но и обмен различными

мнениями. Всем значимым общественным группам должна быть предоставлена возможность для выражения в этом диалоге своей, специфической точки зрения. Чем плюралистичнее состав участников, тем выше успех такого мероприятия», подчеркнул он. Как позднее отмечалось на форуме в Гамбурге: «Особенность «Петербургского диалога» состоит как раз в том, что он сводит вместе людей, которым без него было бы не так просто встретиться – немецкого режиссера театра и российского банкира, доцента университета из Санкт-Петербурга и специалиста по социальным вопросам из Кельна»⁵.

Поскольку форум ориентировался на перспективу, взаимопонимание и преодоление стереотипов, то изначально и лидеры стран, и оргкомитеты обратили внимание на участие в его работе молодежи и поставили вопрос о том, что не менее 20 % участников должны составлять люди в возрасте 30–40 лет. На тот момент немецкой стороне, в отличие от российской, не удалось достичь этого показателя. Однако уже в Веймаре молодежная проблематика стала одной из ведущих, а в Гамбурге образовалась новая рабочая группа «Мастерская будущего».

В зависимости от обсуждаемых проблем, к работе «Диалога» привлекались новые участники. Процесс обновления протекал регулярно, что содействовало оживлению дискуссии. Интеграция в «Петербургский диалог» учреждений, участвующих в российско-германском диалоге, а также неправительственных организаций, обеспечила укрепление существующих структур сотрудничества. «Петербургский диалог» продолжал свою деятельность в течение года в рамках «Малого Петербургского диалога», дополнительных встреч рабочих групп в «узком кругу», «неофициальных» встреч представителей гражданского общества и в связи с практической реализацией его рекомендаций. Однако в прессе, да и в высказываниях первых лиц, отмечалось, что состав участников не всегда соответствовал идее форума, как диалога гражданских обществ, предполагавшей широкое представительство общественных и негосударственных организаций.

«Петербургский диалог» имеет определенную организационную структуру. С российской стороны оргкомитет возглавляли Б. Грызлов, М. Горбачев, а с марта 2009 г. его возглавил В. Зубков, первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. Немецким комитетом руководил известный журналист П. Бёниш. После его смерти в 2005 г. эстафету принял Лотар де Мезьер, бывший премьер-министр ГДР.

Назначение сопредседателем форума М. Горбачева было расценено как «возврат к горбачевским временам», которые характеризовались как «прорыв» в германо-российских отношениях. Думается, что этот шаг российского Президента, не только демонстрация преемственности, но и конкретное содействие закреплению и развитию уже достигнутого, причем на максимально широком фронте.

Управление «Петербургским диалогом» осуществляет независимый, формируемый на паритетных началах Координационный комитет, который «отвечает за планирование, тематическую подготовку и созыв «Диалога», обеспечивает его финансирование». В Координационный комитет входят по 10–15 видных деятелей общественной жизни из России и Германии, «назначаемых первоначально на три года и отражающих весь спектр предполагаемых участников «Петербургского диалога». Координационный комитет вправе кооптировать дополнительных членов»⁶. Заседания Координационного комитета проводятся поочередно в России и в Германии. Как правило, они приурочены к германо-российским консультациям на высшем уровне. В заседаниях принимают участие президент РФ и канцлер ФРГ (В. Путин в 2001–2007 гг., с 2008 г. Д. Медведев; Г. Шрёдер в 2001–2003 гг., а с 2006 г. А. Меркель).

Координационный комитет обеспечивает диалог и совместную разработку путей к созданию и развитию стабильного гражданского общества. Ежегодно, до начала работы форума, на совместном заседании координационных комитетов стороны подписывают протокол, в котором утверждаются ключевые параметры его деятельности. На этих заседаниях также нередко ведутся дискуссии по повестке дня или тематике секций, отражающие сложный процесс преодоления расхождений в позициях сторон и достижения взаимопонимания.

В каждой из стран действует постоянный секретариат. Секретариаты решают организационные задачи, связанные с «Петербургским диалогом» и заседаниями Координационного комитета. Немецкая сторона задачи секретариата возложила на Германо-Российский Форум, имеющий большой опыт организации диалогов и встреч между обществами Германии и России.

В 2001–2003 годах «Петербургский диалог» работал в форме открытых пленарных заседаний и закрытых рабочих групп, не принимая никаких решающих документов, поскольку «это общественная, а не политическая площадка». Первоначально при освещении работы секций не разрешалось прямое цитирование выступлений отдельных участников. Однако в Гамбурге, в отличие от первых встреч, «Петербургский диалог» полностью открылся». В результате у участников появилась возможность свободного выбора секций для обмена мнениями, а «рабочие группы перестали носить характер экспертных комиссий», что позволило существенно разнообразить формы встреч и дискуссий и демократизировать процесс общения.

Количество рабочих групп не фиксируется и определяется организаторами очередного форума накануне его проведения. На первом форуме в рамках «Диалога» действовало пять, в Веймаре уже шесть, а в настоящее время восемь рабочих групп: «Политика», «Экономика», «Гражданское общество», «Образование, наука и здравоохранение», «Культура», «СМИ», «Мастерская будущего» и «Церкви в Европе» (с 2007 г.), возглавляемых авторитетными сопредседателями с обеих сторон.

Также не существует и обязательного плана, который требует строгого выполнения. Как правило, на конференциях и заседаниях к обсуждению принимаются актуальные текущие проблемы, которые волнуют гражданское общество на тот момент. Например, в Веймаре главные темы рабочих групп: партнерство между городами, молодежный обмен, культурное сотрудничество, были инициированы общим интересом к ним со стороны граждан двух стран⁷. По итогам их работы Д. Альтхаус, премьер-министр Тюрингии, подчеркнул, что на заседаниях рабочих групп «были даны важные политические сигналы»⁸.

Как свидетельствует практика, именно, рабочие группы являются основной движущей силой «Петербургского диалога», поскольку в рамках их деятельности создаются инновационные проекты, способствующие развитию двусторонних отношений. В течение года при содействии групп проходят многочисленные тематические конференции и семинары. Значительная часть рекомендаций, принятых на форуме, реализуется на практике или становится основой для официальных соглашений между правительствами двух стран».

В финансировании «Петербургского диалога» участвует целый ряд политических и частных фондов, компаний России (ОАО «Газпром», Внешэкономбанк, компании «Роснефть» и др.) и Германии (фонды К. Аденауэра, Ф. Эберта, Ф. Бёлля, «Рургаз», министерство по делам печати и т.д.), а также правительство Российской Федерации и правительство Федеративной Республики Германии⁹. Проблема финансирования является одной из острых тем, которую решают оргкомитеты сторон. Поэтому она нередко связывается с вопросами эффективности работы «Петербургского диалога»

и оправданностью финансовых затрат. С другой стороны, в качестве критики, высказывается мнение об определенной «зависимости «Диалога» от инвесторов, вкладывающих в него средства. Обвинения в «лоббировании» обычно отклоняются, но принимаются меры к большей открытости процесса принятия рекомендаций и разработке проектов, отвечающих потребностям гражданских обществ.

Как показывает практика, деятельность «Диалога» постоянно находится под влиянием событий как международного, так и внутреннего порядка.

Первая Петербургская встреча двух лидеров началась с возложения венков на Пискаревском мемориальном кладбище. По сообщениям ТАСС, в Бонне предстоящее возложение уже назвали знаком проявления новой дружбы. Однако это не исключило сложных переговоров между канцлером Г. Шрёдером и Президентом В. Путиным по вопросу российского (советского) долга Парижскому клубу, на которых немецкая сторона проявила осторожность и отложила окончательное урегулирование проблемы. Этот факт был воспринят некоторыми российскими изданиями как провал «Петербургского диалога» и «отсутствие настоящего прорыва»¹⁰.

В Германии «отсутствие прорыва» СМИ связывали с тем, что «стремление к контактам на уровне гражданского общества не нашло отклика со стороны российских партнеров», поскольку в российской делегации отсутствовали представители этого общества, хотя для первого диалога эти вопросы оказались актуальными не только для российской стороны¹¹.

Концепция второго форума реализовывалась в условиях формирования новой структуры безопасности после 11 сентября 2001 года и оформления нового направления в российско-германских отношениях – совместного участия в борьбе с международным терроризмом. Наблюдавший за встречами в Веймаре западногерманский политолог А. Рар оценил западную политику Москвы как «пока еще весьма робкую и неполноценную», отражавшую тот факт, что «ориентация В. Путина на Европу все еще опережала «проамериканскую позицию российской элиты». Поэтому, по его мнению, России нужно было предпринять неординарные шаги, чтобы по-настоящему реализовать свою европейскую ориентацию¹². Решение этих проблем стало предметом очередных дискуссий рабочей группы «Политика». На форуме 2003 года эта ведущая секция предприняла попытку выработать более взвешенную оценку ситуации вокруг «мягкой оппозиции» России, Германии и Франции относительно действий США в Ираке, вызвавшую острую критику внешней политики Г. Шрёдера, включая и отношения с Россией¹³.

Открытие четвертого «Диалога» совпало также с острыми дебатами в бундестаге о российском направлении германской внешней политики. В объективе критики оказалась позиция Г. Шрёдера в чеченском вопросе, что явилось реакцией на трагические события в Беслане и отмену визита В. Путина в Германию. Не менее жесткие оценки «просчетам Путина» и политике Германии давались и в немецкой прессе¹⁴. В этой связи прошли содержательные дискуссии сторон в рамках темы «Россия и Германия в Европе. Взгляд в будущее» и в рабочей группе «Борьба против терроризма и ограничение гражданских прав», где выступил прибывший в Гамбург профессор Л. Рошаль, участвовавший в разрешении конфликта в Беслане¹⁵.

На предложение об отмене «Диалога», М. Горбачев заявил: «Мы работаем не в отрыве от реальности, а реагируем на все, что происходит в наших странах, в Европе и в мире». На заключительном пленарном заседании форума было принято заявление, направленное в Совет Европы и правительствам Германии и России, в котором его участники осудили терроризм в любых проявлениях и внесли предложение о принятии Конвенции по борьбе с терроризмом¹⁶.

В основе деятельности «Петербургского диалога» лежит не только обмен мнениями, но и, что важно, восприятие новых идей и реализация их в конкретных проектах, представляющих интерес для гражданских обществ России и Германии. Речь идет о тех рекомендациях, которые вносит форум в процессе общения. Дело в том, что проблемами германо-российских отношений занимаются на разных уровнях многочисленные государственные и общественные структуры. Как справедливо отметил Л. Ионин, приписывать все достижения в сближении России и Германии только «Диалогу» – наивно. Важно другое, что Координационному комитету удастся вовлечь эти институты как в диалог гражданских обществ, так и в процесс реализации своих рекомендаций. Алгоритм этого действия не сложен. Участники форумов по итогам обсуждения знакомят правительства и общества двух стран с мнением общественности по актуальным проблемам и предлагают им возможные варианты решения, направленные на улучшение российско-германских отношений. Заинтересованные структуры разных уровней подключаются к их реализации.

В 2001–2004 годах при содействии правительств удалось реализовать целый ряд гражданских инициатив и перспективных рекомендаций форумов, ориентированных на сближение гражданских обществ Германии и России. Большой блок рекомендаций был подготовлен рабочими группами «Экономика и бизнес», а также «Образование и наука». В частности, благодаря усилиям двух сторон, был создан Центр изучения Германии и Европы, координирующий сотрудничество в сфере образования, исследований и консультирования. Поддержку вызвала тема восстановления значения немецкого и русского языков для расширения прямого общения россиян и немцев, а также идея, высказанная Г. Шрёдером, по поводу создания в Берлине Русской академии, в качестве центра регулярных встреч и проработки новых идей. Другим положительным результатом явилось достижение согласия немецкой стороны на продление действия программы подготовки управленческих российских кадров в ФРГ до 2003 года¹⁷.

С целью прояснения и сближения позиций сторон в июне 2003 г. «Петербургский диалог» по инициативе секции «Средства массовой информации» организовал в Берлине обмен мнениями между российскими и германскими журналистами, а также с видными германскими политиками о взаимоотношениях власти и СМИ.

По рекомендации рабочей секции «Гражданское общество» в феврале 2004 г. с помощью Фонда имени Генриха Бёлля и российской «Коалиции общественных организаций по продвижению демократической альтернативной гражданской службы» состоялась конференция на тему «Альтернативная гражданская служба в России и Германии», имевшая широкий общественный резонанс. Секция «Культура» содействовала организации в 2003 и 2004 гг. Дней культуры России в Германии и Германии в России, а в 2005 г. – Дней памяти, которые стали важным ориентиром для развития культурного диалога между обществами.

По мнению российской и немецкой сторон, наиболее значимой гражданской инициативой «Петербургского диалога», своего рода прорывом, явилось подписание в 2004 г. межправительственного соглашения о сотрудничестве в сфере молодежной политики. Соглашение содержало два принципиально важных момента – учреждение новой организации для германо-российского молодежного обмена и обмена школьниками, а также усиленное стимулирование мероприятий с участием молодых немцев и россиян. Бюро, ответственные за координацию работы, были созданы в обеих странах в мае 2005 года.

Таким образом, в 2001–2004 годах «Петербургский диалог» смог занять свою нишу в развитии российско-германских отношений, выделив в качестве главного при-

оритета «живой обмен», «живую связь» между гражданскими обществами. При сохранении критического взгляда на реальность, собеседники, как выразился член немецкого Координационного комитета Г. Эрлер, «перестали указывать пальцем друг на друга..., а стараются общими усилиями найти ответы на очень непростые вопросы и вызовы нашего времени».

Безусловно, период становления показал также, что у «Петербургского диалога» существует немало проблем различного происхождения, глубины и характера. Одни из них связаны с организационными и финансовыми вопросами, «несоответствием между ожиданиями и результатами деятельности «Диалога». Другие являются следствием сохранения все еще существенных расхождений ментального характера, отсутствия четкого представления о специфике развития Германии и России, о критериях и способах достижения взаимопонимания, недостаточной активности основных слоев гражданского общества, наличия целого ряда других факторов, которые «тормозят реализацию важных инициатив».

Тем не менее, обе стороны признают важность сохранения и развития диалога, «как оптимального пути для преодоления разделяющих нас взаимных страхов и опасений, ложных стереотипов и предрассудков, сближения России и Германии во всех сферах общественной жизни и экономики, приобретающее особый смысл в условиях все более быстро меняющегося мира». Поэтому на вопрос: «Нужен ли Петербургский диалог?», ответом могут служить те многие позитивные результаты, которых он достиг к своему десятилетию. И это будет еще один повод вернуться к оценке его роли в сближении двух стран.

Примечания

¹ Путин В. Приветственное слово участникам российско-германского форума «Петербургский диалог». 09 апреля 2001 // http://euroasia.cass.cn/2006Russia/Russia/speech_Putin/2001/28518.htm.

² Форум «Петербургский диалог»: <http://peterburgsky-dialog.org/node/12/print>.

³ Global player глазами Герхарда Шрёдера. Экс-канцлер ФРГ Герхард Шрёдер размышляет о Путине, России и Европе. // Независимая газета. – 27 ноября. – 2006 // http://intranet.parliament.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=847&info_id=14074.

⁴ РИА Новости // <http://www.rian.ru/politics/20090629/175778421.html>.

⁵ Россия и Германия – партнеры в процессе развития Европейского сотрудничества. Гамбург, 9–10 сентября 2004 г.: http://www.petersburger-dialog.de/files/petersDialog_HH2004.pdf.

⁶ <http://peterburgsky-dialog.org/tseli>.

⁷ Петербургский диалог: раунд в Веймаре http://www.po-nemezki.ru/hallo_deutschland/newsletter/3/peterburgskii_dialog_raund_v_veiimare_226.html.

⁸ Д. Альтхаус. Отношения с Россией имеют стратегическое значение http://www.germany.allbusiness.ru/content/document_r_B420B6CF-0198-4699-AADD-90FACCA1B0.html.

⁹ Форум «Петербургский диалог»: <http://peterburgsky-dialog.org/tseli>.

¹⁰ <http://www.government.gov.ru/content/governmentactivity/presscenter/pressroundup/archive/2001/04/11/imported-article326.htm>.

¹¹ Ионин Л. Встреча в Веймаре: Диалог гражданских обществ пока не состоялся http://www.hse.ru/pressa/inter_polit/200209.htm.

¹² Рар А. Германия и Россия в заново складывающемся миропорядке после событий 11 сентября. Наблюдения на Втором российско-германском форуме «Петербургский диалог» в Веймаре // Вестник Аналитики. 2002. № 8.: http://www.isoa.ru/articles.php?binn_rubrik_pl_articles=228.

¹³ Шаталин В. Не расколел ли Петербург Европу?: 11.04.2003, <http://www.dw-world.de/dw/article/0,830239,00.html>; Интервью посла России в Германии С.Б. Крылова ИТАР-ТАСС по российско-германским отношениям: 9.01.2004.: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/51966>.

¹⁴ «Диалог» без Путина. 10.09.2004: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,1323574,00.html>.

¹⁵ Диалог в Гамбурге. <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1237/10.html>.

¹⁶ Россия и Германия – партнеры в процессе развития Европейского сотрудничества. Гамбург, 9–10 сентября 2004 г.: http://www.petersburger-dialog.de/files/petersDialog_HH2004.pdf.

¹⁷ Форум «Петербургский диалог»: <http://peterburgsky-dialog.org/node/12/print>.

**ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАРИЙЦЕВ
МЕЖДУ ТЮРКАМИ И СЛАВЯНАМИ**

Этническая история того или иного народа обусловлена воздействием многих факторов. Среди них важное значение имеет этнокультурное и этнополитическое окружение.

Марийцы (черемисы) относятся к коренному населению лесной зоны Восточно-Европейской равнины. Они проживают в основном на берегах реки Волги в среднем ее течении, захватывая небольшую территорию на правобережье близ устья реки Суры, а главным образом по левобережным притокам Волги – Ветлуге, Большой и Малой Кокшагам, Илети, а также в среднем и нижнем течении реки Вятки.

Численность народа, по материалам первой Всероссийской переписи (1897 год), составляла 375,2 тыс., по последней Всесоюзной переписи (1989 год) – 670,8 тыс. человек (в том числе в РСФСР 644 тыс.), по Всероссийской переписи 2002 года – в РФ 604 тыс.¹.

Общие отдаленные предки марийцев и других угро-финнов, как предполагают ученые, пришли на Восточно-Европейскую равнину с востока и юга. Но марийский народ с присущими именно ему этническими особенностями и чертами сформировался в основном на ныне занимаемой территории. Поэтому правомерно считать, что марийцы являются коренными, автохтонными жителями Среднего Поволжья. Но их формированию предшествовала на этой территории многотысячелетняя история первобытных людей.

В глубокой древности, когда происходило заселение и освоение человеком Восточно-Европейской равнины, территория современного Марийского Поволжья представляла собой приледниковую зону и частично даже была занята самими ледниками. При их таянии образовалось обширное море, занимавшее низменные равнины, куда вклинивались северные отроги Приволжской возвышенности на правом берегу Волги. Они были покрыты обильной растительностью, представлявшей собой хороший корм для древних диких животных, характерных для ледникового периода (мамонты, шерстистые носороги, олени и т.д.). В погоне за ними сюда проникали группы первобытных охотников с юга.

Именно так началось заселение данной территории. Разумеется, древнейшие обитатели приледниковой зоны – бродячие охотники на мамонтов – этнически не могут быть идентифицированы. К тому же, имеющийся археологический материал не позволяет судить о преемственности населения на протяжении последующего длительного исторического отрезка времени.

С постепенным освобождением от воды и левобережная равнина становилась пригодной для обитания человека. Стоянки первобытных людей эпохи мезолита свидетельствуют о том, что они оставлены не бродячими охотниками, а людьми, перешедшими к оседлости. Население, следовательно, не только численно возрастало, но и становилось более или менее постоянным, складывалась определенная преемственность культурных традиций, передаваемых от одного поколения к другому.

Конечно, и о населении этого периода нельзя говорить как о носителях конкретных этнических признаков, впоследствии проявившихся в марийском народе. В то же время археологи отмечают, что местные культурные традиции складывались от сложного переплетения черт, привносимых переселенцами как с юго-запада, так и с юго-востока (в языковом отношении предполагается, что первые были предками

носителей индо-европейских языков, вторые могли относиться к урало-алтайской общности). О том, что Марийское Поволжье входило в контактную зону между Западом и Востоком, свидетельствует и антропологический тип населения, издревле сочетающий европеоидные и монголоидные черты. Исследователи полагают, что уже население мезолита имело определенные местные особенности, имевшие потенциальные тенденции преломиться в ходе эволюции в этнические признаки обще-финно-угорского (вернее – прауральского) свойства, характерные и для древних марийцев².

В новом каменном веке (неолите) и особенно во времена, когда стал использоваться металл (5–3 тысячелетия до н.э.), существенно увеличилась численность населения края, оно стало осваивать не только берега Волги, но и ее притоки и мелкие речки в глубине лесной территории.

Эти племена исследователи относят к древнему финно-язычному населению Поволжья и Приуралья, от которых уже отделились самодийцы и угры. Эти прямые предки марийского и других родственных народов испытали сильное влияние ираноязычных племен степного юга, большими массивами проникших в географический ареал финно-язычного населения и смешавшихся с местными лесными жителями. Это сказалось и в языке, и в антропологическом типе. С этим же связано и начало распространения металлических предметов, и развитие производящих видов хозяйства (земледелия, скотоводства). Археологические памятники около устья Суры и в Волго-Ветлужско-Вятском междуречье содержат смешанные черты культур пришлого и местного населения. Останки тогдашних обитателей этих мест указывают на смешанный антропологический тип, сочетавший европеоидные и монголоидные черты (с преобладанием первых). В этот период в язык предков марийцев и других родственных племен проникли иранизмы для обозначения названий металлов, домашних животных, сельскохозяйственных культур, многих отвлеченных понятий (типа «человек», «общество» и т.п.). Для характеристики зарождавшегося этнического идентитета важно заметить, что именно древнеиранское слово *mortjo* (человек) стало основой для самоназвания народа *мари* (с первоначальным, исходным значением *муж, мужчина, человек*)³.

Другие последующие этногенетические процессы здесь продолжались в медно-бронзовую эпоху в том же направлении. Для духовного мира складывавшегося смешанного населения стал характерен земледельческо-скотоводческий культ огня, привнесенный из индоиранского мира. На приволжских памятниках, остатках поселений, сохранились большие ямы жертвенных кострищ с большим содержанием костей диких и домашних животных; там же археологи находят ритуальные комплексы орудий труда. Обряды, связанные с поклонением огню и принесением животных в качестве жертв богам, стали впоследствии неотъемлемой частью языческого культа марийцев и других угро-финнов. Поклонение солнцу отразилось и в прикладном искусстве: солярные (солнечные) знаки в виде круга и креста заняли видное место в орнаменте финно-угорских народов⁴.

Конец первого тысячелетия до нашей эры для Марийского Поволжья характеризовался началом использования железа, причем в основном из местного сырья – болотной руды. Этот материал использовался не только для изготовления орудий труда, облегчая расчистку от леса земельных участков, обработку пашни и т.д., но и для изготовления более совершенного оружия. Войны становятся неотъемлемыми спутниками жизни людей рубежа тысячелетий. Среди археологических памятников этого времени большое место занимают укрепленные городища, защищенные от неприятеля валами и рвами⁵.

С охотничьим образом жизни связан сохранившийся культ крупных лесных зверей (лося, медведя) и водоплавающей дичи.

К рубежу нашей эры на основе смешения с местным первобытным населением различных групп людей, продолжавших мигрировать с востока и юга на берега Средней Волги, на Ветлугу и Вятку, образовались этнические группы, у которых археологи видят черты, по которым их можно определить как прямых предков марийцев (прамарийцев). Они, впрочем, тогда еще входили в общий массив волжско-пермской финноязычной группировки. Эта древняя этническая основа марийского народа подвергалась новым воздействиям, смешениям, передвижкам. Но при этом преемственность основных черт материальной и духовной культуры сохранялась и закреплялась: височные кольца, элементы нагрудных украшений, некоторые особенности погребального обряда и т.д.

Древние этнические процессы происходили в условиях расширения связей и взаимодействия с родственными и неродственными племенами. К началу новой эры, как полагают языковеды, уже произошло отделение предков прибалтийско-финских народов от волго-пермских. В Волго-Уральской зоне сложились две крупные историко-культурные общности, имевшие большое сходство: ананьинская (на основе которой впоследствии формируется азелинская культура) в Волго-Камье и городецко-дьяковская на Верхней Волге и Оке. Марийское Поволжье оказалось в контактной зоне между этими археологическими историко-культурными областями⁶.

С первых веков нашей эры шло формирование финно-угорских племен. В лесной зоне Восточной Европы из синтеза влияний Запада и Востока формировались своеобразные культуры (материальная и духовная), основные черты которых дошли до наших дней.

В социальном развитии это было время начала распада первобытно-общинного строя, складывания периода военной демократии. «Великое переселение народов» задело и племена, обитавшие на границе лесной зоны и лесостепи. Племена городецкой культуры под напором степняков продвигаются на север по Суре и Оке к Волге и выходят на левобережье, в Поволжье и оттуда на Большую Кокшагу. Одновременно с Камы и Вятки в район Большой и Малой Кокшаг проникли и азелинцы. В результате их соприкосновения и длительных контактов с участием более древнего местного населения произошли большие этнические изменения. Археологи считают, что в результате «взаимоассимиляции» городецких и азелинских племен во второй половине I тысячелетия сформировался древнемарийский этнос⁷.

Сформировавшиеся народы, кроме самоназвания, имели и названия, полученные от других народов. Многие средневековые восточно-европейские племенные образования перечислены в VI веке готским хронистом Иорданом, в том числе родственники и соседи марийцев: *merens* (меря), *mordens* (мордва), *tiudans* (чудь), *visi* (весь). В этом ряду есть загадочное наименование *imniscaris*, в котором некоторые исследователи видят искаженное название марийцев (черемис). Но достаточных оснований для этого не имеется, данное предположение следует признать большой натяжкой.

Достоверно известно, что первое упоминание о марийцах относится к середине X века (960 год): в письме хазарского кагана Иосифа в числе народов, плативших ему дань, упоминается «цармис»⁸ (впоследствии подобное название марийцев сохранилось в языках соседей: чувашском – *сярмыс*, татарском – *чирмыш*, русском – *черемис*).

В русских летописях «черемисы» впервые упомянуты в начале XII века. «Повесть временных лет», рассказывая о событиях «начальной» Руси IX века и соседях восточных славян во времена «призвания варягов» в 862 году, сообщала: «На Белеозере

седять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же. А по Оце реце, где втечет в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык»⁹.

Несомненно, «цармис» и «черемис» – одно и то же слово, но с различной огласовкой в разных языках. Попытки объяснения этого слова имеют длительную историю. Но убедительного решения вопроса до сих пор не имеется. Можно признать установленным, что вторая часть слова «мис» означает «человек» (в финском и эстонском языках – *mies*). Следовательно, первая часть должна отвечать на вопрос: какой? Ответы исследователями даются разные: воинственный, восточный, лесной, болотный, «из племени Сар (Чер)» и т.д. Таким образом, этимология слова, которым называли марийцев соседи, до конца не выявлена, вернее всего, она восходит к древнетюркской основе. Но при любом варианте объяснения ясно одно: оно изначально было нейтральным, не содержало ничего оскорбительного, уничижительного. Из приведенных многочисленных объяснений наиболее приемлемым представляется значение – *«лесной человек»*.

При этом самоназвание народа, как сказано выше, было всегда «мари», что восходит к изначальному значению «человек» и находится в одном ряду с такими этнонимами родственных народов, как «мордва», «мадьяр», «удмурт», «мурома», «меря», «мещера».

Ко времени сложения в основном древне-марийского этноса (вторая половина первого тысячелетия н.э.) относится фактическое прекращение тесных взаимосвязей с родственными финно-угорскими племенами (кроме ближайших соседей – мордвы и удмуртов) и установление довольно близких контактов с вторгшимися на Волгу тюрками (примерно с VII–VIII вв.), которые отсекали восточно-финские племена от ирано-язычных этносов. Марийский язык уже с того раннего времени испытал сильное влияние тюркского мира. Более монголоидным стал антропологический тип.

Материальная культура древних марийцев, имея специфические особенности, сохраняла определенную общность, сходство с родственными угро-финнами, но уже начала испытывать серьезное тюркское воздействие. На южных окраинах своей территории марийское население частично ассимилировалось с мигрировавшими сюда булгарами, частично вытеснялось ими к северу.

Разложение первобытнообщинного строя у древних мари шло замедленными темпами и не смогло завершиться оформлением на основе собственных внутренних закономерностей классового образования, феодализации, формирования собственного национального государства. Уже на стадии завершения своего этногенеза древние марийцы оказались объектом внимания, геополитических интересов и экспансионистских устремлений со стороны более многочисленных и сильных, лучше в военном отношении организованных и агрессивных соседей, находившихся в стадии пассионарного подъема, подверглись внешним завоеваниям, что повергло их в состояние обскурации (выражения Л.Н. Гумилева). Их покоряли хазары, волго-камские булгары, татаро-монголы. А с запада надвигалась и теснила славянская военно-торгово-колониционная экспансия. Но и в Хазарском каганате, и в Вожской Булгарии, и в составе Золотой Орды, затем Казанского ханства сохранялся марийский этнос, в то время как ближайшие его соседи-родственники – меря, мурома, мещера, чудь заволочская, да и западные группы древнемарийских племен, оказавшиеся в зоне интенсивной славянской колонизации, начиная с IX века, исчезли с лица Земли.

Ранее, видимо, весьма многочисленные, занимавшие значительную территорию, древние марийцы сжимались, теснимые с востока тюрками, с запада славянами. Та эпоха сохранилась в народной памяти, в устной истории, в легендах и преданиях о национальных героях, боровшихся за свою свободу и независимость родной земли.

Феодализация началась у марийцев в составе Волжской Булгарии, в рамках восточного феодализма. То есть имманентное, внутреннее социально-экономическое развитие марийского этноса было перекрыто внешним фактором, связанным с включением его в зону воздействия раннефеодального болгарского общества, затем – Золотой Орды и Казанского ханства.

В прежней историко-этнографической литературе было распространено представление о древних марийцах, вплоть до присоединения к России, как о полудиких охотниках и рыбаках. Материалы археологических раскопок последнего времени свидетельствуют о наличии у древних марийцев оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, металлообработки, в том числе ювелирного производства, развитых ремесел в сочетании с традиционными занятиями: собирательством, охотой, рыболовством, пчеловодством.

Истоки культуры марийского народа обусловлены особенностями материальной и духовной жизни первобытных племен, генетически предшествовавших формированию марийского этноса. Прежде всего, в своей основе это – культура жителей лесной зоны. Не только хозяйственные занятия и связанные с ними орудия труда и предметы материальной культуры, но и весь мир образных представлений древних марийцев, их традиции, менталитет были связаны с лесом, его обитателями, с деревьями. Дерево служило марийцу в сооружении жилища, изготовлении предметов и орудий труда, домашней утвари; ягоды и плоды диких растений, травы и корни занимали большое место в рационе питания даже после перенятия от южных индоиранских племен, участвовавших в марийском этногенезе, навыков земледелия и скотоводства. Охота, собирательство, рыболовство, бортничество (сбор меда диких пчел) – важные занятия древних марийцев, особенно в северных и северо-западных районах их обитания. В целом, хотя земледелие и скотоводство среди предков марийского народа, по археологическим данным, стали развиваться еще на стадии раннего металла (начало II тысячелетия до н.э.), у марийцев в период их этногенеза преобладал охотничье-рыболовецкий тип хозяйства. Это накладывало определенное воздействие как на материальную, так и на духовную культуру.

Древние языческие культы марийцев были тесно связаны с лесом, деревьями. Своим богам (Юмо) они молились в священных рощах (ото, кюсото). Самыми почитаемыми, священными деревьями у них были береза и рябина. Поклонение силам природы занимало центральное место в языческой религии древних мари. Они поклонялись солнцу, воде, ветру. В качестве тотемных животных почитались медведь, лось, водоплавающая птица. Анимизм и семейно-родовой культ соответствовали родовому периоду и присваивающему характеру хозяйства. С развитием производящих отраслей, земледелия и скотоводства они дополнились верованиями и ритуалами, связанными с сельскохозяйственным циклом.

В глубокой древности, как и у других народов, зародилось марийское устное поэтическое творчество. Опоэтизированное возвеличивание великанов-исполинов (Онар, Алым-патыр, Нэнчык-патыр), которых поэтическое воображение народа наделило исполинским ростом и огромной физической силой, олицетворяет преклонение перед трудолюбивыми предками, корчевавшими лес под пашню, осваивавшими речные долины и прибрежные склоны. Широко распространены легенды и сказания о родоплеменных богатырях, защитниках народа от чужеземных завоевателей. Чоткар, Чембулат, Акпатыр – любимые эпические герои, наделенные бессмертием и приходящие на помощь родному народу и после своей видимой смерти. Генетически они родственны сказочным героям народов Востока. Но в соответствии с суровой исторической реальностью марийские эпические герои получили трагический облик. На-

ряду с такими пассионариями, основная масса населения, видимо, уже тогда была поражена психологией непротивления, смирения, предпочитая уйти от военных конфликтов в глухие леса и болота, оставляя тюркам и славянам обжитые места. Родо-племенные богатыри перед решающими событиями умирают, и народ остается беззащитным. Умирая, они дают соплеменникам надежду, что в час смертельной для народа опасности они выйдут из могил и придут на помощь землякам. Но они оказываются вызванными из могил обманом (или из-за мальчишеского любопытства, или по злему умыслу предателей) и, обидевшись, не приходят на помощь во время решающих битв. Так марийцы оказываются покоренными.

Народное музыкальное творчество марийцев зародилось и развивалось на основе пентатоники (пятивучия), что было характерно для огромного географического пространства от Японии до Шотландии. От времен этногенеза и финно-угорской близости через века пронесены старинные музыкальные инструменты: тумыр (барабан), шувыр (волынка), различные трубы, карш или кусле (гусли).

Глубокие исторические корни и богатые традиции и эстетическую ценность имеют деревянная резьба и вышивка. Узоры вышивки сочетались с нашитыми раковинами каури с берегов Индийского океана¹⁰.

У древних марийцев высокого уровня развития получили ремесла: кузнечное, ювелирное, гончарное. В археологических памятниках найдены богатые наборы украшений из меди, бронзы и различных сплавов местного производства, а также предметы, произведенные в отдаленных южных и восточных регионах, что свидетельствует о развитых торгово-обменных связях¹¹.

Исторические взаимосвязи древних марийцев в период их этногенеза были главным образом ориентированы на соседние родственные финно-угорские племена. Но древние марийцы, оказавшись еще на заре своей истории в зоне политических интересов славянского и тюркского миров, рано потеряли свою самостоятельность и стали развиваться в системе раннефеодальной государственности других народов. При этом большая часть территории их проживания была подвергнута влиянию и воздействию тюркского Востока.

Вместе с волго-камскими булгарами и другими приволжскими и приуральскими племенами древние марийцы были покорены татаро-монгольскими завоевателями. Во время стремительного завоевания Батыем Волжско-Камской Булгарии и затем русских земель лесные районы финно-угров остались в стороне от продвижения монгольской конницы, но затем они тоже подверглись нашествию и разорению. Венгерский монах-путешественник Юлиан сообщал: «...они (татаро-монголы) напали на Ведин, Меровию, Пойдовию и царство морданов»¹². Эти земли непосредственно вошли в состав Золотой Орды, составляя там крайнюю северную периферию. Северные границы Золотой Орды не фиксировались точно, и поэтому можно полагать, что марийцы имели возможность пользоваться некоторой полусвободой, своеобразной «автономией». Золотоордынское «иго» ограничивалось в основном сбором дани руками местной феодализирующейся родо-племенной верхушки. Это было обусловлено не только удаленностью марийских земель от центральных районов Золотой Орды, но, прежде всего, географическими условиями лесной зоны, не пригодной не только для постоянного проживания кочевников, но даже для размещения каких-либо более или менее постоянных крупных воинских контингентов. Для удобства сбора дани и выполнения других повинностей край был разделен на даруги и беляки, а население стало делиться на десятки и сотни. Так появились новые социальные категории – тарханы, десятники, сотники.

Представители местной феодализирующейся знати, кроме сбора дани (ясака), обязаны были участвовать в военных походах золотоордынских правителей. Итальянский путешественник Плано Карпини, посетивший Золотую Орду, писал: «...Татары требуют от них (т.е. от покоренных народов.– К.С.), чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества»¹³. Так, например, в войске Мамаю во время Куликовской битвы упоминаются и «черемисы»¹⁴. Из летописи Ветлужского края известно также, что в 1394 году «узбеки» (имеются в виду посланцы хана Узбека) на Ветлуге собирали пригодных к военной службе черемис в ханское войско¹⁵.

Параллельно этому тоже в течение длительного исторического периода происходило вовлечение западных групп марийцев в зону русского влияния и владычества. Еще во времена Киевской Руси начался этот процесс. В «Слове о погибели Русской земли» сообщалось: «Буртаси, черемиси, вьда и мордва бортничаху на князя великого Володимера...» (т.е. поставляли дань медом). Великий Новгород осуществлял свой натиск на северо-восток, при этом в зону его господства попали и марийские земли в верховьях Ветлуги и в бассейне Вятки.

Продвижение русских на восток и северо-восток продолжалось и в период феодальной раздробленности Руси, и в период господства Золотой Орды. Костромское, Галичское, Нижегородское княжества включали в свой состав и земли, населенные марийцами. Особенно интенсивным было внедрение русского населения в междуречье Унжи и Ветлуги и в Поветлужье, населенное до этого, судя по археологическим материалам, марийскими племенами.

Нижегородский князь Константин «повеле русским селиться по Оке и по Волге и Кудьме». В конце XIV века к западу от Ветлуги, в «местности, населенной черемисами», упоминается русское село Разнежье. Тогда же в низовьях Суры был поставлен город Курмыш (этимология этого названия от марийского слова «курныж» (ворон) не вызывает сомнения). В связи с чем князь нижегородский Борис земли в нижнем течении Суры до ее впадения в Волгу со всеми лугами, озерами, бобровыми гонами подарил Благовещенскому монастырю. В отместку за это золотоордынский хан Арапша, считавший эти земли своими, вместе с вассальными мордовскими князьками «огнем пожгле» Засурье (в изложении русского летописца это – территории, находившиеся от Руси за Сурой, т.е. горномарийская сторона).

Известны летописные свидетельства о распространении власти Галичского княжества на ветлужских марийцев и присоединении Ветлужского черемисского княжества во главе с «кугузом» (*кугуза* – старший мужчина в роду, отсюда образовалось и слово *кугижа*, т.е. государь, царь) и что галичские князья в свое войско привлекали «чудь и луговую черемису». История этого «черемисского княжества» интересна в связи с тем, что она возникла на территории, равно удаленной как от русских княжеств, так и татарских владений, на землях, где власть тех и других была номинальной и лишь эпизодической, куда по-настоящему «не доходили руки» как тех, так и этих завоевателей. Это показывает, что внутренние этно-социальные силы марийского народа созрели для создания собственной национальной государственности с четкой этнической идентификацией, но он не мог реализовать эту возможность из-за внешних условий. Марийские «кугузы» Ходжа-Яралтем, Кай, Бай-Борода в течение длительного времени лавировали между русскими и татарами¹⁶. «Ветлужский черемисский князь» Кельдебек в начале XV века в союзе с казанцами и вятскими правителями боролся против проводников московской политики на Северной Двине, в Великом Устюге, успешно соперничая с Галичем и Костромой. Но к середине XV века княжество было ослаблено засухой, моровой язвой, эпидемией чумы, внутрен-

ними распрями, предательством части родо-племенной верхушки, принявшей христианство.

Со стороны Вятской земли шло продвижение русского населения вниз по реке Вятке. Как и везде в таком случае, сочетались мирные крестьянские переселения в районы с редким местным населением и военно-грабительские походы вооруженных отрядов. Ими были захвачены марийские укрепленные пункты Кокшаров (предположительно на месте нынешнего города Котельнича) и Кукарка (современный город Советск Кировской области). Не ограничиваясь вятским побережьем, ушкуйники совершали и более отдаленные походы. В 1374 году, например, они, «идучи, много сел по Ветлуге пограбиша»¹⁷. В марийских преданиях сохранились сведения о народных предводителях, возглавлявших сопротивление завоевателям.

Как и на Волге и Суре, на Вятке коренное марийское и удмуртское население становилось объектом военно-политического соперничества Руси и Золотой Орды. Сохранились многочисленные известия о взаимных опустошительных военных походах русских и татар, от которых, в первую очередь, терпело большой урон местное коренное население.

В процессе объединения русских княжеств вокруг Москвы в состав формировавшегося Русского государства вошли и некоторые марийские земли. Конкретно в данном случае речь идет о тех территориях, которые до этого уже входили в Галичское, Костромское, Нижегородское княжества, в Вятскую землю.

Большая часть марийской территории, входившая в состав Золотой Орды, при ее распаде в середине XV века оказалась в подчинении Казанского ханства. При этом западная граница этого государства фиксировалась по Суре и Ветлуге, а на севере, как и во времена Золотой Орды, она была неопределенной, но во всяком случае она проходила гораздо севернее нынешних пределов Марийской республики, вероятнее всего в районе города Котельнича.

Показательно, что Казанский летописец отмечает, что «худые болгары и черемиса» радостно восприняли образование сильной территориальной власти, способной защитить их в условиях непрерывных военных опустошений со стороны русских ушкуйников и различных бесконтрольных татарских отрядов¹⁸. В административно-фискальном, военном и религиозном отношении Казанское ханство для марийцев было прямой преемницей Золотой Орды. Если в зоне русского проникновения уже тогда христианизация (в первую очередь феодализировавшейся родо-племенной верхушки) занимала важное место в политике, то в Казанском ханстве, как и в Золотой Орде, была полная веротерпимость.

На длительный период установились отношения военного соперничества и противостояния за господство в Восточной Европе между двумя крупными феодальными государствами: Великим княжеством Московским и Казанским ханством. За 100 лет (с середины XV до середины XVI вв.) казанцы совершили более 30 походов на русские земли, столько же – русские войска на казанские земли¹⁹. Эти разорительные походы проходили по марийским и чувашским землям, производя большие опустошения. При неудачном исходе вылазки на русские земли и города вооруженные отряды казанских ханов на обратном пути грабили марийские и чувашские деревни, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками. Со своей стороны русские войска все территории восточнее Суры и Ветлуги считали неприятельскими и обходились с ними соответствующим образом. К тому же в ханских отрядах участвовали и марийские воины, обязанные нести военную службу. Поэтому московские войска, совершая походы на «Казанскую землю», не делали никаких различий в том, кого грабили и разоряли: татар или чувашей и черемис.

Непрерывные войны разоряли оба государства. Особенно от этих разорительных походов и взаимных опустошений страдали районы марийско-чувашского Поволжья, оказавшиеся между «молотом и наковальней». Поэтому население этих районов было кровно заинтересовано в том, чтобы военному противостоянию Москвы и Казани был положен конец.

В сложившихся условиях у значительной части народа выработалось мироощущение, означавшее осознание того, что марийцы не могли освободиться от гнета татарских феодалов, избавиться от нависшей опасности как русской, так и крымско-турецкой экспансии, бесчисленных военных опустошений и грабежей и создать свое независимое национальное государство. Это объяснялось не только их малочисленностью. Марийцы не имели политического центра и социальной силы, вокруг которых могли бы объединиться. Класс феодалов у них не сформировался, только шел процесс феодализации родо-племенной верхушки. И среди нее не было единства по отношению к Казанскому ханству. Часть ее представителей, в первую очередь среди горных мари, на берегах Волги, на территориях, близких к русским землям, ориентировалась на Москву, другая же часть, особенно в тех районах, которые находились близко от Казани, активно поддерживала ханскую власть. Тогда не могло быть и речи о создании национального феодального государства в Марийском крае, который находился на стыке двух крупных, сильных феодальных государств Восточной Европы. Следовательно, вопрос стоял только так: или оставаться в составе Казанского ханства, или войти в состав Российского государства.

Земли горных марийцев находились ближе к русским, чем луговых. Поэтому русское продвижение на восток раньше коснулось их. Еще в 1523 году в устье реки Суры на месте горномарийского поселения Цепель был воздвигнут город Васильсурск для усиления натиска на Казанское ханство. В связи с этим уже тогда близлежащие марийцы стали подданными московского царя²⁰.

В декабре 1546 года представители «горной черемисы» во главе с сотником Тугаем прибыли в Москву просить Ивана IV принять их под свое подданство и обещали помогать русским войскам завоевать Казань²¹. И действительно, в следующих московских походах против татар принимали участие и горно-марийские отряды. Об обращении горных мари в Москву с просьбой принять их в состав Российского государства рассказывается и в народных преданиях. В них говорится, что горные марийцы, стремясь освободиться от власти Казани, выбрали из своей среды наиболее уважаемых предводителей (мужанов) – Акпарса, Аказа, Ковяжа, Яныгита, послали их в Москву. И они просили Ивана IV принять марийский народ под свою руку. В предании рассказывается, что царь держал марийских послов около себя с большим почетом, одарил их ценными подарками и по их просьбе послал на Казань большое войско и что в этом походе участвовали и горномарийские отряды²².

Но в последующие три года походы московских войск были безуспешными, и царь Иван решил построить военную базу для натиска на Казань поближе к ней, в устье реки Свияги. Летом 1551 года это строительство началось. Уже на третий день после прибытия русских отрядов к устью Свияги к воеводам явились представители «горной черемисы», чувашей, мордвы, просили оформить окончательно их подданство и всячески помогали строить город, снабжали его продовольствием²³. В течение лета многочисленные делегации от жителей Горной стороны ездили в Москву, где их закармливали подарками, подкупая перед решающим наступлением. А самое главное, что получили горные марийцы и чуваша за свою покорность русскому царю – их на три года освободили от ясака²⁴. И когда следующим летом начался завершающий поход огромного русского войска, оно проходило по покорной земле, жители которой заго-

товили для московских воинов много «хлеба и скота», расчищали дороги, «на всех реках мосты мостили»²⁵.

Земли луговых марийцев («Луговая сторона» по русским летописям) оказались в иных условиях по сравнению с горным правобережьем. Они были расположены в непосредственной близости от центра ханства, связи их с Казанью были развиты сильнее. В 1551 году новая граница между Русским государством и Казанским ханством стала проходить по середине реки Волги, т.е. земли луговых мари остались под властью казанского хана.

Летом 1552 года Иван IV двинул на Казань огромное войско, в походе участвовали и отряды горных марийцев. В то же время луговые мари оказывали помощь защитникам Казани. Особенно это проявилось в том, что они стали нападать в тыл русским войскам, осаждавшим город. Иван IV направил часть своих войск, в составе которых были и «горные люди», на север от Казани «на многие места и велел воевати». Предпринятая военная операция сопровождалась жестокой расправой не только над вооруженными отрядами, но и над мирным населением, охватив территорию до 150 верст на север. Летописец писал: «И пошли воюючи и села жгучи... И быша убиения человеческая велика, и кровми поляся варварская земля; блага и дебри, озера и реки намостишася черемисскими костями». Во время похода было захвачено у мирных жителей и пригнано в русский военный лагерь «бесчисленное множество скота». Взятые в плен 12 «арских князей», 7 «черемисских воевод», 300 сотников и 5 тысяч простых воинов были казнены перед казанскими стенами для устрашения защитников города.

2 октября 1552 года после кровопролитных боев Казань была захвачена русскими войсками, Казанское ханство перестало существовать. Сразу же после победы Иван IV послал по улусам обращение к местным предводителям прибыть для принесения присяги. Летописи сообщают, что в последующие дни и недели из многих мест явились, чтобы присягнуть русскому царю, в том числе сообщалось о прибытии «с Луговой стороны черемисы». В некоторых местах присягнувшее население тогда же уплатило и ясак новым хозяевам²⁶.

Разгром Казанского ханства и приведение к присяге представителей Луговой стороны отнюдь не означали установления мира на этой земле. Уже в декабре 1552 года здесь вспыхнуло восстание местного ясачного населения. Марийцы части Луговой стороны, не уплатив ясак, перебили его сборщиков, соединились с жителями Арской стороны и вместе с ними направились к Казани. Высланные навстречу им отряды казаков и стрельцов были разбиты.

Так началось восстание, с марта следующего года переросшее в мощное национально-освободительное движение. Оно растянулось на 30 с лишним лет (с перерывами) и прошло три этапа, получивших общее название – «черемисские войны». Документальные свидетельства того времени ярко рисуют и общенародный размах национально-освободительного движения, и его переплетение с борьбой против жестоких, безудержных ясачных поборов, и жестокость карателей.

В 80-х годах XVI века были предприняты решительные шаги по усмирению мятежного края и упрочению в нем позиций Москвы посредством постройки новых военно-опорных пунктов. В это время были основаны «в Черемисе» города-крепости Козьмодемьянск, Царевкокшайск, Царевосанчурск, Яранск, Уржум, Малмыж. Города с самого начала были исключительно русскими. Марийцам не разрешалось в них селиться. Более того – они должны были освободить территорию вокруг городов в радиусе до пяти верст.

Эти события означали окончательное покорение Марийского края, установление и упрочение здесь административной власти Московского государства. Царизм с са-

мого начала проводил по отношению к марийцам политику национально-колониального гнета. Более того, само присоединение края сопровождалось неслыханными жестокостями и бесчинствами по отношению к местному (как к мятежному, так и к мирному) населению, которые были аналогичны синхронным «подвигам» испанцев в Америке. Это вызывало естественное возмущение, сопротивление завоевателям. «Черемисские войны» второй половины XVI века были национально-освободительным движением. Карательные экспедиции, подавляя его, руководствовались господствовавшими тогда моральными и юридическими нормами («прав тот, кто сильнее», «правда всегда на стороне победителя»), «воюючи и жгучи» все на своем пути. В ходе этих событий, в результате жестокого подавления сопротивления, численность марийцев, особенно в центральной части Луговой стороны, значительно (во всяком случае – не менее чем наполовину) сократилась. Это осталось незаживающей кровоточащей раной в исторической памяти народа, в его мировосприятии, фольклоре, самосознании.

Жестокость карательных экспедиций, насилие, которым сопровождалось насаждение нового управления, и навязывание чуждой религии, вызвали в массовом сознании покорившегося населения состояние духовной угнетенности, рабскую психологию униженности, собственной второсортности.

А под этим, в глубине народного сознания, сохранялась память о Болтуше, Мамич-Бердее и других героях, боровшихся и погибших за свободу.

Тогда же, со второй половины XVI века, началось бегство спасшихся от уничтожения карателями, но не покорившихся марийцев от все усиливавшегося царского гнета и начавшейся христианизации на восток, в Закамские, Башкирские земли. Отрываясь от основной этнической массы, переселенцы положили начало формированию этнографической группы восточных мари.

После присоединения марийцев и других народов Поволжья и Приуралья к Российскому государству их земли стали объектом русской колонизации – в первую очередь по берегам крупных и средних рек. Появились города-крепости с русским населением, окруженные также сельскими поселениями русских крестьян. Но в целом колонизационный поток как бы прошел сквозь этот многоэтничный и многоконфессиональный массив, растекаясь и устремляясь дальше в менее населенные места – по Волге в ее низовья или по Каме и ее притокам за Урал, в Сибирь.

Славянский мир продвинулся на эти территории и от тюркского юго-востока отгородился системой укрепленных линий, оставив у себя в тылу разноликое Поволжье и Приуралье. Это, конечно, не означало, что теперь мари, удмурты, мордва, да и чуваша (хотя последние и относились к тюркам, но были, как и первые, язычниками) полностью оказались под русским влиянием и воздействием. В политическом отношении – да, безусловно. Но в социокультурном отношении воздействие тюркомусульманского мира на языческие народы еще долго оставалось преобладающим.

Именно в связи с этим начала складываться российская государственная национальная политика, которая была направлена, в первую очередь, на ослабление татаромусульманского влияния в регионе, на установление русско-православного не только политического и экономического (через посредство внедрения «колониального феодализма»), но и религиозно-культурного господства.

Раннее попадание марийцев под чужеземное господство и нахождение в течение последующих веков под ним выработали у них психологический стереотип, что ими могут управлять только представители других народов. Насильственное насаждение чуждого лесным язычникам православного христианства, сопровождавшееся жестокими гонениями в отношении приверженцев традиционных верований, под-

рывало внутренний духовный стержень народа. Длительное время они сопротивлялись христианизации. Они понимали значение собственной национальной религии для самосохранения народа, воспринимали древнемарийскую религию как олицетворение этноса. Они говорили христианским миссионерам: «Нашу веру кончать – нас кончать».

Отдельные группы марийцев в восточных районах этнической родины и особенно среди восточных мари сохранили дохристианские языческие верования и стали называть себя «чимари», т.е. настоящие, истинные мари.

В связи с массовой христианизацией вместе с тем появились первые зачатки распространения образования среди марийцев. В целях подготовки попов-миссионеров из коренной национальности появилось национальное церковное обучение на родном языке, зародилась письменность для издания христианско-религиозной литературы. Священнослужители часто выступали одновременно в качестве учителей и первых литераторов, переводчиков, исследователей языка, культуры, обычаев родного народа.

После отмены крепостного права и буржуазных реформ в России во второй половине XIX века произошли значительные изменения в социально-экономической и духовной жизни марийцев, хотя общественные процессы у них, как и у многих других нерусских народов, в Российской империи развивались замедленно, марийцы оставались этносом с неполной социальной структурой.

Начало XX века характеризовалось проникновением в среду марийского населения освободительных, демократических, просветительских идей и настроений, появлением зачатков национального движения. Это происходило под воздействием российского освободительного движения и инициировалось силами молодой, начавшей формироваться национальной интеллигенции, которая поставила задачу возрождения родного народа.

Следует обратить внимание, что центром формирования марийской демократической просветительской интеллигенции был город Казань, Первые марийские интеллигенты были в основном выпускниками Казанской инородческой учительской семинарии, духовной семинарии и других учебных заведений города. В Казани в 1907 году стал издаваться первый литературно-художественный и общественно-политический ежегодник «Марла календарь». Развитие татарского общественного, культурного движения оказывало самое благотворное влияние на первых марийских интеллигентов, многие их начинания можно даже назвать явлениями, возникшими из простого стремления следовать примеру татарских просветителей.

Февральская демократическая революция имела огромное значение в этническом пробуждении малочисленных народов России, в том числе марийцев. Просветительская интеллигенция стала вести активную общественную работу, наметила обширную программу национального развития, стала катализатором народного самосознания. Большую работу по пропаганде родного языка, духовных ценностей и вообще по духовному возрождению родного народа проводила газета «Ужара», которая стала издаваться в Казани с 25 августа 1917 года.

Татарский город Казань в 1917–1918 гг. был центром национального пробуждения мари. Национальный съезд мари, состоявшийся в Казани в феврале 1918 года, поддержал Советскую власть. Съезд также принял важное, с точки зрения утверждения национального самосознания, решение: «Отменить существующее название народа мари «черемисы» ввиду его ненационального происхождения и заменить его исторически национальным именем «мари»²⁷.

В первые полтора десятилетия Советской власти национальное самочувствие марийского народа значительно укрепилось.

В 1930-х годах вся работа старой просветительской интеллигенции по национально-культурному и языковому строительству была расценена как «национализм», и первое поколение национально мыслящих интеллигентов и общественных деятелей было репрессировано. Культуре народа, его самосознанию был нанесен непоправимый урон²⁸.

В конце 1980 – начале 1990-х годов начали происходить изменения, обусловленные общероссийскими (общесоветскими) процессами демократизации. Тревога за будущность родного народа стимулировала возникновение национально-демократической организации культурной направленности – «Мари Ушем». Возрождение марийского национального движения во многом стимулировалось примером родственного эстонского народа, результативной деятельностью Народного фронта Эстонии. Большое значение имело формирование финно-угорского движения солидарности, объединившего восточные и западные финно-угорские народы. Но не менее значимым (если не преобладающим) было влияние соседнего татарского народа. Как отмечает составитель сборника о марийском национальном движении С.М. Червоная, «при всех этнических, языковых и конфессиональных различиях, которые, казалось бы, давно должны были развести марийцев и татар по разным берегам волжских притоков и даже сделать их врагами, соответственно замыслам творцов и исполнителей имперской политики по принципу “разделяй и властвуй”, на самом деле между Марийским краем и Татарстаном существовали теснейшие связи, у которых были свои глубинные исторические корни. Все духовные, культурные, политические импульсы, которые шли из Казани, очень чутко воспринимались в Марийском крае, позитивный опыт соседей, возбуждая естественную ревность, очень быстро усваивался...»²⁹.

Примечания

- ¹ Сануков К.Н. Марийцы: прошлое, настоящее, будущее. Йошкар-Ола, 1992.
- ² Происхождение марийского народа: материалы науч. сес. Йошкар-Ола, 1967.
- ³ Гордеев Ф.И. К вопросу о происхождении этнонима мари // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964. Вып. 1.
- ⁴ Соловьева Г.И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982.
- ⁵ Архипов Г.А. Этногенез и раннесредневековая история марийцев: науч. докл. ... д-ра ист. наук. М, 1991.
- ⁶ История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. Т. 1.
- ⁷ Архипов Г.А. Происхождение марийского народа по археологическим данным // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- ⁸ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л, 1932.
- ⁹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 13. Ч. 1.
- ¹⁰ Соловьева Г.И. Указ. соч.
- ¹¹ Архипов Г.А. Этногенез...
- ¹² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3.
- ¹³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- ¹⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXXVII. С. 34.
- ¹⁵ Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
- ¹⁶ Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях. Нижний Новгород, 1992.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 20.
- ¹⁸ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 53.
- ¹⁹ 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977. С. 75.
- ²⁰ ПСРЛ Т. VIII. С. 270.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 149–150. Т. 20. С. 468.
- ²² Четкарев К.А. Марийское предание об Акпарсе // Тр. МарНИИ, 1955. Вып. VII.
- ²³ ПСРЛ. Т. 20. С. 523.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 164–165.

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 200–201.

²⁶ ПСРЛ. Т. 19.

²⁷ Национальный съезд мари. Казань, 1918. С. 32.

²⁸ *Sanukov Ksenofont*. Stalinist Terror in the Mari Republic: the Attack on 'Finno-Ugrian Bourgeois Nationalism' / *The Slavonic and East European Review*. Volume 74. № 4. October 1996. P. 658–682.

²⁹ Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Национальные движения Марий Эл. М., 1996. С. 21–22.

O. ZEMTSOVA

CHURCH AND SCHOOL: MISSIONARY ACTIVITIES AND ASSIMILATION POLICY IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The 19th century Russian empire represented a complex entity comprised of groups of people different by ethnos, language and religion. Among the crucial questions on the empire's agenda and in public discourse was the question of Russianness, the assimilation of ethnic non-Russians or at least their acculturation and making them loyal to the empire.

One of the most wide-spread ideas was that to become a Russian one had to convert to Orthodoxy first. Being an Orthodox was taken for granted when speaking about ethnic Russians, whereas in regards to huge non-Russian population in the multiethnic peripheries, conversion to Orthodoxy meant assimilation with Russians in terms of religion and, later, language and culture.

The Middle Volga region, which is in the focus of my research, is viewed as a multiethnic and religiously heterogeneous entity. The population of the region was comprised of various ethnic groups-Tatars, Chuvash (Turkic language group), Mari, Udmurt, Mordvins (Finno-Ugic language group), coming from either Islamic or animistic background.

The issue of Russification is also a tricky one, because it is connected with even the trickier notions of assimilation, acculturation, *rapprochement* and in the 19th century rhetoric the authors often used them interchangeably. However, many actors did speak about the assimilation before 1905, the question is, to what extent. In views of many, non-Russians would always remain inferior to the Great Russian nation and should be grateful to them for the spread of the Russian language and Orthodox religion which they would undoubtedly accept. The evaluation of the phenomenon is complicated because of the subsequent process of *korenizatsiya*, launched in 1920–1930, which was the institutionalization and territorial definition of ethnicity.

The assimilation or acculturation policy was to be conducted on several levels: through Church, school, marriages and the empire was trying to regulate all the three layers. In spite of the fact that the clergy was actively involved in missionary and teaching activities, the church found itself under pressure from both the Ministry of Education and zemstvo organizations, who stood against the missionary and educational activities of the Brotherhoods, as a result of which it was very difficult to open a new parish or missionary school¹. During the Great Reforms of 1860–70s, according to the order of January 18, 1862 the responsibility for public primary education was assigned to the Ministry of Education².

Since the Minister of Education Tolstoy conducted the policy of secular education, the parish schools, with strong religious component, lost their significance. As a result, the seminaries became less popular than the *zemstvo* schools and many of them closed down. The other factor that contributed to the difficulties in parish schools was the hard financial situation of the teachers from the clergy. When in the years 1866-1880 Tolstoy simultaneously served as the minister of education and over-procurator of the Holy Synod, religious education experienced a sharp decline, as Tolstoy's plans lay in the direction of a totally secular

school system. The government, however, was not going to abandon the idea of religious education altogether³.

Consequently, when in 1880 Pobedonostsev became the head of the Holy Synod, he turned his attention to the promotion of religious and moral upbringing of the peasants, improvement of the financial situation of village clergy, raising the level of their pedagogical and general education and also increasing the network of parish schools⁴.

In his report for 1884, Pobedonostsev spoke about the statute on parish schools signed on June 13, 1884 by Alexander II. He argued that the popular elementary education must be linked to the Russian Orthodox Church. He laid a special emphasis on the fact that the popular school “should be based on firm principles of the Orthodox faith, whose guardian and interpreter can only be the Orthodox clergy” and “should correspond to the religious feelings and desires of the *narod* itself.”⁵

An important role had to be given to the clergy, who had to “encourage a conscious religious feeling.”⁶ Pobedonostsev wanted to turn the Russian Orthodox Church into the leading force in the matter of improvement of religious education of the people. Thus the parish school, as its representative, was viewed as a center of spreading the Orthodox faith. On the 20th of May, 1883 the Minister Education introduced a decree on “Providing assistance to Orthodox clergy in opening and support of parish schools”⁷. The main role in the organization of educational process now belonged to the clergy. Church authorities became independent of the Ministry of Education in matters of organization of teaching process in parish schools.

Beginning with the year 1891, the Russian Orthodox Church got another means of religious influence on the masses of people. On the 4th of May Alexander III signed the “Rules on the schools of literacy” suggested by the Holy Synod. Such schools were organized throughout the country under the control of church authorities and the priests kept all the responsibility for the organization of the teaching process. Although theoretical basis and the teaching supplies were quite poor, they made a certain contribution to the development of religious upbringing of the population as the schools were mostly attended by grown-ups. An important part was given to the missionary work. In May 1865 the Synod established the Russian Orthodox missionary society, first and foremost for the spread of Christianity and Orthodox culture among Russian pagans, popularization of missionary ideas in the society, and conversion of Muslims to Orthodoxy⁸.

In the second half of the 19th century the teaching concepts of the missionary activities became subject to reformation. Having analyzed the strong sides and drawbacks of the foreign religious education, Pobedonostsev came to conclusion that the main condition for the missionary success was the existence of a Christian teacher, who believes in the ideals of the church, is patient and modest⁹. Among the most important tasks of religious education he saw:

1. Exercise in obedience and submission to God’s will.
2. Uncovering peculiar traits in the Russian character.
3. Getting to appreciate the spirit of the people, which is expressed in the life, art, history¹⁰.

It is clear enough that the above-mentioned points underline the *a priori* superiority of the Russians over the other imperial subjects that had to undergo a certain cultural rapprochement towards the “core nation,” that was seen as an agent of civilizing mission. By teaching the submission to the God’s will one could ensure the loyalty of the population to the tsar. Taking into consideration the tense pre-revolutionary situation in the country one sees that such a program was quite timely.

The main trends of religious education, suggested by Pobedonostsev, were aimed at the unification of people’s masses and the state, the essence of which was in the establishment

of the power of the state on nothing but the unification of spiritual self-consciousness between the people and the state, on the peoples' faith, which was to become the responsibility of the Russian Orthodox Church, that was to dominate over school. In this connection Pobedonostsev said that "school, since it is for the people, must reflect in itself the soul and faith of the people, only then will the people love it... school must be closely tied to the church. It must be penetrated by the church in the best, spiritual sense of the word"¹¹.

The major contribution into the organization of religious education was made by a professor of Kazan Ecclesiastic academy Il'minskii together with the future editor-in-chief of "Vyatskie Gubernskie Novosti" Zolotnitskii. Il'minskii thought that in the regions of the empire with a high percent of *inorodtsy* population, the education must be missionary in its nature, as in case of growing of Pan-Islamism the government will face the problem of apostasies of "baptized *inorodtsy*" either into Islam or into paganism. He gave warnings of two possible threats-Islamic proselytism on the one hand, that had made its target not only Tatars but also Bashkir, Cheremis, Chuvash, Votyak peoples; on the other hand- the growth of different religious sects, which could also influence the religious worldview of the non-Russians. Taking into consideration the ethnic and linguistic peculiarities of the people of the Middle Volga region, the remoteness from the state centre, non-stable situation in the region, it is possible to conclude that the education had to:

1. Aim at missionary activities.
2. Fight against apostasy of baptized non-Russians into Mohammedanism.
3. Take into consideration large masses of the pagan population of the region, for they constituted the weakest group, most likely to fall under Muslim assimilation project.
4. Resist the decrease of morality, spirituality, refusal to live according to God's laws among the people of the region, as it was threatening the state interests of Russia.

In 1864 Il'minskii turned to Shestakov for the permission to open a private school for the Kriashen children with the appointment of Timofeev (priest of the church at the Kazan Kriashen school) as its director¹². The school was successfully opened, with the teaching of Catechism in Tatar on the basis of Russian alphabet, God's Law, prayers, history of the church with the later introduction of basic Arithmetic, Reading first in Tatar, then in Russian, Geography, Drawing. Special attention was paid to the Church songs both in Tatar and Church Slavonic. The school was inspected by Il'minskii and a scholar on missionary polemics and a teacher of the Kazan Ecclesiastic Academy E.A. Malov¹³. Started for the Kriashen, the satellite schools for other indigenous peoples were soon launched throughout the region.

The main aim of the system was to resist the spread and dominance of Islam on the territory of the Russian empire¹⁴. The system was ratified by the rules "about the measures to the education of the Russian *inorodtsy*", issued on the 26th of March 1870. The rules presupposed the appearance of schools for the Orthodox *inorodtsy* and for Muslim Tatars. The Orthodox indigenous population was subdivided into a) poorly-Russified, for whom the teaching had to be conducted in indigenous languages with the usage of books published in these languages; b) living together with the Russian population, who were to have common schools with the instruction in Russian with possible native departments financed by the *inorodtsy*; c) quite Russified, with Russian primary schools. The Muslim Tatars were to be taught by the same rules as non-or poorly-Russified *inorodtsy* with the possibility to invite a mullah for teaching the law of their faith¹⁵.

Although Geraci claims that "Il'minskii was adamantly opposed to both pedagogical theory and school standardization, and even denied that he created a standardized system" (the statement being doubtful, since Il'minskii taught Pedagogy in Kazan Teachers' Seminary)¹⁶, it is possible to sum up the suggested principles of Orthodox education as follows:

1. The core of the Orthodox education must lie in the missionary education.
2. All the educational policy must be of gradual character, as any extremes will have negative outcomes.
3. It is necessary to train not only teachers for parish and missionary schools but also priests who would work in the district with unfavorable moral situation.

Backing up his approach he claims that throughout the Russian history the Russian population, gradually moving to the East, was always the carrier of Orthodoxy to other peoples¹⁷. One of the important axes of his theory was religious-missionary upbringing of the Russian population itself. For Il'minskii, the only way the empire would survive under if the Russian people remain faithful to their Orthodox religion. But having visited Russian peasants in the remote villages he came to a conclusion that the main part of them has quite vague idea of Christian dogmas and was not so zealous in keeping their faith, as Muslims or Old Believers.

The other conclusion he made was that the Russian people is eager to adopt not only various daily practices, but also rituals. Thus, what he observed in the Kazan district was that the Russian peasant turned to pagans for help in case of somebody's illness or bad harvest so that they would pray to the idols and make sacrifices¹⁸. Thus, although it was presupposed that living close to the Russian population, non-Russians would gradually pick up the peculiarities of their lifestyle, and become more convinced in their acceptance of Orthodoxy, what could be observed is the process of reciprocal assimilation, which of course was more pronounced on the Russian side. The phenomenon was determined by the syncretic basis of Russian Orthodoxy; although not practicing ritual sacrifices themselves, the Russian peasants could not serve as role models, since in extreme cases they could turn to pagans, and not to the church.

Il'minskii's system was going to put an end to such collisions in the religious worldview of the local population, since the final aim of the system was the Russification (*obrusenie*) of the *inorodsy*, their complete blending (in faith and language) with the Russians¹⁹, who also had to be fortified in their belief.

As the main objects of missionary work were the non-Russians of the region, Il'minskii introduced the method in which primary stress was made on usage of the local languages in the missionary work. Thus, it was a crucial task to train the *inorodsy* priests and missionaries, as sermons in native languages allowed them to make greater impact on the local population²⁰.

The ideology of the system manifested itself in the famous triade: "*inorodsy* books, *inorodsy* liturgy, *inorodsy* parish with the priest at its head"²¹.

Speaking of Muslim educational strategies, Il'minskii particularly stressed that they had specific rules of using the Quran and other religious books. So when visiting a church a missionary teacher should explain the meaning of every icon, the meaning of each religious symbol. He should explain that together with the icons of the Savior, Virgin Mary and the saints, to the church comes their Holy blessing²². It is the church that gives the people the feeling of fear and love towards God; it is there that the study of prayers and the Symbol of Faith has the greatest psychological effect.

The missionary trends were in the same streamline with the classics of pedagogy-Ushinskii supported the idea of *narodnost'* in education "...we have no right in the education and upbringing to separate the people from its history, in which the faith was a consolidating component of the Slavic soul. That is why national and general upbringing may be only religious"²³.

The proposed system, however, had its opponents. The archbishop of Buinsk district in Simbirsk province Baratunskii criticized Il'minskii's views on the education of non-Russians.

Baratunskii claimed that it was necessary to educate non-Russians not in the native language but in Russian. He stressed that *the inorodsy* languages did not have adequate words to express basic Christian notions, thus the meaning sometimes got distorted and misinterpreted. Thus, a sacred text translated into Tatar appeared to be something in between Orthodoxy and Islam.

Besides, he expressed an idea that the introduction of the indigenous languages into the church and school practice could lead to the development of national self-consciousness of the non-Russian peoples which could be quite dangerous in the multiethnic empire²⁴. His supporters agreed that the non-Russian languages could be used as “auxiliary tools” to ensure the understanding of what is being taught, and only after the students had learnt Russian. They claimed that the use of the *inorodsy* languages “implied that these languages were more important instructionally than Russian”²⁵. In the debates Baratunskii spoke of “civil Russification” and stated that “the assimilation of a language assimilates the nationality as well”²⁶. In his turn, Il'miskii, putting the accent on the hypothesis that the spread of Islam might become the main obstacle to Christianization and Russification of all eastern subjects of the empire, addressed his opponents:

If because we are afraid of a certain people, we refuse to use the non-Russian languages in the non-Russian schools and the church for the solid and complete, conscious acceptance of Orthodox faith, all the *inorodsy* will turn into a single tribe (*plemya*) in terms of both the language and the faith-Tatar and Mahomeddan. If, on the contrary, we allow for the use of non-Russian languages, then we would-at most-support various small peoples not inclined to the Tatar way of life (*tatarstvo*), and connected with the Russians by means of faith. Make your choice²⁷!

After the heated discussions in the educational council of the non-Russian districts the indigenous language was recognized as the primary tool of teaching *the inorodsy* language with the dominating role of Russian as the basic language of the church and school since the immediate strategy was to reach assimilation of the non-Russians by means of Orthodoxy and later familiarization with the Russian language. The idea of using the Russian language as the means of Russification found itself in the creation of Russian-Tatar schools aimed at Muslim Tatars; Russian language classes became obligatory in *mektebs* and *madrasahs*, so that any child getting Islamic education was also taught the Russian language.

The unfortunate truth about the system is that it served only as a way of ratification of imperial policy of Russification of non-Russian peoples, leaving behind the aim of reaching more or less universal literacy of the peasants in secular terms. Having chosen the religious education in indigenous languages, providing schools with necessary biblical literature and bringing up the generations of talented missionaries and teachers, the system became the embodiment of the imperial ideology in relation to the population of its eastern provinces.

Примечания

¹ RGIA, f.733, op. 170, d. 210, ll. 215–216.

² Thomas C. Sorenson. «Pobedonostsev Parish Schools: A Bastion Against Secularism», in *Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: essays in honour of Donald W. Treadgold*, ed. Charles E. Timberlake (Seattle: University of Washington Press, 1992), 186.

³ Sorenson. «Pobedonostsev Parish Schools», 189.

⁴ *Ibid.*, 88.

⁵ K. Pobedonostsev quoted in Sorenson, «Pobedonostsev Parish Schools», 188.

⁶ RGIA, f. 1263, op. 1, d. 4229, l. 73–74.

⁷ RGIA, f. 733, op. 171, d. 632, l.4.

⁸ S. Runkevich. *Russkaya pravoslavnaya tserkov', istoriya khristianskoj tserkvi v 19 veke* (Russian Orthodox church, history of Christian church in the 19th century) (Saint Petersburg: n.p., 1908), 138.

⁹ Pobedonostsev K.P. *Novaya shkola (New school)* (Moscow: Sinoidal'naya tipografiya, 1898), 81.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Pobedonostsev K.P. *Uchenie i uchitel'. Pedagogicheskie zametki (Schooling and teachers. Pedagogical notes)* (Moscow: n.p., 1900), 29.

¹² Ibid.

¹³ Ibid., 14.

¹⁴ Znamenskii, Na pamyat' o N.I. Il'minskom: k 25-letiju Bratstva sv. Guriya (To the memory of N.I. Il'minskii: For the 25th anniversary of St. Guriy brotherhood) (Kazan: Tipografiya N.A. Il'yashenko, 1892), 331.

¹⁵ Efirov, *Nerusskie shkolu Povolzh'ya, Priural'ya i Sibiri. Istoricheskie ocherki (Non-Russian schools of Povolzh'e, Priural'e and Siberia. Historical studies)* (Moscow: n.p., 1948), 12–13.

¹⁶ Robert P. Geraci, *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* (Ithaca and London: Cornell University Press, 2001), 131.

¹⁷ Znamenskii, Na pamyat', 300–320.

¹⁸ Znamenskii, Na pamyat', 28.

¹⁹ Ibid., 26.

²⁰ Ibid.

²¹ N.I. Il'minskii quoted in Tajmasov, *Pravoslavnaya tserkov' i khristianskoe prosveschenie narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine 19-nachale 20 veka (Orthodox Church and Christian enlightenment of the Middle Volga peoples in the second half of the 19th-beginning of the 20th century)* (Cheboksary: Chuvashskij universitet, 2004), 225.

²² Ocherk prosvetitel'skoj deyatel'nosti N.I. Il'minskogo (Studies of teaching activities of N.I. Il'minskii) (Saint Petersburg: Izdatel'stvo uchilischnogo soveta pri Svyatejschem Sinode, 1904).

²³ K.D. Ushinskii quoted in L.A. Efimov, *Shkolu Chuvashskogo kraja v 19–20 vekah (Schools of Chuvash krai in the 19th-20th centuries)* (Moscow: MGOPU, 2003), 42.

²⁴ A. Baratunskij. «Zapiska o vvedenii russkogo yazuka i russkoj gramotnosti v tatarskih uchilischah.» (A note on the introduction of the Russian language and Russian literacy in Tatar vocational schools) in *Sbornik dokumentov i statej po voprosu obrazovaniya inorodsev* (Simbirsk: n.p., 1884), 619.

²⁵ Geraci. *Window on the East*, 123.

²⁶ Ibid., 138.

²⁷ Quoted from Taimasov, *Pravoslavnaya tserkov'*, 228.

**ИРИНА РОМАНОВНА ФИШЕР
(ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА)**

Долгие 75 лет в Марийском крае «кузницей педагогических кадров» и одним из ведущих учебных заведений являлся Марийский педагогический институт имени Н.К. Крупской. Исторический факультет (одно время историко-филологический) в институте всегда гордился своими преподавателями и студентами. Среди выпускников «истфака» – второй Президент Республики Марий Эл, советские партийные деятели, министры, генералы, заслуженные учителя, ученые, государственные служащие и просто хорошие, честные люди.

Редкими сейчас стали встречи выпускников, все чаще они общаются на виртуальных просторах Интернета, на одноклассниках.ru, но неизменным на протяжении долгих лет при встрече «истфиловцев» был вопрос: «А как там поживает Ирина Романовна?». Представить исторический факультет Марийского педагогического института 1960–2000-х гг. без этой удивительной женщины невозможно. Она всегда привлекала внимание «неместным говором», высоким профессионализмом, рафинированной интеллигентностью, остротой ума, ухоженностью и каким-то особым женским шармом.

11 декабря 2009 года доктору исторических наук, профессору Ирине Романовне Фишер исполнилось бы 80 лет. Этот очерк готовился к ее юбилею, который она бы впервые отмечала уже вне стен родной кафедры истории. Время, возраст, болезни стали причиной ее ухода из университета. И в этот новый период жизни Ирина Романовна впервые решила рассказать своим ученикам и коллегам о своей жизни, судьбе, карьере, о том теплом отношении и благодарности, которые она испытывает к тем, с кем вместе шла по жизни, кто был рядом в радости и горе. Очерк готовился на основе интервью с Ириной Романовной, а также воспоминаний ее учеников и коллег. В период подготовки материалов к публикации 19 октября 2009 года в 3 часа ночи перестало биться сердце этой мужественной и прекрасной женщины, которая до последнего своего вздоха боролась за жизнь, думала о близких, оставалась достойным и красивым Человеком.

Так, юбилейный очерк стал одновременно и очерком памяти Ирины Романовны Фишер. Воспоминания коллег и учеников готовились как своего рода подарок к ее юбилею, поэтому авторы в них обращаются к Ирине Романовне в настоящем времени, поздравляют ее. Эти тексты поддерживали Ирину Романовну в последние дни ее жизни, она успела их прочитать.

О семье, детстве

Ирина Романовна родилась 11 декабря 1929 года в Саратове, в небогатой еврейской семье. Отец, Рувим Меерович, был родом из местечка Глубокое под Вильно, откуда он вместе со своей матерью, 8 братьями и сестрами бежали в 1914 году от войны и погромов в Саратовскую губернию, где они и осели. Во время Великой Отечественной войны он прошел солдатом от Волги до Вислы, вернулся с фронта инвалидом. Счастье его возвращения было недолгим. В 1962 году он умер в возрасте 52 лет. Мама, Лидия Самуиловна Яблонская, была дочерью музыканта, модницей и красавицей. Коллеги Ирины Романовны по педагогическому институту хорошо помнят эту

милую женщину, которая часто навещала свою дочь в Йошкар-Оле. Здесь она умерла во время одного из визитов в 1974 году и была похоронена на городском кладбище.

Многие, кто приходил в гостеприимный дом Ирины Романовны, знают, как здесь бережно хранятся предметы быта из родительского дома – вышитая крестом скатерть, менажница Кузнецовского фарфора, старинная ваза под Веджвуд, семейные фотографии.

Культурная жизнь Саратова, где прошли детство и юность Ирины Романовны, мало напоминала провинциальную глушь. Пятилетнюю Иру мама впервые повела в Саратовский театр оперы и балета на оперу Пуччини «Мадам Баттерфляй», которая произвела на нее огромное впечатление. В пять лет Ирина уже бегло читала. Первый автор, прочитанный самостоятельно, был А.С. Пушкин – «Сказка о рыбаке и золотой рыбке». Он и остался любимым автором на всю жизнь, многие его произведения она помнила наизусть. Классическая литература, музыка, искусство были значительной частью духовной жизни И.Р. Фишер.

В семье Фишер отношения родителей и детей были основаны на взаимной любви, уважении и доверии. В семье не было запретов. Ни мама, ни папа никогда не стесняли детей. Воспитание детей – Иры и ее брата Александра, было основано на огромном доверии и любви. Младшие не знали назойливого контроля и строгих запретов взрослых. Они свободно общались с друзьями, сами выбирали занятия и развлечения, планировали свое время, учились самостоятельно. Как вспоминала Ирина Романовна: «Мама только ходила на собрания в школу, получала похвальные грамоты и одновременно сетования учителей на детей-непосед». Маленькая Ира с мальчишеской стрижкой после перенесенного в 1943 году тифа была озорной и смысленной девочкой. Ирина Романовна сама признавалась: «Болтала на уроках, ее постоянно выставляли из класса».

Особую роль в ее воспитании сыграли семья и школа. Ирина Романовна помнила по именам всех своих школьных учителей и часто повторяла: «Они сделали из меня достойного человека». Особую память Ирина Романовна сохранила об учительнице русского языка и литературы Марии Алексеевне Ванюшиной, которая наизусть в лицах читала ученикам «Горе от ума» А.С. Грибоедова; о блестящей преподавательнице истории Ольге Илларионовне Мерцаловой. Решение стать историком пришло именно тогда, в военные годы, на школьной скамье. Это желание во многом определила учительница истории. По воспоминаниям Ирины Романовны, она была уникальным педагогом; в их классе она вела уроки истории с 7 по 10 класс. После ее уроков Ира Фишер уже ничего не желала, как только быть историком.

Дети войны

Учеба в школе совпала с трудными военными годами. В 1943 году маленькая Ирина заболела брюшным тифом и потеряла свою красивую косу. Пришлось стричься наголо, и прежних роскошных волос уже не было, поэтому в школе учителя часто повторяли: «Стриженная, не вертись!» Сначала была учеба в саратовской школе № 19, а в седьмом классе Иру перевели в школу № 13, т.к. с 1943 года школы разделили на женские и мужские. Классы были переполнены, в Саратове в то время было много эвакуированных семей. Подружек по школе, их проделки, совместные походы в театры Ирина Романовна помнила в деталях. Новую школу называли «13-й женский монастырь»: на выпускные вечера директор школы приглашала только суворовцев, остальные мальчишки толпились за дверями.

Папа ушел добровольцем на фронт сразу после речи Сталина 4 июля 1941 года. Мама, по воспоминаниям Ирины Романовны, была «барышней, модницей: туфли из Торгсина, чудные костюмы, блузки, шляпки бесконечные, казалось, абсолютно

не приспособленная к быту». В первые месяцы войны она пошла подсобницей на кухню в военный госпиталь, таскала там тяжелые котлы, надорвалась. В военные годы ей пришлось много и тяжело работать, часто по ночам.

Мамин госпиталь был на другом конце Саратова, куда вела длинная дорога от дома, где оставались дети. Ирина Романовна одевала своего младшего брата Шурика в матросский костюмчик и они, взявшись за руки, шли через весь город к маме. На кухне госпиталя старший повар разрешал детям съесть остатки еды – горстку сухофруктов, головы рыб, стакан молока.

В комнатке без окна, где жили дети, на стене был крюк, на котором в большой наволочке хранились сухари. В семье был постоянный страх перед бомбежкой, мама предупреждала, что во время возможного авиаудара надо взять в бомбоубежище Шурика и эту наволочку. До конца жизни Ирине Романовне снились кошмары, как она бежит с братом скрываться в бомбоубежище.

Саратов бомбили выборочно, чаще всего фашистские самолеты появлялись над другим концом города, со стороны Сталинграда, где были самолетостроительный и нефтеперегонный заводы. Квартал, где жила семья Фишер, находился напротив столицы Республики немцев Поволжья – города Энгельс на другом берегу Волги. Естественно, у немцев были планы города, и эти места не подвергались бомбежке. Что и спасло жителей этого района.

Ирина Романовна вспоминает, как после выселения немцев из Энгельса в Казахстан, на подготовку к которому им дали всего несколько суток, мародеры на лодках переплывали Волгу и грабили квартиры. На рынках Саратова в то время за бесценок можно было купить картины, фарфор, музыкальные инструменты.

Школу Ира окончила в 1947 году с медалью и сразу подала документы на исторический факультет Саратовского государственного университета.

Студенческие годы в Саратовском университете

Ирина Романовна с огромной благодарностью вспоминает годы учебы в университете, связь с которым она сохранила до конца своей жизни, с гордостью причисляя себя к саратовской научной школе медиевистов.

На их курсе училось 75 человек, многие из них были вчерашние фронтовики, у которых был не только большой интерес к учебе, но и значительный жизненный опыт, умение отстаивать свои права. Послевоенное время было трудное, даже тетради студентам в то время выдавали в деканате, за столом сидели по трое.

В университете, кроме исторических дисциплин, Ирина Романовна изучала немецкий и латинский языки, уровень преподавания которых был очень высоким. Так, например, преподавательница немецкого языка Юлия Генриховна Баум, немка по национальности, на занятиях декламировала студентам наизусть стихи Г. Гейне на немецком языке. Со второго курса Ирина Фишер стала дополнительно посещать занятия по французскому языку у эвакуированной из Ленинграда Екатерины Францевны Шаповой. Та учила языку по «силлабической системе»: сначала читать и разговаривать, а потом изучать грамматику. До конца своей жизни Ирина Романовна помнила басни Лафонтена на французском языке. Из университета Ирина Романовна вышла со знанием пяти языков – немецкого, французского, чешского, словацкого и латинского.

Лекции читали замечательные преподаватели: профессор Синицын, Э.И. Герштейн, С.Д. Пумпянский. Многие из них были эвакуированы в Саратов из Москвы и Киева. Вспоминая лекции по истории средних веков Сергея Даниловича Пумпянского, ученика известного ленинградского историка И.М. Гревса, Ирина Романовна рассказывала, что изложение перемежалось целыми пассажами из исторических ис-

точников на латыни и французском языке. Историю Греции и Рима преподавал заведующий кафедрой античной истории Э.К. Путный; русский феодализм читал Л.А. Дербов, новую историю – Л.А. Шапиро; практические занятия по истории СССР вела В.М. Гохлернер. Когда на четвертом курсе студентка Фишер сдавала экзамен Льву Абрамовичу Шапиро по новой истории, то очень нервничала и переживала, хотя вытянула билет с вопросом об образовании лейбористской партии в Великобритании, который она хорошо знала. Увидев волнение студентки, преподаватель, видимо оценивший ее знания уже во время преподавания предмета, сказал: «Возьми зачетку и иди». В зачетке стояла оценка «отлично». Других оценок в зачетке Ирины Романовны Фишер и не было. Училась она все годы только на «отлично».

На пятом курсе спецкурс по средневековой Англии вела Мария Моисеевна Яброва. С этим педагогом, как и со многими другими преподавателями Саратовского университета, Ирина Романовна поддерживала контакты всю жизнь. М.М. Яброва в настоящее время живет в Израиле. Ирина Романовна с ней дружила, перезванивалась и переписывалась до последних дней.

Вспоминая о своих педагогах, Ирина Романовна отмечала не только их высокий профессионализм, но и восторгалась их нелегкими судьбами, отмечая, что это были «люди чистой души и высокой эрудиции».

В 1949 году во время борьбы с так называемым космополитизмом полетели самые блистательные умы в Саратовском университете, в основном евреи. Так, например, С.Д. Пумпянского отправили на Сахалин, в педагогический институт. В свою очередь, из Москвы в Саратов был «сослан» известный пушкинист профессор Ю.Г. Оксман.

В эти годы на факультете начал преподавать Соломон Моисеевич Стам, ученик известного медиевиста, академика, автора знаменитых вузовских учебников по истории средних веков С.Д. Сказкина. На третьем курсе студентка Ирина Фишер записалась к нему на спецсеминар по Реформации и Крестьянской войне в Германии. Тема первой курсовой работы была «Крестьянская война накануне Реформации в Германии». С третьего курса Ирина Романовна стало одновременно заниматься в спецкурсе у А.И. Озолина, который на долгие годы стал ее Учителем и Наставником.

Ниже мы приводим полный текст воспоминаний И.Р. Фишер об А.И. Озолине, который был ею подготовлен в январе 2009 года.

И.Р. Фишер

Об ученом и человеке: страницы памяти А.И. Озолина

Случилось так, что мне посчастливилось быть первой дипломницей, первой аспиранткой, а затем и первой докторанткой Артура Ивановича Озолина. Поэтому несколько десятков лет моя творческая и личная жизнь были постоянно связаны с моим Учителем. Учителем не только в науке, но и в жизни.

Впервые он читал курс истории славян, когда я была студенткой III курса (1949–1950 гг.). Тогда Артур Иванович еще работал в пединституте. Слушать его лекции на протяжении полутора часов было нелегко. Ровный тон речи, без эмоций и обращения к аудитории мог быстро утомить студентов, не очень интересующихся его курсом.

Но было другое, главное: любое предложение, фраза, тезис, обобщение содержали в себе особый смысл, значение. В лекциях Артура Ивановича не было «проходных» фраз. Поэтому непрерывно надо было работать головой и пером (в те годы у нас были перьевые ручки и чернильницы).

В конце учебного года я обратилась к Артуру Ивановичу с просьбой о руководстве моей будущей дипломной работой. Помню, он сказал мне почти дословно сле-

дующее: «Ну что ж, дивчина («дивчиной») я оставалась для него долгие годы), начните изучать чешский язык, выпишите для начала по МБА (межбиблиотечный абонемент – Г.Р.) сочинения Яна Гуса на родном языке и одновременно монографию Ф. Палацко-го. А там видно будет. Главное – читайте, чтобы понять общий смысл, а потом уже работайте со словарем». И все. Артур Иванович был лаконичен и никогда не «растекался мыслью по древу». В СГУ тогда вообще не преподавались славянские языки, но в саратовских вузах учились студенты из стран Восточной и Центральной Европы. Не вспомню, каким образом я вышла на чехов, учившихся в сельскохозяйственном институте. Один из них взял на себя тяжелую обязанность помогать мне. И почти каждое воскресенье он работал со мной по полтора-два часа совершенно бесплатно. Так продолжалось в течение всего IV и частично на V курсе. Сравнительно быстро я стала читать тексты сочинений Яна Гуса, т.к. в чешском языке была немало общих корней с русским.

На IV курсе Артур Иванович определил тему моей дипломной работы – «Ян Гус – борец за единую и независимую Чехию». Позднее, когда я работала по распределению в сельской средней школе, Л.Н. Дербов, безусловно с подачи Артура Ивановича, предложил мне прислать статью в «Ученые записки» СГУ (Исторический выпуск). Так появилась моя первая научная работа, которая укрепила желание продолжить образование в аспирантуре.

Но аспирантуру открыли на кафедре истории средних веков только в 1961 году. Естественно, я сразу обратилась к Соломону Моисеевичу Стаму с соответствующей просьбой. Экзамены были сданы успешно, и после обсуждения тематики моей научной работы Стам и Озолин пришли к заключению, что я должна продолжить образование под руководством Артура Ивановича.

Три года мы регулярно работали вместе. Артур Иванович, как всегда, был немногословен и вполне откровенен: «Вот Вам, дивчина, сборник урбариев феодальных панств Словакии XVII века. Материал еще «тепленький»: никем у нас не изученный. Сам я этой тематикой не занимался, так что Вам и карты в руки. Подбирайте литературу, читайте. Работайте систематически не меньше восьми часов в день. На каникулы летом достаточно одного месяца. В конце первого года аспирантуры должны быть готовы первая глава и статья, а в последующие два года – то же самое. С тем, чтобы с окончанием аспирантуры диссертация была готова».

И мы начали работать. Обычно Артур Иванович сам не читал мои главы или параграфы, а слушал мое чтение написанного и по ходу делал свои замечания. Встречались мы всегда в научной библиотеке СГУ, выбирали укромный уголок, я читала, а он расхаживал взад-вперед.

Конечно, нас давно бы могли выставить из библиотеки. Но там к Артуру Ивановичу было особое отношение: почтительное и даже ласковое, что ли. В МБА, зная, что я его аспирантка, мне без задержки выписывали из Москвы или Ленинграда любую литературу. Более того, спокойно выдавали мне ее на дом, будучи уверенными, что я верну все в срок и в целостности-сохранности.

Артур Иванович много читал. Обычно, когда мы встречались, он приносил сдать солидную сумку художественной литературы, или уже набрал новую партию. Читал он толстые журналы, отличал произведения о войне. Наверное, эти книги предназначались и для его семьи.

Мы работали, стараясь уложиться в намеченные сроки. Насколько я помню, первую главу мне пришлось переделывать если не 7, то 6 раз точно. Вторая пошла легче, всего за 2-3 чтения, а третья была принята Артуром Ивановичем сразу, без переделки. Летом 1964 года, к концу учебного года, диссертация была готова, ее прочитали все члены кафедры и в целом одобрили.

Потом, волею обстоятельств, я оказалась в Марийском пединституте. Перед отъездом Артур Иванович кратко напутствовал меня: «Обязательно занимайтесь наукой». Для меня это было больше, чем пожелание. Это был наказ Учителя и Человека, быть достойным которого я считала естественным и необходимым для себя.

А.И. Озолин не был закрытым человеком. Он был сдержанным, и бурные эмоции не были ему свойственны. Но можно было не сомневаться в его доброжелательном отношении к достойным людям. На его сотрудничество и помощь в таком случае можно было всецело положиться.

Но его расположение к человеку много стоило. Когда я была еще аспиранткой, вышла его первая монография. Он дарил ее с соответствующей надписью С.М. Стам, М.М. Ябровой, В.А. Ермолаеву. Мне же сказал буквально следующее: «А Вы, дивчина, приобретете ее в Доме книги, там она продается». Прошло несколько лет, мы не прерывали связи и по науке, и по другим вопросам, а встретились на одной из славянских конференций, кажется, во Львове. Туда он привез свою новую книгу и сам подарил ее мне с трогательной надписью – «Моей ученице». Тогда я окончательно поняла, что он признал меня и как ученого, и, что не менее важно, как достойного уважения человека. Иначе бы я этот подарок не получила.

Не помню, чтобы Артур Иванович громко, как умел иногда С.М. Стам, смеялся. В лучшем случае он улыбался. Он не был лишен остроумия, иногда на заседаниях кафедры шутил, все также ровно, с полуулыбкой.

Но вернемся к моим научным делам. Надо было защищаться. В Саратове диссертационного совета по этой специальности не было. А.И. Озолин посоветовал мне обратиться во Львов, к профессору Похилевичу, который заведовал в университете кафедрой славян. В ответ на мою просьбу я получила от Похилевича положительный ответ и отослала во Львов диссертацию. А через некоторое время получила ее обратно с отпиской секретаря совета о том, что профессор очень занят и не сможет помочь мне.

Конечно, дело было не в занятости Похилевича, человека весьма достойного, а в господствующих уже тогда во Львовском университете настроениях. Мы с Артуром Ивановичем этого не учли, скорее – не знали, наивно считая, что наука, тем более средневековая, должна быть вне каких-то конъюнктурных, политических соображений. Кстати, позднее, при встрече на одной из конференций львовский профессор искренне передо мной извинился.

Еще раньше, когда я была аспиранткой, А.И. Озолин получил приглашение на симпозиум по аграрной истории стран Центральной и Восточной Европы, очень представительный и авторитетный. Он рекомендовал мне подать заявку на участие в симпозиуме с докладом на соответствующей секции. Ответ был положительным. Мой доклад на секции одна из присутствующих дам буквально «размазала по стенке», не стесняясь в выражениях. Когда наступил перерыв, два маститых ученых, один из Института славяноведения (Е.П. Наумов – *Г.Р.*), второй – из ЛГУ (В.А. Якубский – *Г.Р.*), подошли ко мне и посоветовали не огорчаться. Они разъяснили мне подоплеку такого выступления, о чем я не хочу распространяться. Позднее, когда приехал Артур Иванович, ему были принесены извинения. Но не мне – тогда-то я поняла, что научная общественность это совсем не идеальный социум и имеет сложную теневую сторону.

У нас на кафедре этого просто никогда не могло быть. Критика, иногда довольно резкая, всегда велась в рамках приличия и с целью помочь автору статьи или диссертации. Артур Иванович поддержал меня и наказал не впадать в уныние, а продолжать работу. Там же, в Вильнюсе, он дал мне еще один очень строгий урок: никогда не теряться перед научными авторитетами и спокойно соблюдать собственное достоинство. В этом он навсегда остался для меня образцом.

Еще одно яркое, отчасти неожиданное впечатление тех дней. Все участники симпозиума отправились на экскурсию в Тракай. Я осталась, чтобы побывать в центральном соборе старого Вильнюса, где в этот день должен был состояться концерт духовной музыки композиторов XVIII–XIX вв. И там я увидела Артура Ивановича, пришедшего, наверное, с той же целью. Так мне открылась еще одна сторона личности моего Учителя: интерес и понимание классической европейской музыки.

Но вернемся к моей защите. Не сомневаюсь, что именно авторитет Артура Ивановича в научных кругах способствовал тому, что диссертацию приняли к защите в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, хотя сам он никогда и никого об этом не просил. Достаточно было того, что я – его аспирантка. Позднее я много лет поддерживала научно-деловые отношения с Институтом, преимущественно с профессором Е.П. Наумовым, которого, к сожалению, очень рано не стало. Именно в Институте мне посоветовали обратиться к аграрной истории позднефеодальной Чехии. В это время в Чехословакии только что вышел трехтомный фолиант «Чешского терезианского кадастра», с которым я проработала многие годы. Он и стал основой моей докторской диссертации (Ирина Романовна получила экземпляр кадастра из Праги от его составителя видного чешского ученого Й. Петраня – *Г.Р.*).

И когда ректорат Марийского пединститута обратился на кафедру истории средних веков СГУ с просьбой официально курировать мою научную работу, согласие не заставило себя ждать. Так я снова оказалась «под крылом» кафедры, и, в первую очередь, естественно, А.И. Озолина. И стала чаще приезжать в Саратов, получая т.н. «творческий отпуск».

Обычно мы говорили о моей работе по пути к дому Артура Ивановича. Надо сказать, что он и в старости, не говоря о более молодых годах, был убежденным пешеходом. Так мы и шли, размеренно, от старого здания истфака на театральной площади до улицы Рахова, где находился его дом. И многое успевали продумать и обсудить. Его замечания и предложения немало помогли мне в работе.

Затем, когда диссертация была готова, ее еще раз кропотливо обсуждали на кафедре. Но в силу многих объективных и субъективных обстоятельств, она пролежала «в столе» не один год. И только когда в СГУ появился диссертационный совет по моей специальности, я стала первым соискателем, защитившим в нем докторскую диссертацию. Артур Иванович не смог присутствовать при нашем успехе, не смог он и поздравить меня. А через короткое время его не стало.

Беру на себя смелость написать о его личных, душевных качествах, о которых он почти никогда со мной не разговаривал, но которые я могла наблюдать долгие годы. Это – безусловная порядочность и интеллигентность, столь же твердые другие жизненные принципы, строгая дисциплина труда, корректность и одновременно скромное достоинство.

Артур Иванович не придавал большого значения бытовым удобствам и внешним аксессуарам. Нельзя даже представить себе А.И. Озолина в элегантной одежде, красивых галстуках, обуви. Но, общаясь с ним, даже не думаешь об этом, настолько впечатляла его личность, его общество.

Позднее, бывая в их доме, я поняла, что это – стиль их с Ниной Георгиевной (жены А.И. Озолина – *Г.Р.*) жизни: скромный и непритязательный. Всю бытовую сторону этой семьи обеспечивала Нина Георгиевна. Артур Иванович был здесь беспомощен. И это в полной мере сказалось, когда его жены не стало.

После этого во время наших встреч я увидела и почувствовала, какая нежная, ранимая душа была у этого внешне сдержанного человека. Узнала, каким страшным потрясением до конца дней была для него утрата жены. Думается, что от этого удара

он так и не оправился. К тому же Артур Иванович к тому времени уже не работал. Расставание с таким коллективом, каким была наша кафедра, далось ему тяжело.

В последние годы он много гулял. Всегда в одном направлении – на волжскую набережную. С Волгой, летним отдыхом на ее островах у него, по-видимому, были связаны самые яркие и теплые воспоминания. На набережной он мог проводить целые дни.

Не хотелось бы заканчивать свои воспоминания на грустной ноте. Да это было бы и неправильно. Потому что в моей памяти Артур Иванович навсегда остался Учителем, образцом творческой и яркой Личности.

После окончания университета И.Р. Фишер получила распределение на работу учительницей истории в школу на железнодорожной станции Ртищево. Там она полностью отработала положенные три года, с 1952 по 1955 годы, жила у знакомых на квартире. Работа молодой учительнице давалась легко. Дети ее любили, младшеклассники – любя называли ее «молекулой» (за небольшой рост и хрупкость), а старшеклассники – «конституцией» (у них она преподавала историю СССР). Здесь И.Р. Фишер и стала (с легкой руки сельских школьников) – Ириной Романовной (по паспорту Ираида Рувимовна – *Г.Р.*). Бытовые трудности преодолевала порой со слезами: научилась готовить на керосинке, стирать с помощью стиральной доски, заниматься при свете керосиновой лампы. Здесь же ее научили петь частушки и плясать. Но вот искусство носить воду на коромысле так и не освоила, тяжелые ведра с водой носила на руках. Зарплаты в 72 рубля хватало на жизнь (обед в столовой стоил 90 копеек), и даже на книжки и поездки. Именно тогда Ирина Романовна приобрела полное собрание сочинений И.В. Сталина, В.И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса. И это не было только данью времени. Ирина Романовна искренне принимала коммунистические идеи. После окончания университета она заказала себе портрет Сталина, что было не просто, т.к. для частных лиц портреты вождя не делали. В ее сельской комнате, над кроватью висели два пластмассовых медальона с изображениями Ленина и Сталина. Позднее, будучи уже преподавателем в МГПИ, при чтении лекций по истории средних веков Ирина Романовна прекрасно использовала знания классиков марксизма-ленинизма. Ее студенты наизусть знали основные положения 24 главы «Капитала» К. Маркса и работы Ф. Энгельса по истории германской Реформации. Конечно, в дальнейшем ее политические взгляды, как у большинства советских соотечественников, эволюционизировали. Но она никогда не была политическим хамелеоном и не поддавалась сиюминутной конъюнктуре.

В 1955 году молодая учительница вернулась в Саратов, где год работала в школе в начальных классах, преподавала в радиомеханическом техникуме, была ассистентом на кафедре истории средних веков в СГУ. В 1956 году Ирина Романовна вышла замуж. После окончания Саратовского музыкального училища ее мужа распределили в г. Пугачев Саратовской области директором музыкальной школы. Затем семья вернулась в Саратов. В 1957 году родилась дочь Марина. Сейчас это Марина Владимировна Глезер, кандидат педагогических наук, преподаватель по классу фортепиано в «Детской школе искусств» в музыкальной школе при Баумановском лицее г. Йошкар-Олы. Когда Марине было 4 года, в СГУ объявили набор в целевую аспирантуру при кафедре истории средних веков. Учеба в аспирантуре была непростым временем в жизни Ирины Романовны. Если бы не поддержка отца, было бы трудно успевать. Как вспоминает Ирина Романовна, она вставала в 6 утра, готовила обед на керосинке на коммунальной кухне. Занималась ежедневно с 8 утра до 8–9 вечера. Обед и «тихий час» после него. Этот строгий ритм аспирантской жизни Ирина Романовна соблюдала долгие годы.

После окончания аспирантуры места в университете не оказалось. В 1964 году истфаки с пятилетнего обучения перевели на четырехлетнее, в вузах было сокращение преподавателей. Через «Учительскую газету» Ирина Романовна узнала, что в Йошкар-Оле есть место преподавателя истории средних веков. Она подала документы и в сентябре этого же года поступила на работу в Марийский госпединститут.

Исполняла обязанности заведующей кафедрой истории в то время М.И. Терешкина. Известный филолог профессор Н.Т. Пенгитов оказал ей большую поддержку на Ученом совете, обратив внимание его членов, что конкурсантка имеет готовую к защите диссертацию и знает иностранные языки. Никаких протекций и знакомств не было, что, впрочем, было характерно для того времени. Одновременно из Москвы по распределению после аспирантуры в Московском университете в институт приехал работать Павел Павлович Вандель.

Из воспоминаний профессора Пауля Ванделя (Берлин):

«С Ириной Романовной Фишер я познакомился летом 1964 года. В нашей научно-преподавательской судьбе было много общего. Мы оба специализировались по всеобщей истории: я по новому и новейшему периоду, Ирина Романовна по Средневековью. Оба мы закончили в том году аспирантуру и готовились к защите диссертации, оба мы любили свой предмет и преподавательскую работу.

В вузе близкие отношения завязываются, как правило, между преподавателями кафедры или факультета. Так было и у нас. К началу 1964/1965 учебного года кафедре истории настоятельно требовались три преподавателя всеобщей истории: античник, медиевист и, скажем так, новист. И вот из этих новичков – Ирины Романовны, Василия Николаевича Семенова и меня составилась «малый дружеский круг». Василий Николаевич принадлежал к старшему поколению. Он участвовал в гражданской войне (на стороне красных, разумеется, хотя сейчас белые как будто котируются выше), благополучно пережил злые тридцатые годы, новую войну, новые чистки, и ему было, что нам рассказать, а нам, что послушать. Через пару месяцев после приезда мы получили благоустроенные двухкомнатные квартиры, что было большим счастьем и что оговаривалось условиями конкурса. После этого мы часто ходили друг другу в гости. Посещения сопровождалось обязательным застольем, обсуждали научные, учебные и общественные проблемы. К существовавшей тогда общественно-политической системе мы относились в общем критически, к вождям не испытывали никакого уважения. Возмущали нас и привилегии правящей верхушки, и отсутствие свободы, и большая официальная ложь, пропагандистская трескотня. Но беседы наши были разнообразны, они отнюдь не ограничивались критикой. Мы делились информацией, обменивались впечатлениями о работе и о досуге, о новинках литературы и о многом другом, в том числе и личном. После отъезда Семеновых из Йошкар-Олы наши встречи стали более редкими, оставаясь, однако, постоянными. Всей кафедрой мы встречались нечасто, в основном по приглашению заведующей – Веры Матвеевны Тарасовой.

Как преподаватель и ученый, Ирина Романовна занимала у нас выдающееся место. Лекции ее отличались интересно подобранным материалом, логикой и отличной формой изложения. В них не было ничего, напоминающего схематизм. Темп изложения был самым подходящим для записи. В ходе лекции обязательно разъяснялись все термины, их происхождение и эволюция. Семинарские занятия проходили также очень интересно и при высокой активности студентов. Ее преподавательский талант коллеги, студенты, проверяющие от ректората и т.п. (что бывало крайне редко) ценили высоко, и я не помню никакой критики в ее адрес, кроме одного случая, о котором коротко расскажу. В начале 1970-х годов к нам в институт приехал инспектор из центральной инстанции. Не то из ЦК КПСС, не то из министерства. В общем,

«вершины». Посетив наши занятия, познакомившись с протоколами заседаний кафедры, он разнес нас в пух и прах. Особенно досталось мне, но и у Ирины Романовны он не отметил ничего или почти ничего хорошего, одно только (на его взгляд) плохое. Его замечания были на редкость несправедливы и просто некомпетентны, но очень злы, и его итоговая справка выглядела как обвинительное заключение. Чувствовалось, что он принимал видное участие в разгроме научно-преподавательских кадров в конце 1940-х годов, в период «борьбы с космополитизмом». Никаких дурных последствий его визит для нас не имел...

Областью научной работы Ирины Романовны являлось словацкое средневековье, малоизученное в нашей исторической науке. Вспоминается, как в одном обзоре И.Р. Фишер сочли мужчиной, и глагол использовали в мужском роде прошедшего времени, над чем мы вместе весело посмеялись. Я пожалел, и до сих пор жалею, что в русском языке для подобных фамилий нет формы женского рода, как это имеет место, например, в чешском и литовском языках.

В 1976 году я по семейным обстоятельствам уехал из Йошкар-Олы и должен был искать себе новое место работы. Связь с Ириной Романовной и с остальными коллегами по кафедре у меня прервалась. В 1990 году родственные отношения и события всякого рода занесли меня в Германию, где я с тех пор и проживаю. Но своих коллег я никогда не забывал, обо всех у меня сохранились только светлые воспоминания. Об Ирине Романовне в первую очередь...»

Во время первого приема у ректора МГПИ М.И. Романова тот откровенно спросил Ирину Романовну: «А что Вас сюда занесло?» Действительно, Йошкар-Ола встретила не совсем приветливо: деревянными мостками вместо тротуаров, большими лужами на центральных улицах; у входа в здание института стояла огромная «колода с мочалкой» для мытья грязной обуви. Но в Йошкар-Оле давали квартиру и интересную, по душе, работу. На факультете исполняющим обязанности декана тогда был Г.И. Кириллов, который предложил ей читать лекции по истории славян и истории средних веков. Студенты в те годы были взрослыми, многие после армии. В тот учебный год на истфаке учились будущий ректор МГПИ А.Я. Антипин, известная сегодня в республике искусствовед Л.А. Кувшинская. Заведующая кафедрой истории Вера Матвеевна Тарасова в это время заканчивала докторантуру в Москве, лаборанткой была Лилия Ивановна Морозова. П.П. Вандель читал курс новой истории, В.Н. Семенов – античность, М.Н. Кропотова – русский феодализм, М.И. Терешкина – русскую историю; историю СССР читал А.В. Хлебников, позже он перешел на кафедру истории КПСС; Г.Н. Айплатов учился в то время в аспирантуре. В это же время на кафедре работала Серафима Петровна Захарова, в дальнейшем заведующая кафедрой истории.

Воспоминания дочери С.П. Захаровой, ученицы И.Р. Фишер, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории МарГУ Валентины Георгиевны Сушенцовой прекрасно иллюстрируют этот период жизни И.Р. Фишер:

«Ирину Романовну Фишер я знаю всю мою жизнь, и это не является метафорой. Моя мама Серафима Петровна Захарова пришла работать на кафедру истории пединститута в начале 1964 года, вскоре после моего рождения, и более тридцати лет они были с Ириной Романовной коллегами и добрыми друзьями. Кафедра истории пединститута в 1960–1970-е гг. была не только учебным подразделением вуза, но и коллективом единомышленников, возглавляемым незабвенной Верой Матвеевной Тарасовой. Коллективом, в котором были люди очень разные, но которых объединяла

общая задача – подготовка для республики учителей истории и обществоведения. Помимо учебной работы преподаватели кафедры нередко вместе отмечали праздники, юбилеи, выезжали отдохнуть на природу. И, конечно, они встречались на праздничных демонстрациях в честь 7 ноября и 1 мая. Вопреки идеологическим замыслам властей эти демонстрации превращались в неформальные встречи преподавателей и студентов, хотя и сопровождаемые всеми необходимыми атрибутами советской символики – флагами, портретами вождей и лозунгами. По существовавшей тогда традиции было принято брать с собой детей, поэтому, наверное, впервые я увидела маминих коллег, в том числе и Ирину Романовну на одной из этих демонстраций. Там же я познакомилась с другими детьми – дочерью Ирины Романовны Мариной, внуком Веры Матвеевны Ваней, дочерью Аллы Сергеевны Кузиной Ниной. Многие сегодня с ностальгией вспоминают эти демонстрации, потому что идеология отошла на второй план, а в памяти сохранилось ощущение праздника. Особенно, конечно, это присуще было первомайским демонстрациям, наверное, из-за весеннего настроения, солнечной погоды. Ирину Романовну и мою маму связывала не только общая работа, они нередко общались по телефону, бывали друг у друга в гостях... В начале 1980-х годов я узнала Ирину Романовну в новом качестве – как вузовского преподавателя. Она читала нашему курсу лекции по истории средних веков, вела семинарские занятия по этому предмету. Наверное, всем студентам, которые в разные годы слушали лекции Ирины Романовны, запомнились ее блестящее знание своего предмета, увлеченность им, требовательность на экзаменах. Я была в группе студентов, которые слушали спецкурсы Ирины Романовны по истории средневекового быта и искусства Возрождения. А при написании под руководством И.Р. Фишер курсовой работы о мадоннах Рафаэля я впервые приблизилась к пониманию сущности искусствоведческого анализа произведений живописи. До сих пор меня интересуют вопросы, связанные с историей искусств, а подаренная научным руководителем книга о творчестве Рафаэля занимает свое достойное место в моей домашней библиотеке.

Неизгладимый след в памяти многих поколений студентов И.Р. Фишер оставила не только как преподаватель, но и как неординарная личность. Она обращала внимание не только на знания студентов, но и на их внешний вид и поведение. Обладая прекрасным вкусом, всегда элегантно одетая, она могла позволить себе замечания по поводу внешнего облика студентов. Конечно, порой это было обидно, но для многих молодых людей Ирина Романовна была первым в их жизни учителем хороших манер и умения красиво и со вкусом одеваться. Вспоминаются скептические замечания Ирины Романовны по поводу дешевой бижутерии, ее нетерпимое отношение к верхней одежде, лежащей на последних партах во время лекций, из-за нежелания ее обладателей стоять в очереди в гардероб. С другой стороны, Ирина Романовна могла сделать комплимент обладательнице элегантного платья или прически. Порой, придя на лекцию, она высказывала нам свои претензии к студентам других факультетов (преимущественно спортфака) в связи с их внешним обликом и поведением: они не сочли нужным поздороваться с преподавателем или даже чуть не сбили ее с ног, торопясь куда-то. Помню, что мы невольно гордились собой, что мы историки, люди воспитанные, так сказать «элита» вуза. Невозможно себе представить, чтобы кто-то из наших студентов не поздоровался с Ириной Романовной. До сих пор Ирина Романовна остается поклонницей красивых вещей, в ее сумочке всегда элегантный носовой платочек, она не позволит себе прийти на лекцию, не сменив уличную обувь на изящные туфли...».

Кроме учебной работы преподаватели педагогического вуза в те годы выполняли большую общественную работу. Ирина Романовна была лектором общества «Знание», куратором студенческой группы. Первой группой, где она была куратором, стал выпуск историков 1970 года. Совпадение это или нет, но такого количества звезд – выпускников истфака, не было, пожалуй, за всю историю вуза.

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1970 года, председателя Марийской республиканской профсоюзной организации работников культуры, заслуженного работника культуры Российской Федерации Владимира Петровича Ушнурцева:

«Мы были первыми подопечными Ирины Романовны Фишер. Почему нашу группу историков она очень опекала и любила, стало понятно значительно позже, по прошествии нескольких лет после окончания института. Группа была большая, более тридцати человек, с учетом и кандидатов (была раньше такая категория незачисленных студентов) и после академического отпуска, армии. Возраст студентов соответственно от 17 до 30 лет.

Преподавали у нас известные педагоги В.М. Тарасова, З.И. Равкин, М.И. Терешкина, М.И. Романов, Г.Н. Айплатов, В.С. Патрушев, В.А. Охотникова, Н.В. Семенов, М.И. Михеев, В.И. Юшков и, конечно, любимец всех студентов историков П.П. Вандель. Среди этого созвездия имен молодая, внимательная, строгая Ирина Романовна – наша “классная мама” совсем не выглядела новичком. Лекции, практические занятия часто превращались в бурные дискуссии и исследовательские работы, учились дружно и весело, была доброжелательная обстановка, все было интересно. Но похвалок Ирина Романовна никому не давала. Она сама постоянно находилась в состоянии напряженной работы, с высокой требовательностью относилась к себе и к нам. Прививала культуру общения, поведения и учила учиться. Все четыре года старостой группы был В.Г. Соловьев – правая рука куратора, очень спокойный и мудрый (после службы в армии) человек. Это создавало особую атмосферу творчества, активности в делах группы, факультета, института.

Уровень требований был достаточно высок, не все сумели удержаться в общем потоке, но те, кто закончил институт, а это 34 человека, никто не потерялся. Большинство пошли работать в школу, некоторых пригласили в вузы, семеро работали в МВД и даже в КГБ. Через несколько лет явно проявилось привитое в группе желание заниматься исследовательской работой: кандидатские диссертации защитили С.А. Утрюсина, Т.И. Иванова, А.С. Казимов, Л.А. Гаранин, Л.В. Новоселова, А.А. Андреев. Жаль, что у последнего рано оборвалась жизнь. Активная жизненная позиция, стремление к созиданию выдвинуло многих однокашников на руководящую работу – руководителями школ, учреждений, общественных объединений, государственных структур, где большинство работает до сего дня, честно выполняя свой долг.

Прошло почти 40 лет, как мы самостоятельно идем по жизни. За это время все кардинально изменилось, но чувство признательности и теплоты нашему вузу, педагогам, Ирине Романовне Фишер, стало только сильнее».

В 1967 году Ирина Романовна защитила кандидатскую диссертацию. В 1970-е годы она проходила стажировку в Ленинграде, в Педагогическом институте имени А. Герцена, где прослушала курс лекций А.М. Когана по средневековому быту.

Более 45 лет И.Р. Фишер преподавала в пединституте и университете историю средних веков, вела спецкурсы и спецсеминары по культуре Возрождения и по средневековому быту. Лучше всего об этих лекциях говорят ее ученики, выпускники истфака.

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1975 года, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории МарГУ Олега Генриховича Левенштейна:

«Мое знакомство с Ириной Романовной Фишер состоялось осенью 1971 года, когда я учился на втором курсе историко-английского отделения, где она нам читала курс лекций по истории средних веков. Ирину Романовну я считаю блестящим лектором, высококвалифицированным преподавателем; ее лекции были очень содержательными и интересными. Мне нравилось, когда она во время лекций иногда делала лирические отступления, рассказывая о своих студенческих годах в Саратовском университете, встречах с известными учеными.

Известно, что всякое обучение – это не только передача знаний и умений, но и воспитание. Преподаватель не только словом, но и своим внешним видом, поступками оказывает, в той или иной степени, влияние на своих учеников. Ирина Романовна – всегда аккуратная, с большим вкусом одетая, производила впечатление на студентов.

Незабываемым был спецкурс по истории культуры Западной Европы, сколько нового и интересного узнавали мы из лекций: история знаменитого Кельнского собора, Ахена, шедевры Дрезденской галереи и др. На каждом занятии Ирина Романовна знакомила нас с новинками литературы. Она была также нашей наставницей во время педагогической практики в средней школе № 11. Именно от нее я узнал целый ряд интересных методических приемов объяснения нового материала.

Незаметно пролетело время, но в памяти многих студентов останется плеяда замечательных педагогов педагогического института и среди них Ирина Романовна Фишер».

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1985 года, заслуженного учителя Российской Федерации, учителя истории МОУ «Медведевская средняя школа № 2», лауреата республиканского конкурса «Учитель года-1995» Игоря Ивановича Панова:

«В жизни каждого человека встречаются люди, которые навсегда остаются в памяти, о которых приятно думать, что они рядом. Далеко не всегда духовно близкими становятся яркие, неординарные личности. В этом мне повезло: с искренним уважением, благодарностью и теплотой я всегда отношусь к Педагогу с большой буквы – Ирине Романовне Фишер.

Мое первое знакомство с Ириной Романовной было заочным. Нам, «зеленым» первокурсникам, старшие товарищи говорили о том, что считаться настоящим студентом можно, окончив второй курс и сдав экзамен по истории средних веков. Самое удивительное, встречаясь в коридорах института и здороваясь с ней, казалось, что она тебя давно и хорошо знает.

И вот, наконец, первое занятие, Ирина Романовна перед нами. Мы слышим тихий, неторопливый, выразительный голос, по интонации становится понятно, что на лекциях не «побалуешь». Лекции, семинарские занятия всегда проходили на одном дыхании, все было интересно. Материал подавался так мастерски и нестандартно, что возникало ощущение погружения в эпоху Средневековья. Для нас, студентов, было очевидно – перед нами Мастер, Величина. На занятиях Ирина Романовна учила думать, высказывать свое мнение, опираясь на источники. Незабываемое впечатление и след в моей душе оставил спецкурс по культуре эпохи Возрождения. Возможно, именно тогда появился интерес к искусству, шедеврам мировой культуры. Возникло желание чаще бывать в музеях, на выставках в Москве и Санкт-Петербурге. В Ирине Романовне всегда поражали глубина мышления, эрудиция, очень грамотная и образная речь.

Ирина Романовна всегда выделялась личными человеческими качествами: принципиальностью, требовательностью, аккуратностью. Метким словом могла поставить на место любого недобросовестного студента. Особое, уважительное отношение она проявляла к думающим и любознательным студентам, давая им дополнительную нагрузку и всячески поддерживая интерес к предмету. За внешней строгостью и невозмутимостью Ирины Романовны видишь человека доброжелательного, чуткого и неравнодушного, готового поддержать и посоветовать в трудных ситуациях. Для многих моих однокурсников, приехавших из деревни, Ирина Романовна была не только талантливым педагогом, но и человеком, преподающим нам азы этикета. Яркие примеры, метафоры из жизни прошлого и настоящего, несомненно, способствовали нашему культурному развитию.

Прошло четверть века, как мы отучились и покинули стены нашего института. Наши судьбы сложились по-разному, удивительно, но большинство однокурсников продолжают работать в системе образования, в этом заслуга наших прекрасных педагогов и в первую очередь, таких как, Ирина Романовна Фишер»

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1994 года, работника Марийской таможни Николая Валерьевича Конючкова:

«Философы древности утверждали: если в стране плохие портные, ее народ не имеет добротной и красивой одежды, если плохие булочники, люди едят не самый вкусный хлеб, но если у государства плохие учителя, оно нежизнеспособно. Эта мысль актуальна и сегодня, и особенно в отношении преподавателей истории. Что дает человеку история? Прежде всего – память. Причем память, которая позволяет, рассматривая весь долгий путь человечества, учитывая его победы и поражения, построить общество, в котором каждый человек может почувствовать себя счастливым.

Один из таких светочей, у которых мне посчастливилось учиться, – профессор Ирина Романовна Фишер. Я познакомился с Ириной Романовной в 1990 году, перейдя на второй курс исторического факультета Марийского государственного педагогического института. Помню, как сразу же попал под магнетическое влияние ее неординарной личности, как был восторженно очарован внешней и внутренней красотой этой женщины. Она в моем представлении всегда была «настоящим преподавателем вуза». Ее интеллигентность незримо дисциплинировала аудиторию, превращала проводимые ею занятия в некое таинство, которого все студенты ожидали с волнением и трепетом, а после непременно обсуждали между группами обычно очень возбужденно.

Особое восхищение, которое я испытываю и по сей день, у меня вызывали лекции Ирины Романовны. Удивительно, но они ни разу не показались мне скучными! На ее занятиях я всегда сидел на первой парте, и Ирина Романовна не раз полушутя журила меня за то, что я записывал все слово в слово, даже не пытаясь конспектировать схематически. Но даже если бы мне пришлось вновь прослушать ее курс, я бы делал то же самое. Материал ее лекций был настолько логически безупречен, что при подготовке к экзаменам, все схемы складывались в голове сами собой. Каждое слово ее лекций было воистину «золотым». Ничего лишнего, только скрупулезно отобранные исторические факты, взаимосвязи, хронология, яркие хрестоматийные примеры, изложенные простым, красивым и доступным языком.

Позже, получая второе высшее образование на юридическом факультете Марийского государственного университета, я изучал историю государства и права зарубежных стран. Этот предмет преподавал нам доцент Андрей Андреевич Ярыгин. При подготовке к семинару по истории государства у древних франков, я решил облегчить себе подготовку и вновь обратился к лекциям Ирины Романовны, достав их с высоких антресолей и сдув «пыль времени». Мой ответ Андреем Андреевичем был

оценен как блестящий. Преподаватель был удивлен «моим» умением точно и научно изложить суть проблемы. Признаюсь, я тогда умолчал, что отвечаю по лекциям Ирины Романовны. Но сейчас, пользуясь случаем, низко склоняю перед ней голову, хочу сказать ей спасибо!»

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1994 года, прокурора Медведевского района РМЭ Евгения Сергеевича Савельева:

«Об Ирине Романовне Фишер в студенческой среде во время моей учебы всегда говорили с особым уважением как о Профессионале с большой буквы. Ее лекции завораживали своей стройностью, логичностью и энциклопедизмом. Большинство этих лекций я до сих пор помню и готов сдать экзамен, например, по теме Реформации в Германии, истории великих географических открытий. Ирина Романовна запомнилась не только как крупный специалист в области медиевистики, но и как великолепный педагог, формирующий у молодых людей чувство ответственности за порученное дело, целеустремленность, умение правильно мыслить и говорить. После второго курса, на котором Ирина Романовна вела курс истории средних веков, мы совершенно менялись, становились взрослее и мудрее. Кроме того, она прекрасно разбиралась в наших способностях и видела перспективы своих студентов. Например, однажды Ирина Романовна мне сказала, что из меня бы вышел неплохой юрист. Так оно и случилось, после окончания пединститута я получил второе высшее образование и до сих пор работаю на юридической стезе. До настоящего времени поддерживаю с Ириной Романовной теплые отношения и благодарен ей за наставничество и вложенный в нас интеллектуальный потенциал».

Из воспоминаний выпускницы МГПИ им. Н.К. Крупской 1997 года, учительницы истории и обществознания МОУ «Медведевская средняя общеобразовательная школа № 3 им. 50-летия Медведевского района», лауреата Всероссийского и победительницы Республиканского конкурса «Учитель года–2000» Елены Аркадьевны Халтуриной:

«Осень Средневековья», – так называлась книга, с которой началась моя любовь к истории средневековой Европы. Известно, что название определяет отношение к книге, а гармоничное и слегка сказочное произведение Йохана Хейзинги завораживало. В общем, почти сказкой казался весь курс истории средних веков, который читала нам профессор Ирина Романовна Фишер. Разумеется, сказка заканчивалась с первыми днями сессии, но к этому все оказались готовы: срочно переписывали недостающие лекции, спешно заучивали бесконечные повествования о Генрихе Птицелове или Иоанне Безземельном и, перебивая друг друга, спорили в коридоре о значении Реформации в Европе. Спорили, потому что предстоял единственный экзамен, к которому надо было не просто выучить-вызубрить, а *знать*. Этим и отличался предмет, который преподавала Ирина Романовна: здесь главным требованием было не просто посещение лекций (это, вообще, не обсуждалось), а умение рассуждать, аргументировать, анализировать; приветствовалось *понимание* предмета. Это настораживало и привлекало одновременно – с одной стороны, страшновато отвечать преподавателю, которого уважают до бесконечности и боятся до полуобморока; с другой – уж очень интересно попробовать свои силы в настоящем исследовании... Сейчас я понимаю, что именно тогда, на втором курсе, определилась с профессией окончательно: первый год как-то слегка разочаровал, хотелось все бросить и уйти, но вот после второй зимней сессии я поняла, что мне нравится здесь учиться. Когда пришло время выбирать специализацию, вариантов даже не было: средние века, Ирина Романовна. Лукаса Кранаха, творчество которого изучала тогда, помню до сих пор, а «тех, кто сражается», обожают все мои ученики-шестиклассники, – еще бы, эту тему мы изу-

чаем углубленно, с макетами и турнирами, с мини-спектаклями и костюмами. Это – моя дипломная работа и, кажется, я прочитала о рыцарях все, что можно найти. Писать диплом у Ирины Романовны тогда решились немногие, но ни один не пожалел: мы научились по-настоящему *работать*.

Известно, что упорный труд заслуживает достойного вознаграждения, – настоящим счастьем стало уважение Ирины Романовны. Она позволяла нам, пятикурсникам, спорить и доказывать, обсуждать источники и делать собственные выводы. Мы сокрушались над перечеркнутыми страницами, исправляли и переписывали, но при этом ощущение атмосферы сотрудничества радовало бесконечно...

А еще были точные, мимоходом сказанные Ириной Романовной замечания, которые заставляли «работать над ошибками». «Ва-а-адик, Вы служили в армии? Вы так семените...», и в перерывах между парами Вадик Т. с нашего курса старательно меряет огромными шагами пространство между колоннами в вестибюле, стараясь чеканить шаг и не «семенить»... Фразы, сказанные Ириной Романовной когда-то, запомнились навсегда. Помню, как после какой-то детской и смешной жалобы на то, что «вот что-то в жизни все не удастся», Ирина Романовна серьезно так посмотрела на нас с подругой и со вздохом заметила: «Девочки, это пройдет. Самое страшное в жизни, не считая потери родных и близких, это человеческая неблагодарность...» До сих пор периодически убеждаюсь в справедливости этих слов... Тонкий юмор, безупречный внешний вид, изумительное умение преподавать свой предмет и одновременно воспитывать, неповторимая манера общения, какая-то вселенская мудрость, – в этом для меня обаяние Ирины Романовны».

Из воспоминаний выпускника МГПИ им. Н.К. Крупской 1998 года, аспиранта кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета Романа Валерьевича Воробьева:

«В вузовскую пору моей жизни в ходе разговоров с людьми, для кого этот период уже миновал, неизменно затрагивалась одна тема. Если собеседник был выпускником исторического факультета пединститута, обязательно звучал вопрос: «А как там Ирина Романовна?». Если это был студент иного вуза, то он заинтересованно спрашивал: «Говорят, есть у вас там такая Фишер?».

Об Ирине Романовне ходили легенды. Сейчас я понимаю, что именно о ней рассказывали на уроках еще мои школьные учителя. В вузе к предмету истории средних веков студентов готовили с первого курса. Помню, как один из преподавателей говорил, что сдать экзамен Ирине Романовне означает то же самое, что сдать сопромат для студента политеха.

Неудивительно, что к моменту непосредственного знакомства мы подходили соответствующим образом эмоционально ориентированными. Когда Ирина Романовна «проплывала» мимо, студенты замирали со смесью робости, сладкого ужаса и любопытства. Когда во время лекции она обращалась к кому-либо лично, то у самых крепких парней потели ладони и пропадал голос. Сам я был среди успевающих по предмету, а также «оруженосцем» Ирины Романовны (как она это называла, то есть, приносил карты по теме лекций). Тем не менее, помню, как перед экзаменом я, стесняясь, бродил по квартире и бился головой о каждый угол не хуже Августа, узнавшего об истреблении трех легионов в Тевтобургском лесу.

В то же время, по мере общения с Ириной Романовной, незаметно для нас самих происходили изменения в отношении к этому преподавателю. Да, мы трепетали. Да, мы по-разному высказывали свои мысли. Но страх и любопытство, осознанно или неосознанно, сменялись уважением к высокому профессиональному уровню педагога и ученого.

Конечно, мы, студенты, делились впечатлениями и на внеучебных встречах. Помню, как одна из однокурсниц рассказывала, что Ирина Романовна во время лекций неоднократно обращалась к ней с вопросом: «Почему Вы не пишете?» Студентка спохватывалась, начинала писать, но нам она объяснила: «А я просто забываю записывать, я заслушиваюсь».

И заслушивалась не она одна. Лекции Ирины Романовны отличались широтой разворачивающейся картины и, вместе с тем, умение выделить главное, точно подобрать слова, а также непередаваемой манерой изложения. Обаяние эрудированной личности и интеллигентного человека вольно или невольно заставляли отдавать должное. Имя Ирины Романовны становилось для нас символом профессионализма, повышенного требования к себе и изучаемому предмету. Общение с таким преподавателем вело к осознанию того, что бытовой уровень – это отнюдь не потолок, а умственная деятельность – обязанность и ответственность мыслящего человека.

При выборе спецкурсов я без колебаний шел к Ирине Романовне. Нас, таких смельчаков, набиралось немного, и это придавало занятиям оттенок некой кулуарности, близости членов кружка. Нередко занятия происходили даже не в аудитории, а прямо на кафедре. Мы погружались в культуру и быт средневековья, изучали творчество мастеров эпохи Возрождения. Не забуду, как бегал в библиотеку им. С.Г. Чавайна за альбомами репродукций, которые на время занятий по магической формуле «для Ирины Романовны» отдавали на вынос.

Благодаря спецкурсу искусство Возрождения до сих пор остается для меня наиболее понятным и вызывает наибольший интерес. Возможность же показать знакомство с именами Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Дюрера, Лукаса Кранаха Старшего (по последнему я готовил доклад) и иных знаменитых, а также менее известных художников той эпохи всегда способствовала произведению соответствующего впечатления.

Будучи профессионалом, Ирина Романовна могла позволить себе выходить за рамки привычных тем и не ограничивать круг интересов студента. Так, на IV курсе я пошел к ней и сказал о своем желании писать курсовую работу не по художникам эпохи Возрождения, а по явлению «охоты на ведьм». Ирина Романовна не только пошла на встречу, но способствовала тому, чтобы мой интерес не угас и на следующий год. Под ее руководством на V курсе я защитил дипломную работу на эту тему.

Понимание любви и заботы Ирины Романовны по отношению к своим студентам пришло к нам позднее. Лишь с годами в полной мере начинаешь ценить и осознавать, каково было ее желание не только закрепить качество наших знаний, но и помочь, в конкретных случаях, сформировать правильную личную позицию, выбрать верную манеру поведения и общения.

Ирина Романовна помнит большинство своих студентов (а ее ученики не бывают бывшими), всегда интересуется их дальнейшей судьбой. Своим поступлением в аспирантуру при кафедре истории древнего мира и средних веков в Московский педагогический государственный университет я также во многом обязан хлопотам Ирины Романовны, за что испытываю к ней огромную благодарность.

...Прошли годы. Мы, студенты истфака 1993–1998 гг. в чем-то изменились, где-то набрались опыта и житейских знаний. Но всегда, когда мы встречаемся друг с другом или пересекаемся с другими студентами теперь уже бывшего, к сожалению, пединститута, в разговоре возникает вопрос: «А как там Ирина Романовна?» И на него всегда отвечают».

Несомненно, что важное место в жизни И.Р. Фишер всегда занимала научная работа. И не только медиевистика как предмет учебных программ вуза, но и история славян, в частности средневековая история Словакии и Чехии. Об этой стороне деятельности Ирины Романовны лучше знают в центральных российских вузах и за рубежом, чем в Марий Эл. Ирина Романовна неоднократно участвовала во всесоюзных съездах и симпозиумах историков-славистов, которые проходили в Вильнюсе, Киеве, Воронеже, Львове, Минске, Ужгороде, Харькове и Москве. Именно на них она познакомилась со многими выдающимися отечественными славистами, с которыми долгие годы поддерживала личные и научные контакты. Это М.М. Фрейденберг, Б.М. Рыкоть, Е.П. Наумов, В.А. Якубский, А.С. Мыльников, В.В. Кутявин, М.В. Дмитриев и многие другие. Одна из таких встреч с саратовскими славистами описана в воспоминаниях **Александра Николаевича Галямичева, доктора исторических наук, профессора Саратовского университета:**

«Об Ирине Романовне Фишер я впервые услышал, будучи еще студентом, на одном из регулярно проводившихся в те (1970-е) годы кафедральном дне «Над чем работают ученые кафедры истории средних веков». О ней говорили как о воспитаннице кафедры, плодотворно работающей в столице Марийской АССР, в главном педагогическом институте этой поволжской республики.

Первое очное знакомство состоялось на IX Всесоюзной конференции историков-славистов, проходившей в сентябре 1982 года в Ужгороде. Это было мое первое выступление с научным докладом за пределами родных стен Саратовского университета. Прошло оно не без шероховатостей, и по окончании секционного заседания Ирина Романовна подошла ко мне, одобрительно отозвалась о моем докладе и очень деликатно дала несколько советов относительно путей преодоления тех трудностей, с которыми я столкнулся во время выступления и обсуждения доклада.

Когда же работа над кандидатской диссертацией была окончательно завершена, я по совету своих учителей (А.И. Озолина, С.М. Стама, М.М. Ябровой) обратился к Ирине Романовне с просьбой выступить в качестве официального оппонента на ее защите.

С первых же секунд телефонного разговора я почувствовал доброжелательность и отзывчивость опытного, мудрого, порядочного человека, согласившегося принять участие в защите диссертации. Она состоялась в Казанском университете, где Ирина Романовна хорошо знали и ценили как специалиста в области изучения славянского средневековья. Ее положительный отзыв о моей работе был очень важен для формирования мнения членов диссертационного совета.

После защиты мы стали регулярно переписываться, делиться новостями университетской жизни, обмениваться новинками специальной литературы. В переписке отчетливо проявились такие черты характера Ирины Романовны, как обязательность, скромность.

Из других встреч особенно запомнился приезд Ирины Романовны на стажировку на кафедру истории средних веков СГУ, особенно тот ее день, когда она выступала перед студентами с воспоминаниями о своих студенческих и аспирантских годах, о тех уроках, которые преподнесла ей жизнь. Главной целью стажировки была подготовка к завершению докторской диссертации, защита которой состоялась в Саратовском университете в мае 1992 года. Эта была первая после долгого перерыва докторская защита по всеобщей истории в Саратовском университете, что само по себе свидетельствует о высоком авторитете Ирины Романовны как исследователя.

Завершив работу над докторской диссертацией, я обратился к Ирине Романовне с просьбой выступить на ней в качестве официального оппонента. И вновь я получил

положительный ответ, а вместе с ним – авторитетного среди историков-славистов нашей страны эксперта.

Общаясь с учениками И.Р., продолжившими научное изучение истории славян в аспирантуре Московского университета и ставшими известными специалистами (А.В. Рандиным, Г.В. Рокиной), я мог убедиться в том, насколько высоко они ценят ее как ученого и человека. Думаю, что этот авторитет складывался из повседневного общения, совместного творческого труда, в котором полнее, чем в чем-либо ином раскрывается личность любого человека.

В заключение скажу, что я благодарю судьбу за то, что и на своем жизненном пути я встретился с замечательным ученым и педагогом – Ириной Романовной Фишер».

Работы И.Р. Фишер по аграрной истории средневековой Европы печатались в журнале «Советское славяноведение». Она участвовала в составлении «Хрестоматии по истории южных и западных славян» для университетов, подготовив разделы «Чешские земли и Словакия» (1987). Только в ее личной библиотеке можно было найти такие редкие издания, как «Исторический часопис» («Historicky casopis»), который выпускался с 1967 года до начала 1980-х годов. Именно из этого журнала она узнала о публикации в Чехословакии редкого издания – «Терезианского кадастра». По ее просьбе известный чешский ученый, составитель кадастра Й. Петрань прислал из Праги все три тома. Эти документы на чешском языке легли в основу докторской диссертации И.Р. Фишер «Феодальное поместье Чехии конца XVII – первой половины XVIII вв.», которую она защитила в Саратовском университете в 1993 году. Любовь к Чехии, ее истории и культуре всегда была присуща творчеству Ирины Романовны. Она хорошо знала и чешский, и словацкий языки, именно она преподавала и мне (Г.В. Рокиной – авт.-сост.) первые уроки этих языков на третьем курсе историко-филологического факультета Марийского государственного университета. Здесь стоит оговориться, что учебная программа педагогического института не включала изучение курсов истории южных и западных славян. Этот курс читался в Марийском университете, который был открыт в 1972 году. В нем с 1973 года И.Р. Фишер на условиях совместительства преподавала историю средних веков для студентов исторического отделения. Здесь появились ее первые ученики по истории славистики, Александр Рандин и Галина Рокина, продолжившие научную школу И.Р. Фишер, основа которой была заложена в Саратовском университете А.И. Озолиным и преподавателями кафедры истории средних веков СГУ.

Из воспоминаний выпускника Марийского госуниверситета 1977 года, представителя Торгово-промышленной палаты РФ в Словакии, кандидата исторических наук, преподавателя Университета им. Я.А. Коменского (Братислава) Александра Валентиновича Рандина:

«Я и моя сокурсница, Галина Коснова-Рокина, познакомились с Ириной Романовной Фишер на втором курсе университета, когда она пришла к нам читать лекции по истории средних веков. Курс наш был необычный, небольшой – 25 человек, это был первый набор на историческое отделение первого в республике университета. Поэтому апломба и амбиций у нас было не счесть. В какой-то степени они и оправдались. Среди выпускников нашего курса два доктора исторических наук – Татьяна Шикаева (Никитина) и Галина Рокина, три кандидата исторических наук – я, Валерий Петров, Олег Данилов; профессора, доценты, преподаватели вузов, работники научно-исследовательского института, музейные работники, профсоюзные лидеры, учителя высшей категории, офицеры, государственные служащие. Но тогда, в начале

1970-х годов, конечно, мы были еще совсем юными и малоопытными людьми. Таких нас впервые и узнала Ирина Романовна. О ней мы к тому времени были «наслышаны», т.к. дружили с параллельным курсом из пединститута (устраивали совместные вечера, танцы, песни под гитару). Побавались и немного «куражились», вот такие мы – университетские! Лекции, конечно, очаровали: Ирина Романовна погрузила нас в мир средневековья, ее речь было легко конспектировать, все было подчинено строгой логике изложения. Но первые два практических занятия были нами сорваны: мы не были еще приучены работать с историческим источником, а эту работу она считала важнейшей составляющей учебы в вузе. Лишь с третьей попытки были освоены средневековые хроники Франции, мы приняли и поняли требования И.Р. Фишер, и началась совместная работа. Во время этих занятий у нас появилось желание глубже изучать проблемы средневековья. Трое студентов – Олег Данилов, Галина Коснова-Рокина и я записались на спецкурсы и спецсеминары И.Р. Фишер по индивидуальному плану. Большая благодарность нашему первому заведующему кафедрой тех лет Александру Германовичу Симонову, который пошел навстречу и внес изменения в учебные планы. Итогом этой совместной научной деятельности стали курсовые и дипломные работы по истории Чехии и Словакии. О. Данилов позже переключился на проблемы античности и защищал дипломную работу по другому периоду истории.

Эти индивидуальные занятия, действительно, были индивидуальными. Мы слушали лекции и занимались практической работой дома у Ирины Романовны, на улице Рябинина (тогда она была Заводская). Помню тот трепет и робость, которые мы испытывали, когда впервые переступили порог ее квартиры. Но уже вскоре она стала для нас очень родной и уютной. Нам читались лекции по истории Чехии и Словакии, «второму изданию крепостничества», преподавалась методика и методология научных исследований. Очень много внимания уделялось изучению чешского и словацкого языков, переводу документов, их анализу и систематизации.

Успешная защита дипломных работ стала той ступенькой, с которой началась наша дальнейшая научная деятельность. В 1982 году мы с Галиной Косновой-Рокиной поступили в аспирантуру кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета. Немалую, а может, и решающую роль сыграл тот факт, что мы были учениками И.Р. Фишер и писали дипломные работы по истории славян. Во время учебы в аспирантуре у профессора Л.П. Лаптевой нам очень пригодились все те знания и навыки, которые нам дала И.Р. Фишер.

Сегодня моя жизнь полностью связана с теми странами, историю, язык и культуру которых я впервые узнал благодаря урокам Ирины Романовны Фишер. Я благодарен судьбе, что на своем жизненном пути я встретил Учителя и Человека, который преподнес самые главные уроки жизни – честности, верности, благородства. Сегодня я только могу сожалеть о том, что при ее жизни не успел сказать ей все те слова благодарности и уважения, которые она заслуживает».

Еще одним учеником Ирины Романовны, которым она гордилась и который продолжил ее научные изыскания, является Валерий Леонидович Ларионов, выпускник Марийского пединститута 1980 года. Он продолжил послевузовское образование в Московском педагогическом университете и защитил кандидатскую диссертацию по средневековой Англии. Сегодня он, один из ведущих ученых Марийского государственного университета, продолжает дело Ирины Романовны – читает курс лекций по истории средних веков.

Ирина Романовна всю жизнь усердно занималась научной деятельностью. В 1993 году она защитила докторскую диссертацию. Об этом периоде вспоминает бывший

в те годы **проректором по научной работе МГПИ, доктор исторических наук, профессор Валерий Алексеевич Морозов:**

«...Помню, как упорно, настойчиво она работала над докторской диссертацией. Ирина Романовна не любила об этом распространяться и защитилась как-то вдруг, для многих, и для меня тоже, неожиданно. Ирина Романовна – прирожденный педагог, опытный вузовский преподаватель... Меня больше всего восхищает в ней ее интеллигентность. Академик Д.С. Лихачев говорил, что можно притвориться добрым, но нельзя притвориться интеллигентным. Интеллигентность Ирины Романовны естественная, это, думаю, ее стержень, суть...».

За заслуги по подготовке педагогических кадров для Республики Марий Эл И.Р. Фишер было присвоено звание «Почетный профессор».

Из воспоминаний ректора Марийского госпединститута в 2003–2008 гг., кандидата юридических наук Валериана Александровича Егорова:

«Служу России», – так кратко и емко ответила Ираида Рувимовна Фишер в декабре 2007 года во время процедуры присвоения ей решением Ученого совета ГОУВПО «Марийский государственный педагогический институт им.Н.К. Крупской» звания «Почетный профессор» за значительный вклад в развитие педагогического образования и воспитания молодежи.

В этих словах и в целом образе Ираиды Рувимовны мы видим истинного профессионала – патриота, бескорыстно любящего свое Отечество и людей, посвятившей всю свою жизнь верному служению его Величеству – Образованию.

Я благодарен судьбе за то, что мне посчастливилось работать с ней в одном коллективе в Храме Знаний – институте и на кафедре истории и права. Она оставила в моей душе глубокое впечатление мудрого, высокообразованного, интеллигентного и справедливого человека, обладающего энциклопедическими знаниями, прозорливостью, творившей до последней минуты непростой своей жизни добро во имя настоящего и будущего... Светлая ей память...

В последние дни своей жизни Ирина Романовна тяжело болела, но продолжала работать: читала текст диссертации Р. Воробьева, обсуждала тему и план дипломной работы Л. Чулкова, беспокоилась, как идут дела на кафедре у коллег, как их здоровье и все ли благополучно в семьях. Говорили мы и о «грядущем» юбилее. Она не хотела его отмечать: и здоровья нет, и времена не те, но больше всего не хотела слышать высокопарных и фальшивых речей. Юбилей Ирины Романовны мы будем отмечать без нее... И жить будем дальше, сохраняя память об Учителе и Человеке, стараясь не уронить ту планку педагога и ученого, которую она так высоко установила.

А.Н. ГАЛЯМИЧЕВ

**САРАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НА ЖИЗНЕННОМ И ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ И.Р. ФИШЕР**

Каждый юбилей – это повод оглянуться назад, подвести итоги, отделить главное от второстепенного, вспомнить о важнейших этапах пройденного юбиларом пути.

В судьбе И.Р. Фишер особое место занимает Саратовский университет, с которым были связаны ее первые шаги в науке. Прежде всего следует вспомнить о том, что она

была выпускницей исторического факультета СГУ, поступив в университет в 1947 г. и закончив его в 1952 году.

Саратовский истфак занимал видное место в советской исторической науке и образовании конца 1940-х – начала 1950-х годов. Это был третий по времени основания (после московского и ленинградского) университетский исторический факультет в СССР, созданный во исполнение известного постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР от 14 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Факультет открыл двери в сентябре 1935 года. Его структуру составляли пять (беспрецедентный для провинциального истфака тех лет случай!) кафедр: истории СССР, истории древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории колониальных и зависимых стран¹. Костяк преподавательского состава составили выпускники аспирантур столичных вузов. Факультету было выделено здание на центральной площади города. Для комплектования библиотек кафедр истфаку СГУ были переданы богатые фонды литературы из конфискованных после революции частных собраний (Нарышкиных, Нессельроде и др.)², которые были доступны для работы студентов.

В годы Великой Отечественной войны в Саратов был эвакуирован Ленинградский университет, что способствовало дальнейшему росту уровня преподавания и научных исследований.

Послевоенный истфак принял поколение опаленных войной молодых людей, страстно тянувшихся к знаниям, требовательных к себе и к другим³. Эта среда не могла не оказать влияния на формирование характера И.Р. Фишер, ее нравственных принципов.

Определяя тему своей научной специализации, И.Р. Фишер остановила свой выбор на истории средневековой Чехии. Думается, что это в значительной мере было продиктовано влиянием личности преподавателя истории зарубежных славян. Им был приглашаемый тогда в университет «внешний совместитель» – декан исторического факультета Саратовского педагогического института Артур Иванович Озолин. Преданный науке, доброжелательный и отзывчивый человек, он пользовался большим уважением среди коллег и студентов. По воспоминаниям профессора А.И. Авруса, А.И. Озолин «читал очень интересно, на высоком научном уровне... Его лекции отличались логической стройностью, взвешенностью оценок, умелым сочетанием теоретических положений и фактического материала. Некоторых студентов смущала некоторая монотонность изложения, но привыкнув к его манере чтения лекций, студент понимал всю их значимость и высокое качество»⁴.

За плечами А.И. Озолина был к тому времени богатый жизненный опыт. Говоря о важнейших вехах жизненного пути историка, нельзя не вспомнить о том, что уже в самом его начале произошло событие, отблеск которого освещал труды и дни Артура Ивановича на всем их протяжении. Осенью 1910 года, когда отец А.И. Озолина, железнодорожный служащий Иван Иванович Озолин занимал должность начальника станции Астапово, дом Озолиных стал последним приютом великого русского писателя Льва Николаевича Толстого⁵.

Рано потеряв отца (Иван Иванович ушел из жизни в 1915 г.), А.И. Озолин пережил годы нужды и бедствий в страшное время революции и гражданской войны. Благодаря настойчивости и трудолюбию ему удалось закончить библиотечный техникум, а затем (заочно и одновременно) пройти курс обучения на двух факультетах Саратовского педагогического института – историческом и лингвистическом.

Еще в студенческие годы А.И. Озолина увлекла история гуситского движения, что в какой-то мере объяснялось традициями семейного воспитания (родители

А.И. Озолина – латыш Иван Иванович и немка Анна Филипповна – были лютеранами, в среде которых в течение веков сохранялось особо уважительное отношение к Яну Гусу, которого сам Мартин Лютер неоднократно называл своим предшественником и учителем), но в первую очередь тем, что грандиозная гуситская эпопея многими своими чертами перекликалась с драматическими судьбами России первых десятилетий XX века.

Защитив дипломную работу на историческом факультете на тему «Ян Гус и гуситское движение» и став преподавателем кафедры истории Запада и Востока Саратовского педагогического института, А.И. Озолин, несмотря на многочисленные препятствия (отсутствие публикаций источников и научной литературы в библиотеках Саратова, специальной подготовки в области медиевистики и даже научного руководителя), упорно работал над избранной проблематикой. К июню 1941 года работа над диссертацией была в основном завершена, и тогда с ее материалами ознакомился профессор З.Р. Неедлы⁶ и дал ей в целом положительную оценку.

В начале Великой Отечественной войны А.И. Озолин продолжал работать в педагогическом институте и закончил работу над диссертацией, с текстом которой ознакомился известный советский медиевист О.Л. Вайнштейн⁷, прибывший в Саратов весной 1942 г. вместе с эвакуированным в Саратов коллективом преподавателей и студентов Ленинградского государственного университета.

В декабре 1942 года А.И. Озолин был призван в ряды РККА, прошел дорогами войны до Победы и вернулся в родной институт. Лишь в 1948 году он, наконец, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пражане и табориты» в Московском университете. В конце 1940-х – начале 1950-х годов он находился в расцвете творческих сил и стал одним из лидеров возрождавшейся в нашей стране исторической славистики⁸.

Как преподаватель, А.И. Озолин отличался не только основательностью постановки лекционного курса, но и умелым руководством научной работой студентов. Под руководством А.И. Озолина И.Р. Фишер подготовила интересное дипломное сочинение, наиболее оригинальные части которого были опубликованы⁹. Работа И.Р. Фишер над дипломным сочинением несла на себе печать своего времени, которое было отмечено тесным сотрудничеством стран социалистического содружества. Отсюда проистекал особый интерес к истории братского чешского народа, а одна из особенностей университетской жизни того времени создавала благоприятные условия для ее научных занятий. Мы имеем в виду «появление с осени 1949 г. необычных для нас студентов, прибывавших из стран народной демократии. Первые иностранные студенты были из Румынии, они поступили на исторический факультет, за ними последовали польские, чехословацкие, венгерские, немецкие, китайские студенты»¹⁰.

И.Р. Фишер вспоминает об этом так: «В СГУ в те годы не преподавались славянские языки. Но в саратовских вузах учились студенты из стран Восточной и Центральной Европы. Не помню, каким образом я вышла на чехов, учившихся в сельскохозяйственном институте. Один из них взял на себя обязанности помогать мне в изучении языка. Почти каждое воскресенье он занимался со мной по полтора-два часа совершенно бесплатно. Так продолжалось на протяжении четвертого и частично пятого курса. Сравнительно быстро я стала читать тексты Яна Гуса, т.к. в чешском языке немало общих корней с русским»¹¹.

По окончании исторического факультета И.Р. Фишер несколько лет работала учителем истории, постоянно поддерживая тесные связи с факультетом и кафедрой истории средних веков. Когда же в 1961 году было принято решение о восстановлении

аспирантуры по кафедре истории средних веков в СГУ, именно она стала первой аспиранткой. В том же году на исторический факультет вернулся ставший к тому времени кандидатом наук выпускник 1954 года, ныне доктор исторических наук, профессор, видный специалист в области истории России XIX века Николай Алексеевич Троицкий, который в своих воспоминаниях дает общую характеристику факультета и университета того времени: «Преподаватели саратовского истфака, хотя и не были тогда отмечены докторскими регалиями, большей частью отличались высоким профессионализмом и в учебной, и в научной работе, а иные из них могли похвастаться отличной школой. Кроме Л.А. Дербова, окончившего Ленинградский университет и аспирантуру Московского университета, назову выпускников знаменитого Института Красной профессуры (М.С. Персов, А.Ф. Остальцева, В.К. Медведев, М.Г. Тихомиров), Военной академии им. М.В. Фрунзе (участник Парада Победы Д.П. Ванчинов), истфака и аспирантуры МГУ (С.М. Стам, И.С. Кашкин, В.В. Широкова, Э.К. Путный, причем Широкова училась у академика М.В. Нечкиной, Стам – у академика С.Д. Сказкина, а Кашкин – у крупнейшего историка-востоковеда А.Ф. Миллера)... Как и прежде, истфак обретался в одном здании с филологическим факультетом. У филологов, наряду со старыми корифеями – А.П. Скафтымовым и А.М. Лукьяненко – выдвинулся и занял первое место благодаря репутации, заслугам, ученому имени Евграф Иванович Покусаев. Он соединял в себе блестящий дар литературоведа и завидную интуицию историка. Под его пером ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ живет в лучшем смысле обоих слов, составляющих это понятие... Выдающиеся ученые и педагоги работали тогда и на других факультетах СГУ. Имена математика Виктора Владимировича Вагнера, физика Петра Васильевича Голубкова, химика Якова Яковлевича Додонова, биолога Павла Абрамовича Вундера были известны далеко за пределами Саратова и СССР. Видным ученым и блестящим администратором, человеком удивительного обаяния был ректор СГУ 1950–1965 гг. химик Роман Викторович Мерцлин»¹².

Начало 1960-х годов было своего рода «звездным часом» кафедры истории средних веков. Она представляла собой работоспособный коллектив увлеченных своим делом ученых и педагогов. Работу кафедры умело направлял ее ярко выраженный лидер – в те годы кандидат исторических наук, доцент Соломон Моисеевич Стам¹³. В начале 1960-х годов он уверенно приближался к завершению докторской диссертации¹⁴, в которой всесторонне обосновывалась оригинальная концепция истории средневекового города, открывшая широкие горизонты дальнейшего осмысления самых разных аспектов урбанистического развития средневековой Европы¹⁵.

Артур Иванович Озолин, ставший штатным работником кафедры истории средних веков в 1955 г., после объединения исторических факультетов СГУ и педагогического института, продолжал успешно работать над проблемами истории славянского средневековья. В 1962 году он опубликовал оригинальное по творческому замыслу исследование, которое и сегодня остается наиболее обстоятельным научным трудом по истории гуситского движения, опубликованным на русском языке¹⁶.

С 1956 года штатным работником кафедры стал также участник Великой Отечественной войны, военный переводчик, вернувшийся в науку в начале 1950-х годов после службы в Советской администрации в Германии Всеволод Александрович Ермолаев – прекрасный знаток немецкой истории эпохи Реформации, опубликовавший ряд ценнейших сборников документов¹⁷ и монографию о социально-политической борьбе накануне Реформации¹⁸.

Еще раньше, в 1950 году, на кафедре стала работать выпускница Ленинградского университета, ученица О.Л. Вайнштейна, Мария Моисеевна Яброва, обобщившая свои исследования 1950-х – первой половины 1960-х годов в интересной монографии¹⁹.

Руководимый С.М. Стамом научный семинар кафедры был прекрасной школой профессионального мастерства. Труды работников и аспирантов подвергались всестороннему рассмотрению, взыскательной критике, направлявшей на дальнейший творческий поиск. Три года напряженного труда аспирантки И.Р. Фишер увенчались своевременным (точно в срок) представлением кандидатской диссертации, которая была посвящена проблематике аграрного развития позднесредневековой Чехии. В конце 1950-х – начале 1960-х годов она находилась в сфере особого внимания советской и мировой науки, когда проблема «второго издания крепостничества» в странах Восточной Европы стала предметом оживленной международной научной дискуссии.

Дальнейшая судьба И.Р. Фишер как ученого и педагога была связана с вузами Йошкар-Олы, но кафедра истории средних веков и исторический факультет СГУ как «малая родина» продолжали жить в ее научной и преподавательской работе.

Говоря о Саратовском университете начала 1960-х годов и его месте на жизненном пути И.Р. Фишер, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о его библиотеке, без которой работа над диссертацией едва ли была возможна. Рожденная вместе с университетом (Саратовский университет был основан в 1909 году и был десятым по времени возникновения университетом в Российской империи), она прошла долгий путь развития, но на рубеже 1950-х – 1960-х годов переживала небывалый взлет. С 1949 года библиотека стала получать государственный обязательный экземпляр книг на русском языке, выходящих в СССР²⁰. В том же году архитекторами С.В. Истоминым и Д.Ф. Фридманом был разработан проект нового здания библиотеки. А.И. Аврус вспоминает: «Еще не было завершено строительство 5-го корпуса, а усилиями директора Научной библиотеки СГУ В.А. Артисевич удалось добиться воплощения в жизнь разработанного при ее активном участии проекта библиотечного здания. Работники библиотеки, студенты, аспиранты, преподаватели всех факультетов принимали непосредственное участие в возведении Дворца книги. В те годы ни один советский университет не имел такого библиотечного корпуса, построенного с учетом самых последних требований времени. И когда в 1956 году библиотека университета переехала в новое здание и его открыли для читателей, – это был праздник не только университета, но и всего города. Библиотека стала одним из культурных центров Саратова, его архитектурной достопримечательностью»²¹.

Но, разумеется, главным богатством библиотеки были и остаются ее люди, прекрасные знатоки своего дела, помогавшие разыскать нужную для исследования книгу даже за пределами нашей страны. Они составляют «золотой фонд» неповторимой культурной среды Саратова как русского университетского города, вместе с его театрами и музеями, филармонией и выставочными залами, неповторимым очарованием архитектурного облика старого города и природы Нижневолжского края, с которым неразрывно связаны многие и очень важные страницы жизни и научного творчества видного историка-слависта Ирины Романовны Фишер.

Примечания

¹ Накануне Великой Отечественной войны была образована еще одна кафедра – археологии и этнографии.

² См.: *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 11–15.

³ Однокурсник И.Р. Фишер, ныне – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории в новейшее время Саратовского университета А.И. Аврус вспоминает: «Среди поступающих в СГУ в 1945–1950-х гг. было много фронтовиков. Например, в 1947 г. они составляли свыше 10 % зачисленных на первый курс. Были среди них не только мужчины, но и женщины, героически сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны. Кроме того, вернулись оставшиеся в живых студенты, ушедшие на войну с разных курсов. Абсолютное большинство студентов-фронтовиков отличалось своей обще-

ственной активностью, они возглавляли партийные, комсомольские, профсоюзные организации факультетов и университета. После 4–6 и более лет отрыва от учебы нелегко было прийти в университетские аудитории, слушать лекции, готовиться к семинарам и лабораторным занятиям. Но вчерашние участники войны на деле доказали, что способны преодолевать любые трудности. Обычно к третьему курсу они обогнали в учебе своих сокурсников, пришедших учиться сразу после школы, втягивались в научно-исследовательскую деятельность и защищали прекрасные дипломные работы... Студенты, поступавшие в университет сразу после школы, тянулись за фронтовиками. Следует отметить, что в эти годы на факультетах, курсах, в группах формировался подлинный культ учебы». – *Аврус А.И.* Саратовский государственный университет в первые годы после Великой отечественной войны // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: материалы науч. конф., посвященной 90-летию исторического образования в Саратовском университете. Саратов, 2008. С. 9–10.

⁴ Из воспоминаний А.И. Авруса об историческом факультете СГУ // Личный архив автора статьи.

⁵ См. публикацию воспоминаний И.И. Озолина: Озолин Ив. Последний приют // Литературное обозрение. 1978. № 9. С. 101–105.

⁶ См.: *Озолин А.И.* Исследования по гуситскому революционному движению и социально-экономическому развитию Чехии периода позднего феодализма // Средневековый город. Саратов, 2008. Вып. 19. С. 7. Неedly Зденек Романович (1878–1962) – выдающийся чешский историк, специалист по истории гуситского движения и истории чешской культуры. В 1909–1939 гг. – профессор Карлова университета в Праге. В 1939 году, после оккупации Чехии немецко-фашистскими войсками, эмигрировал в СССР, где до 1945 г. и возвращения на родину был профессором кафедры истории южных и западных славян Московского университета.

⁷ См.: *Озолин А.И.* Исследования по гуситскому революционному движению... С. 7.

⁸ Достаточно привести перечень основных публикаций А.И. Озолина 1950-х годов: *Озолин А.И.* Гуситы в Турнэ // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1952. Т. 4. С. 331–340; он же. Манифесты города Праги в годы крестьянской войны в Чехии // Там же. М., 1952. Т. 5. С. 327–342; он же. Гуситское движение в новых работах чешских и словацких историков // Вопросы истории. 1954. № 10. С. 140–145 (в соавт. с Г.Э. Санчуком и П.И. Резоновым); О международном значении чешской крестьянской войны // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 57–71; он же. Национально-освободительное движение чешского народа и восстание 1547 г. // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1955. Т. 11. С. 302–321; он же. *Ohlas husitství v některých zemích střední a západní Evropy* // *Mezinárodní ohlas husitství*. Praha, 1958. S. 285–311; он же. Гуситские сочинения Будушинской рукописи как источник для изучения социально-политических требований и тактики бюргерской оппозиции в гуситском движении // Славянский архив. М., 1959. С. 57–80; он же. Новое исследование по истории Табора // Средние века. М., 1959. Вып. 14. С. 121–130. См. также написанные А.И. Озолиным главы в коллективных трудах советских историков: История Чехословакии. М., 1956. Т. 1. С. 169–185, 199–208, 225–250, 258–275, 319–356; Всемирная история. М., 1958. Т. 4. С. 385–399.

⁹ См.: Фишер И.Р. Ян Гус – борец за единую и независимую Чехию // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. 1956. Т. 47. С. 275–290.

¹⁰ *Аврус А.И.* Саратовский университет в первые годы после Великой Отечественной войны. С. 10.

¹¹ *Фишер И.Р.* Об ученом и человеке (Страницы памяти) [Воспоминания об А.И. Озолине] // Архив кафедры истории средних веков СГУ. В настоящее время воспоминания И.Р. Фишер готовятся к публикации.

¹² *Троицкий Н.А.* Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 81–93.

¹³ Полагаю уместным привести в этой связи емкую характеристику из книги воспоминаний Н.А. Троицкого, где говорится о наиболее ярких преподавателях саратовского истфака времен студенческой юности автора: «Первым названием Соломона Моисеевича Стама. Москвич, выпускник элитно-экзотического МИФЛИ, ученик крупнейшего ученого-медиевиста, академика С.Д. Сказкина. Стам в 1949 г. приехал в Саратов, возглавил здесь кафедру истории средних веков и руководил ею до 1991 г. (42 года!), установив тем самым незыблемый доселе рекорд саратовского истфака. Мало того, заняв сразу же первое место на факультете по историко-философской мудрости, основательности, *фундаментальности*, он так никому его не уступил. Лекции Стама (как и его печатные труды) многим из нас, студентов, казались скучными, но мы ценили и глубину их содержания, и академическую изысканность формы. Показателен такой факт. В 1953 г. была переведена в МГУ группа проучившихся два года в Саратове студентов из Чехословакии. Через год они написали друзьям в Саратов, что в МГУ нет, конечно, таких лекторов, как (тут они назвали фамилию действительно слабого преподавателя), но зато нет и таких, как Стам». – Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 29.

¹⁴ В качестве таковой была в 1970 г. защищена монография: Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов, 1969.

¹⁵ Наиболее полное представление о концепции С.М. Стама можно составить на основе анализа материалов, опубликованных на страницах издаваемого с 1968 г. в Саратовском университете межвузовского сборника научных трудов «Средневековый город».

¹⁶ См.: *Озолин А.И.* Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962. Отметим также, что в 1965 г. за заслуги в деле изучения истории гуситского движения А.И. Озолин был награжден памятной медалью Чехословацкой Академии наук в честь 550-летия со дня трагической гибели Яна Гуса.

¹⁷ Крестьянское движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1961; Крестьянская война 1525 года во Франконии. Саратов, 1968–1969. Вып. 1–2.

¹⁸ *Ермолаев В.А.* Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966.

¹⁹ *Яброва М.М.* Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

²⁰ См.: Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959. С. 258.

²¹ *Аврус А.И.* Саратовский университет в первые годы после Великой Отечественной войны. С. 8. О строительстве здания Научной библиотеки СГУ А.И. Аврус посчитал необходимым упомянуть и в своей общей работе по истории российских университетов: «Новое строительство проводилось и в периферийных университетах. Так, в Саратове был построен 5-й корпус университета; благодаря настояниям и усилиям директора НБ СГУ В.А. Артисевич началось возведение прекрасного здания библиотеки, украсившего город». – Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 141.

С.И. МИХАЛЬЧЕНКО

**М.Ю. ДОСТАЛЬ. КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА: ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

Марина Юрьевна Досталь – известный историк, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, издала новую книгу, в которой подвела итоги своим многолетним изысканиям по истории отечественной славистики 1940-х годов.

Книга М.Ю. Досталь – это серьезное научное исследование, впервые в нашей историографии представившее внушительную картину возрождения и развития отечественного славяноведения в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Автор последовательно отстаивает право на существование данного этапа как самостоятельного в истории этой отрасли отечественной науки.

Монография основана на обширной базе разнообразных источников: как архивных (исследованы фонды семи российских и зарубежных архивов), так и печатных. Несомненным достоинством данного труда является то, что автор опирается на целый комплекс документов, не отдавая предпочтения какому-то отдельному виду. Это документы и официального (докладные записки в директивные органы, протоколы заседаний различных научных центров, отчеты о работе, служебных командировках и пр.), и личного характера (письма, мемуары, воспоминания и пр.) Источниками служили также сочинения советских славистов, рецензии на них и хроникальные заметки о разных заседаниях, сессиях, конференциях, съездах и пр.

Следует отметить, что автор является первооткрывателем и первым публикатором многих исключительно важных документов, в том числе таких объемных, как мемуары С.Б. Бернштейна «Зигзаги памяти», изданных в 2002 году.

В первой главе М.Ю. Досталь анализирует предшествующую литературу и источники, уделяя преимущественное внимание тому, как освещалась ранее проблема возрождения отечественного славяноведения. Автор справедливо отметила, что эта проблема в 1940–1970-е годы всячески замалчивалась, игнорировалась. Ее постановка стала возможна только в годы гласности и перестройки, когда начали открыто говорить о репрессиях славистов и фактическом уничтожении этой науки в 1930-е годы. Только угроза войны, различные внутри- и внешнеполитические факторы (которые определяет и анализирует автор) заставили руководство страны повернуться лицом к славистике и удовлетворить многочисленные просьбы специалистов о создании специальных, пока историко-славистических центров в МГУ и АН СССР. Возрождение славянской филологии, сильно скомпрометированной в советском общественном мнении, как справедливо показывает автор, стало возможно только в годы Великой Отечественной войны.

Во второй главе впервые рассматривается острая проблема взаимодействия науки и господствующей идеологии в сложных перипетиях между классовым пролетарским интернационализмом (до и после войны) и этнонациональным славянским патриотизмом (в период войны). Автор убедительно доказывает, что метаморфозы идеологии во многом обуславливали кадровую и институциональную политику направления исследований и конкретную интерпретацию отдельных проблем.

Третья глава посвящена становлению университетской славистики. Автор скрупулезно рассматривает детали практической организации преподавания славистических дисциплин в МГУ, ЛГУ и в других вузах страны как исторического, так и филологического профиля. Здесь и в других местах автор анализирует проблему усвоения разных форм марксистской методологии.

В четвертой главе М.Ю. Досталь тщательно анализирует деятельность всех славистических центров в АН СССР: Сектора славяноведения в Институте истории, Славянской комиссии, славистических подразделения в ИЯМ, ИЯП, ИРЯ, реконструирует период борьбы ведущих славистов за создание Института славяноведения АН СССР.

В пятой главе впервые дается анализ славистической продукции в указанный период: рассматриваются основные направления историко-славистических, лингвистических и литературоведческих исследований в сложном контексте идеологических кампаний: русоцентризма, противостояния марризму, борьбы с «низкопоклонством перед Западом», «против космополитизма» и пр. В связи с этим автор решает проблему научного конформизма.

В последней (шестой) главе представлена масштабная картина установления и развития научных связей советских славистов в послевоенный период, главным образом, с коллегами из стран «народной демократии», что особенно поощрялись властями. Перед учеными ставилась прямая задача (особенно в преддверии несостоявшегося съезда славистов в 1948 г.): «мягко» способствовать внедрению марксистской методологии в зарубежное славяноведение.

Монографию завершает емкое заключение, подводящее итоги проведенному исследованию.

В ней М.Ю. Досталь поставила и в целом удачно и всесторонне решила многие сложные проблемы функционирования науки в рассматриваемый период. Хотелось бы пожелать автору убрать некоторые повторы и поработать над стилем: снизить некоторую пафосность, публицистичность выражений.

Монография М.Ю. Досталь, несомненно, станет важным пособием для всех современных историков отечественной науки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВОРОБЬЁВ Роман Владимирович – выпускник аспирантуры исторического факультета Московского государственного педагогического университета.

ГАЛЯМИЧЕВ Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

ГАНУС Сергей Алексеевич – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории и историографии Ужгородского национального университета, Украина.

ГОРБАШОВА Галина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета.

ДМИТРИЕВ Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор Центрально-Европейского университета, г. Будапешт, Венгрия.

ЗЕМЦОВА Оксана Борисовна – докторантка Департамента истории и цивилизаций Европейского университета, г. Флоренция, Италия.

ИВАНОВА Тамара Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

ИВАНОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

КРЮЧКОВ Игорь Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета.

КУТЯВИН Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета.

ЛЕЖНИНА Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

МИХАЛЬЧЕНКО Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

НЕФЁДОВА Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

ПТИЦЫН Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета.

РАНДИН Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, представитель Торгово-промышленной палаты РФ в г. Братислава, преподаватель университета им. Я.А. Коменского, г. Братислава, Словакия.

РОКИНА Галина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

САНУКОВ Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета.

ТЕРЕХИНА Ольга Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, доцент кафедры международных отношений Самарского государственного университета.

ТУМАНОВ Андрей Геннадьевич – аспирант кафедры международных отношений и связей с общественностью Марийского государственного университета.

ЯРЫГИН Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, проректор по внешним связям и международному сотрудничеству Марийского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ.....	5
<i>Р.В. ВОРОБЬЁВ.</i> К вопросу о правовых аспектах взаимоотношений Рима с мавретано-нумидийскими царствами в конце III – второй трети I вв. до н.э.	5
<i>А.В. РАДДИН.</i> Гуситская эпоха в зеркале одной судьбы («русский гусит» князь Фридрих Острожский)	10
<i>М.В. ДМИТРИЕВ.</i> Католицизм и «протонационализм» во Франции конца XVI века (памфлет Ф. Пижена «Ослепление и неразборчивость Политиков»)	27
<i>Т.Н. ИВАНОВА.</i> Идеал средневекового монашеского аскетизма в исследованиях В.И. Герье.....	34
<i>Е.В. ЛЕЖНИНА.</i> Уильям Молиньюкс и проблема конституционных прав Ирландии в 1690-х годах	38
<i>А.А. ЯРЬГИН.</i> «Черное рабство» в южных колониях Англии в Северной Америке	49
<i>С. ГАНУС.</i> Язык и «дух народа» в интеллектуальной истории Германии второй половины XVIII в. (к вопросу о факторах генезиса романтизма)	51
<i>Г.Ф. ГОРБАШОВА.</i> История повседневности: «мир» человека викторианской эпохи	63
<i>А.Г. ТУМАНОВ.</i> Викторианская Англия глазами русских современников (источниковедческий обзор проблемы)	70
<i>В.В. КУТЯВИН.</i> «Кульминационная эпоха проницательности поляков в отношении России».....	77
<i>И.В. КРЮЧКОВ.</i> Вопрос угорусский – вопрос русский?: общественно-политическая мысль России последней трети XIX – начала XX вв. Об исторических судьбах русин (украинцев) Подкарпатской Руси.....	81
<i>А.Н. ПТИЦЫН.</i> Австро-Венгрия и Россия: масштабы и структура двухсторонней торговли на рубеже XIX–XX веков.....	86
<i>Т.Г. НЕФЁДОВА.</i> Выборы в Национальное собрание 1919 г. и формирование первого коалиционного правительства Веймарской Германии	93
<i>О.В. ТЕРЕХИНА.</i> «Масарик и Россия» в чехословацкой историографии 1920–1930-х гг.	99
<i>Т.И. ИВАНОВА.</i> «Петербургский диалог»: становление и развитие (2001–2004 гг.).....	106
<i>К.Н. САНУКОВ.</i> Этно-политическое развитие марийцев между тюрками и славянами.....	114
<i>O. ZEMTSOVA.</i> Church and School: Missionary Activities and Assimilation Policy in the Middle Volga Region in the second half of the 19 th century.....	127
ПОРТРЕТ ИСТОРИКА	133
<i>Г.В. РОКИНА.</i> Ирина Романовна Фишер (очерк жизни и творчества).....	133
<i>А.Н. ГАЛЯМИЧЕВ.</i> Саратовский университет на жизненном и творческом пути И.Р. Фишер.....	153
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.....	160
<i>С.И. МИХАЛЬЧЕНКО.</i> М.Ю. Досталь. Как Феникс из пепла: отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы	160
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	162

ЗАПАД-ВОСТОК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Литературные редакторы:

***О.А. Егошина,
Е.Г. Смоляр***

Компьютерная верстка

С.А. Окишева

Дизайн обложки

В.В. Смирнова

Тем. план 2009 г. № 227.

Подписано в печать 22.10.2013 г. Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 19,07. Уч.-изд. л. 13,87.

Тираж 300. Заказ № 3908.

Оригинал-макет подготовлен к печати в РИЦ и отпечатан ООП
ГОУВПО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.

ЗАПАД-ВОСТОК